

с детьми, найти общий с ними язык. Это никогда и ни за что нам не удастся, если отсутствует главное – наша любовь к ребенку. Только тогда, когда он поймет, что мы, родители, его

ВСЕ РАВНО любим, – пусть он не слушает наших советов, пусть поступает вопреки нашим принципам, убеждениям, пусть даже «ушел» от нас, – только тогда он согласится обсуждать с нами свои проблемы, свои возникшие сложности. Согласится решать их вместе с нами.

В этом смысле детей нельзя обмануть, они всегда чувствуют, где глубинная, беспримесная родительская любовь, а где она не лишена рационального начала: пока, мол, ты делаешь то, что я считаю правильным, я тебя люблю, а не будешь делать – я тебя любить не буду. Это путь в никуда. Даже когда, с точки зрения родителей, ребенок преступил грань дозволенного, когда его поведение абсолютно недопустимо, – все равно родители не могут оставить заботу о нем, должны помогать, чем можно. Все равно должны любить.

Разумеется, любовь к ребенку не означает попустительства. Настоящее чувство строго и требовательно. Мудрый царь Соломон полагал, что отец, не умеющий наказать своего ребенка, его не любит. Не раз в истории Б-г наказывал еврейский народ так страшно, что память об этом не изгладится никогда. Но мы верим в то, что Он любит нас. Поэтому даже кару мы принимаем от Него с любовью.

А поскольку Г-сподь – наш отец, Его отношение к нам должно служить примером в отношениях с детьми. Если ребенок ведет себя самым неподобающим образом, «уходит» от нас, – наказать его можно, но выбросить из сердца нельзя ни в коем случае. Потому-то заявления иных родителей: «Будешь так поступать, я перестану тебя любить» – это не только педагогическая и психологическая ошибка, но еще и абсолютно нееврейский, чуждый Торе подход к человеку.

Главный раввин России Берл Лазар

Чтобы понять суть месяца элула, мы должны прежде уяснить связь, существующую между дворцом и полем, между Субботой и неделей трудов, между самими идеями «священного» и «мирского». Настолько ли они далеки друг от друга, насколько разнятся их внешний облик? Или же на глубинном уровне между ними существует связь? И эти два мира прошиты прочными узами?

Ḥayòèèèùà

Одного взгляда на календарь достаточно, чтобы понять: в году намного больше дней, отданных «мирскому», чем «священным» дней. Да и как нам удавалось бы заработать себе пропитание, если бы неделя состояла из одного рабочего дня и шести Суббот?

Так уж сотворил нас Бг, что у нас множество материальных потребностей, а живем мы в мире, где необходимо пахать, сеять, заботиться об урожае (или заниматься врачебной практикой, адвокатской деятельностью и т.д.), чтобы эти потребности удовлетворить.

Но почему наша жизнь организована Бгом так, что на удовлетворение материальных потребностей требуется так много времени? Как это соотносится с миссией, возложенной Им на нас на горе Синай, – с миссией, о которой во второй книге Торы, Шмойс (19:6), сказано: «И будете вы Мне царством священнослужителей и народом святым»?

Ответ мы найдем в той же книге Торы, Шмойс (25:1-9), в наставлениях, данных Бгом народу Израиля после откровения на Синае и объясняющих, как сделать для Него «Святылище». Как сказано в Мидраш Танхума, (Носой,16) и разъяснено в книге «Тания» (гл. 36), «пятнадцать сущностей» (среди них – золото, серебро, медь, дерево, кудель, шерсть, шкуры животных) призваны послужить материалом для «обители Бга в физическом мире».

Сама конструкция Шатра Собраний говорит о том, какова цель пребывания человеческой души в теле и в мире. Мы призваны вдохнуть в наши занятия материальным чистоту и святость цели. Для того, чтобы наша жизнь в те дни, когда мы погружены в дела мира, стала «домом» Бга, вместилищем Его блага и совершенства. И действительно, в Талмуде сказано, когда, окончив свой земной путь, душа восходит на Небо, первый вопрос, который ей там задается, не о том, с должным ли рвением она возносила молитвы, и не о том, глубоко ли постигла Тору, но: «Честно ли ты вела дела свои?» Цель нашего присутствия в этом мире ни в чем не реализуется столь полно, как в занятии делами этого мира, сказано в Талмуде (Шабос, 31a).

Здесь кроется объяснение того, почему в Торе перечень работ, от исполнения которых следует воздерживаться в Субботу, вплетен сразу в две главы. И в 31-й, и в 35-й главах Шмойс заповеди о соблюдении Субботы и инструкции, связанные со строительством Шатра Собраний, практически переплетены. Талмуд (там же, 49б) поясняет: причиной такого взаимопроникновения несхожих, казалось бы, законов является то, что тридцать девять видов созидательного труда, совершаемых при строительстве Шатра Собраний, образуют те самые тридцать девять видов деятельности, которыми запрещено заниматься по Субботам.

Человек считается нарушителем Субботы лишь в том случае, если работа, которую он совершал, имеет соответствие среди работ по сооружению Шатра Собраний: они сеяли (траву, из которой делали краску для ковров – Раши) – ты не должен сеять [в Субботу]. Они собирали урожай [травы] – тебе не должно собирать урожай. Они грузили завесы для стен на тележки – ты не должен переносить что-либо из владений частных во владения общественные...

Иными словами, работа, в которую мы погружены в те дни нашей жизни, что отданы «мирскому», и от которой воздерживаемся в Субботу и в иные «священные» дни года, – это работа по возведению из материалов физической жизни «Святылища» Бгу. «Мирское» является таковым лишь на первый взгляд: просто материальный мир не проявляет открыто свое истинное предназначение – послужить священному и стать «обителью Бгу».

Ḥiḏēiḏāyḏāiḏà

Однако, если дни, посвященные мирским трудам, по сути своей, священны, то каковы же тогда «священные» дни? Если «священные» дни – это дни, когда следует приостановить строительство «Святылища», то как именно они связаны с той целью, во имя которой душа снисходит в материальный мир? Является ли Суббота отдыхом от жизни?

Субботы и праздники, подобно холмам и скалам возвышаясь над равниной времени, призваны быть теми господствующими над этой равниной вершинами, с которых мы можем оглядеть долину «с точки зрения трансцендентного».

Не будь у нас этой возможности взглянуть «вниз» с более высокой точки, сменив саму перспективу взгляда, мы бы рисковали запутаться и погрязнуть в материальном. И вместо освящения профанного, – дела, к которому мы призваны, – произошла бы профанация нас самих.

Под поверхностной завесой профанного материальный мир скрывает иную, глубинную истину – именно то, что в потенции он есть обитель блага и совершенства Создателя. Цель нашей будничной жизни изо дня в день – раскрыть этот потенциал, действительно сделать этот мир домом Бга.

Но по будням сам этот потенциал неочевиден для нас, ибо мы сосредоточены не на нем, а на процессе, призванном этот потенциал высветить. Сама наша вовлеченность в материальное мешает нам в собственном опыте пережить его духовную суть. Чтобы это случилось, мы должны «подняться над».

Так, Шабос – это вкус мира грядущего, сказано в Талмуде (Брохойс, 576). «Священные» дни – это точки во времени, когда мы выходим за пределы мирского. Выходим – из того его поверхностного восприятия, которое отличает будни, и видим истинный лик мира.

В той же книге Торы, в Шмойс (20:9) заповедано: «Шесть дней работай и делай всю работу свою». Мидраш выражает удивление: что значит «делай всю работу свою»? Действительно – означает ли это, что всякий труд должен быть совершен прежде, чем настанет Суббота? А как быть, если человек трудится над проектом, завершение которого требует многих недель, а то и лет?

Мидраш Мехилта на Шмойс (20:9) поясняет: «Когда приходит Суббота, всякую работу ты должен видеть так, как если бы она была сделана».

Но ведь разве Суббота – не есть тот самый день, когда мы выходим за рамки всех наших устремлений к материальному, в которых мы жили в течение остальных дней недели? Но тогда, казалось бы, мы можем предположить, что в Субботу к работе следовало бы относиться как к чему-то несущественному и несуществующему?

На самом же деле, Суббота – день, когда «всякую работу ты должен видеть так, как если бы была она сделана». Шабос – день, когда мы поднимаемся над буднями, поднимаемся во имя того, чтобы увидеть цель и завершение наших трудов.

И когда мы вновь вступаем после этого в будни, этот опыт Субботы или праздников пребывает с нами. Обогащенная видением истинной природы реальности, укрепленная пониманием того, что будет достигнуто нами в конечном итоге, наша будничная жизнь тем самым сосредоточивается на ее истинной цели. И благодаря этому она становится куда менее зависима от непостоянства и изменчивости «мирского».

Это также находит свое выражение в том, как странно сформулированы в Мишне категории работ, которые запрещено совершать в Шабос: «этих категорий работ сорок без одной». Ведь обычно Мишна всегда стремится к «ясности и точности» формулировок. Так почему же и здесь не сказать просто: «тридцать девять»?

Комментарии Талмуда поясняют, что на самом деле этих категорий сорок. При этом комментаторы дают ссылки на тот факт, что слово мелоха встречается в Торе сорок раз.

Однако, если мы посчитаем работы, связанные с возведением Шатра Собраний, то таких работ будет тридцать девять. «Недостающая» до полного списка из сорока работа – это как раз та, которую можно совершать в Субботу, – это «работа Небес».

Иными словами, на самом деле рабочую жизнь человека наполняют сорок элементов: тридцать девять созидательных работ, связанных с физической реальностью, и сороковой, духовный элемент, распространяющийся на все наши труды. Источник же последнего – «работа» Субботы.

Óàðü

Одиннадцать месяцев в году мы живем чередованием священного и мирского, переходя от материальных трудов к духовному созерцанию объектов, на которые направлены наши материальные усилия. Одиннадцать месяцев в году мы должны регулярно откладывать нашу работу и смотреть «поверх нее», чтобы увидеть ответ самой души трудов наших и их цель.

Но в месяц элул царь пребывает в поле. Царь – сердце и душа своего народа, он воплощает в себе его призвание и вдохновение. Царь, даже отделенный стенами дворца и бюрократией от земледельца, сокрытый покровом величия и богатства, все же отчасти принадлежит полю земледельца. И отблеск этой причастности явлен крестьянину в его трудах. Царь воплощает в себе ответ, «зачем» совершается пахота, зачем сеют в землю семена – царю посвящая урожай.

Земледелец трудится не ради труда как такового. Он трудится для того, чтобы преодолеть прах, из которого создан он сам и из которого состоит его поле. Равным образом трудится он и для того, чтобы создать из этого праха иное. Он трудится во имя мечты. Он трудится во имя царя.

Но царь, выйдя в поле, разве не причастен самой сути этого поля? Возможно, мы не видели царя в поле, но разве его сердце не черпает поддержку в хлебе, что берет в этом поле начало? Да, этот царский хлеб выпекают во дворце, но мука, которую приносят во дворец, – разве она смолота не из этого зерна? Золотое блюдо, на котором этот хлеб подается, мало похоже на ту чашу, в которой этот хлеб покоился, откуда рос, – и все же он есть дар поля.

И царь в поле устанавливает контакт с источником, от которого приходит его пропитание, с опорой своей власти господина. Царь идет в поле, ибо там – самый смысл его бытия, оттуда берет начало его роль владыки.

Суббота – день, когда земледелец зван во дворец. В Субботу земледелец вместо рабочих одежд надевает свое лучшее платье. В Субботу он старается говорить красиво и чисто, он следит за манерами, он вычистил грязь из-под ногтей и очистил душу от всего, что связано с материальным. В Субботу земледелец спешит из своего «медвежьего угла» в столицу, чтобы быть введенным в тронную залу.

Но в месяц элул царь выходит в поле. Увидев царя, продолжит ли земледелец идти за плугом? Поведет ли он себя так, словно это – обычный день, похожий на всякий другой? Конечно, нет. Элул – необычный месяц и таковы же все его дни. Это – время углубленного погружения в Тору, это – месяц горячих молитв, месяц благородных поступков и благотворительности.

В элуле сам воздух пронизан святостью. Мы все так же пребываем в поле, но само поле обретает иной статус, становясь местом священнодействия.

Будучи евреем, этот человек «желает принадлежать к народу Израиля, желает соблюдать все заповеди Торы и избегать прегрешения; дело лишь в том, что он попал во власть своей склонности к злу. Поэтому, если он подвергнут избиению, которое ослабляет его склонность к злу, так что в итоге он говорит: “я согласен”, то считается – развод дан им добровольно, и его заявление соответствует его истинной, внутренней воле».

Ī āīñò àò î ÷ î ñò ù çà ài èÿ

После этого нам становится понятнее, почему Тора настаивает на том, что «защита» призвана отстаивать каждого, представшего перед судом, независимо от тяжести совершенного преступления и очевидности улик.

Человек, сказано в Брейшис (1:26), сотворен по образу Бга. По сути своей человек благ и совершенен, ибо в нем, как в зеркале, отразилась благая и совершенная природа Творца. Поэтому Тора исходит из предпосылки о том, что всякое злое деяние совершено вопреки внутренней воли преступника. Что всякое преступление порождено влиянием внешних сил, которые задавили истинное «я» преступника.

Иными словами: каждый преступник – в конечном смысле слова – не виновен. Ибо его истинное «я» никак не связано с его проступком, который «он совершал “вынужденно”, действуя вопреки истинной своей воле».

Однако в трактате Талмуда Сангедрин (6б) сказано и иное: «Судья должен судить исходя лишь из того, что видят его глаза». Сангедрин должен решить: сколь преднамеренно преступное деяние? Решить, опираясь на свидетельства, представленные суду, а не на знание о том, какова сущность человеческой природы.

Точно так же: недостаточно знания о том, что упорствующий в нежелании давать развод в глубине души желает иного и лучшего. До тех пор, пока он не произнес: «Я согласен», развод считается насильственным. И такой развод – не имеет законной силы.

Только после того как упорствующий, наконец, выразит свое согласие на развод, мы сможем считать развод состоявшимся. Зная притом, что эти слова вызваны не только желанием избежать избиения, но выражают истинную волю говорящего.

И по этой причине Сангедрин, в котором ни один из судей не возвысил голос в защиту обвиняемого, не может вынести ему приговор. Можно представить ситуацию, когда аргументы и свидетельства, представленные «обвинителями», столь бесспорны, что все 23 судьи в конце обсуждения скажут – «виновен».

Судьи, однако, должны выносить вердикт единственно на основе того, что «видят их глаза». Но, тем не менее, судьи также должны помнить и о том, что по сути своей у обвиняемого – благая природа. И потому они обязаны приложить усилия к тому, чтобы выявить это в его реальном поведении. Даже если эта природа недостаточно выражена, чтобы помешать вынесению обвинительного приговора.

Если обвиняемый предстанет перед судом, ни один из членов которого не видит оснований для того, чтобы признать его невиновным, мы знаем – это несправедливый суд. В этом случае истинное «я» обвиняемого настолько скрыто от плотского и духовного зрения судей, что они не могут увидеть даже отблесков внутреннего мира этого человека. Суд, который столь плохо разбирается в природе человека, не может выносить решение по его делу.

Ī ñò è î àè çà ài èÿ

Но у закона о том, что преступник, названный виновным всеми членами суда, должен быть отпущен, существует еще одно обоснование, которое необходимо признать рациональным в самом глубинном смысле этого слова. Это обоснование связано с самим представлением о «наказании» в Торе.

Почему преступника наказывает суд людей? В конечном итоге функция наказания, к которому, действуя в согласии с Торой, уполномочен приговорить Сангедрин, состоит не в том, чтобы преступное деяние было отомщено в соответствии со своей тяжестью. И не в том, чтобы послужить остражкой для других возможных преступников (хотя в Торе и говорится, что в этом состоит второе предназначение суда). Смысл наказания состоит в том, чтобы способствовать реабилитации человека, совершившего преступление, – таков комментарий Раши на Дворим (25:3; см. Талмуд, Макойс, 23б; Кесеф Мишне на Мишне Тора, Законы о свидетельских показаниях, 20:2).

Если же выносятся (да хранит от того Бг) смертный приговор, это указывает на одно: преступление столь жестоко, что может быть заглажено лишь самым жестким из наказаний. Но это наказание призвано, прежде всего, очистить душу преступника. Стереть с нее то пятно, которым она испачкана после совершенного человеком деяния.

В свете сказанного доводы, выдвигаемые «сторонниками защиты» во время прений в Сангедрине, следует рассматривать не только как попытку оправдать подсудимого, но и как составную часть процесса его реабилитации. И если большинство (или даже весь трибунал) в конце концов признает его виновным, это послужит первой ступенькой к тому, чтобы изгнать заразу преступления из его души. Это подчеркивает и тот факт, что на глубинном уровне своей души человек неповинен в преступлении. И это верно даже для тех преступников, которые – с формальной точки зрения – абсолютно «виновны». Порой доводы в пользу обвиняемого могут способствовать тому, что его невиновность становится зрима настолько, что ее различают судьи. Те, которые должны судить, полагаясь только на то, «что видят глаза», – и тогда обвиняемый в земном суде будет признан невиновным.

Ночью чужеземная армия захватила тот город. И, как повествует Талмуд (Брохойс, 60б), сказал рабби Акива ученикам: «Разве не учил я вас, что все, что сделает Бг, – к лучшему?»

Как комментирует Раши (там же), случившееся рабби Акива пояснил ученикам следующим образом: «Если бы лампа не погасла, солдаты могли бы увидеть меня. Если бы осел заревел или петух закричал, солдаты пришли бы, и схватили меня».

Другая история в Талмуде (Таанис, 21а) рассказывает о Нохуме Иш Гам Зу.

Почему звали его Нохум Иш Гам Зу («Нохум – Это Тоже»)? Прозвище «Гам Зу» обыгрывает название родного города Нохума – Гимзы. Что бы ни происходило с ним, он всегда говорил: «Это тоже во благо». И было так, что евреи решили отправить дары [Римскому] императору. И встал вопрос: «Кого же послать с дарами?» Решили: «Отправим Нохума, ибо ему спешествуют чудеса». Дали ему шкатулку с драгоценными камнями и жемчугом, и он отправился в путь. Как-то остановился он на постоялом дворе, и ночью хозяин того двора вскрыл шкатулку, забрал содержимое, а вместо драгоценностей насыпал земли. Утром, когда увидел Нохум, что случилось, то сказал лишь: «И это тоже во благо».

И прибыв ко двору, отдал шкатулку императору. Император, увидев, что та наполнена землей, хотел приказать вырезать весь [еврейский] народ, и вскричал: «Эти евреи насмеются надо мной!» Ответил Нохум: «Это тоже во благо».

И тут явился пророк Элияу, обернувшись одним из придворных, и сказал: «Не прах ли сие их праотца Авраама? Кто же выбросит прах, что превратится в копы, и солому, что превратится в стрелы?», как случилось во время войны с Четырьмя Царями (Мидраш Раба, Брейшис, 43:4).

И была некая страна, которую римские войны никак не могли завоевать. И испытали они [землю, принесенную Нохумом], и была та страна завоевана. И ввели Нохума в сокровищницу императора, наполнили его шкатулку драгоценными камнями и жемчугом и отпустили с великой честью.

Ne'iat «joit»

Между опытом рабби Акивы и опытом Нохума Иш Гам Зу есть существенная разница. И тот и другой встречают случившееся с ними несчастье с верой в то, что Бг ниспослал им добро, а не зло.

Но при этом происшедшее с рабби Акивой сохраняет свое негативное значение. Действительно, он остался без крова над головой, во тьме, потеряв при этом петуха и ослика. Все это не перестает быть потерей, хотя и служит тому, чтобы предотвратить куда худшую потерю – потерю свободы. С такой точки зрения происшедшее и впрямь было не бедствием, но – спасением. Однако факт остается фактом: само по себе пережитое отнюдь не было благом, но было ниспослано во имя большего блага.

В истории Нохума Иш Гам Зу «неблагоприятное» событие, как обнаруживается, было благим само по себе. Земля, которой вор наполнил шкатулку, была куда большей ценностью, чем украденные жемчуга и камни, и принесла императору куда больше, чем принесли бы ему подаренные драгоценности, которых и без того было не счесть в его сокровищнице.

Единственная отрицательная сторона происшедшего – это страх и напряжение, которые выпали бы на долю посланца, если бы у него было меньше веры.

Но Нохум не испытывал ни напряжения, ни страха. Ибо он ни на мгновение не сомневался, что в мире, сотворенном Бгом, действительно одно лишь благо. Проснувшись утром и обнаружив, что шкатулка наполнена землей, он, тем не менее, отправился во дворец. И вручил дар, уверенный, что благая природа происходящего будет явлена в свой черед.

Разница между оценкой происходящего рабби Акивой и Нохумом Иш Гам Зу ясна из формул, которые они используют для выражения веры в то, что Бг благ.

Рабби Акива говорит: «Все, что делает Бг, – к лучшему». Тем самым предполагается: человек может воспринимать случившееся с ним как нечто плохое. При этом он знает, что происшедшее направлено к большему благу, которое «перекроет» этот негативный опыт и послужит ему оправданием. Однако не подразумевается, что «само по себе» происшедшее было благом. Рабби Акива не говорит, будто формула «Все, что делает Бг, – к лучшему» предполагает: каждое из Его деяний есть благо. Но рабби Акива подчеркивает: «Все, что делает Бг, – к лучшему». Ибо – Бг все ведет к благу завершению, пусть даже что-то из этого сопряжено с неприятностями.

Нохум Иш Гам Зу говорит чуть иное: «Это тоже благо». То есть – «я не только верю, что это завершится благом: я верю, что это само по себе – благо». В иврите слово «это» (зе или зу) подразумевает реальность, переживаемую «здесь и сейчас» (Раши на Шмойс, 15:2, и Бемидбар, 30:2).

Два поколения

Различие между этими двумя мудрецами связано с духовным различием эпох, в которые им довелось жить. Рабби Акива жил через поколение после разрушения второго Храма – духовного центра, служившего местом манифестации присутствия Бга в физическом мире. Рабби Акива жил в эпоху голуса – в эпоху духовной тьмы, когда Б-жественный лик был сокрыт от наших глаз, а Б-жественное провидение проявлялось лишь под покровом тягот, воздаяния и трагедии.

Рабби Акива жил в то время, когда случилось неудавшееся восстание, во главе которого стоял Бар-Кохба. Последнего рабби Акива поначалу даже считал Мошиахом. В те времена изучение Торы и соблюдение иудаизма приравнялось римлянами к преступлению, и множество евреев было замучено и убито. Сам рабби Акива встретил мученическую смерть в 134 году н.э., 65 лет спустя после разрушения Храма.

В таких условиях человек просто не может прозревать благую суть во всем происходящем. Самое большее, на что его хватает, – это предположить, что он не все видит и постигает. И, хотя некий опыт сохраняет для него свой негативный характер, человек допускает, что в конечном итоге это обернется благом. Осознать, что происходящее есть благо само по себе, явно превышает способности того, кто существует в реальности, столь вопиюще отрицающей эту истину. Он может верить, что мир благ, но не способен постигнуть это на собственном опыте в каждый момент своего бытия.

Нохум Иш Гам Зу, бывший одним из учителей рабби Акивы, принадлежал к предыдущему поколению – поколению, которому было явлено само присутствие Бга в мире, пока Храм действовал.

Для этого поколения представлялось не подлежащим сомнению, что все происходящее в мире по сути есть благо. Это было явственно, а иллюзия зла преодолевалась твердостью веры и безусловным доверием Бгу.

Разницу восприятий Нохума и рабби Акивы передает даже сам язык, на котором они выражали свою веру в то, что Бг благ. Талмуд, цитируя «присловье» Нохума: «Это тоже благо» (гам зу ле-тойво), прибегает к священному ивриту. Тогда как слова рабби Акивы: «Все, что делает Бг, – к лучшему» (кол де-авид рахмона ле-тав авид) даны на арамейском.

Священный язык – язык, которым Бг творил мир. И его слова и буквы запечатлели Б-жественную суть творения. Слово на священном языке – нечто гораздо большее, чем общепринятая отсылка к какому-либо объекту или феномену. Ибо – оно олицетворяет саму конфигурацию Бжественной энергии, направленной на этот объект и дающей ему бытие. Слова, произнесенные на священном языке, заключают в себе восприятие самой сущности данного объекта.

Нохум, живший в эпоху, когда откровение о Бге было явлено в мире, мог сказать: гам зу ле-тойво, и тем самым выразить суть реальности.

Арамейский же язык, как бы ни был он близок ивриту, являет собой отход от ясности и точности определений сути вещи, свойственных священному языку.

Рабби Акива, провозглашая, что все, свершенное Бгом, свершается во благо, провозглашал это на арамейском языке. Ибо для его восприятия была характерна ограниченность, накладываемая самими условиями голуса, когда лик Бга сокрыт от мира.

У рабби Акивы и Нохума были разные представления о «страдании». Об этом свидетельствует их полемика, отраженная в Иерусалимском Талмуде, (Пеа, 8:8).

Ī ĩpũeá ĩt ĩ ðáeá

Ētāā ĩtāāē á ĩeá ĩtē ĩtāeáđá ĩááitē ōđáĭ, ÁĭŃŃ, – ĩāē ĩeēāēŃŃ ĩā ĩāēēāēŃŃ á ōđáĭ á ĩēĭāēē ĩtāēĭĭ (Ōāēēēĭ, 79:1):

***Á-aeá ĩðeŃŃē ĩáđĭtũ ĩááāē ōáĭē,
ĭtāāđĭēēē ōđáĭ ĩtāŃŃŃē ōáĭē,
ĭŃááđáŃŃēēē ĒáđŃŃāēēēĭ áđēĭtũ...***

В Мидраше (Эйха Раба, 4:14) спрашивается: разве не должны эти строки называться «рыданием Асафа», «жалобой Асафа», «плачем Асафа»? Изяснено же это через притчу.

«Некий царь выстроил для сына брачный чертог, богато украшенный и покрытый резьбой и занавесами. Сын же сбился с пути истинного и предался злу. Тогда царь пришел в тот чертог и принялся срывать ковры и крушить перила помоста, на котором сидел наставник царского сына и играл на флейте.

И видевшие это спросили наставника:

– Царь крушил брачный покой своего сына, ты же сидел и играл на флейте, как же так?

И ответил тот:

– Я играл, потому что царь сокрушил брачный чертог, вместо того, чтобы излить свой гнев на сына.

Так и Асафа спросили:

– Бг разрушил Храм и Святая Святых, ты же сидел и пел?

Тот ответил:

– Я пел, потому что Бг излил Свой гнев на дерево и камень, вместо того чтобы дать гневу излиться на народ Израиля».

И это представление о том, что есть зло и есть страдание, нашло отражение в словах рабби Акивы: «Все, что делает Бг, – к лучшему».

Разрушение Храма – величайшая трагедия. Однако есть и положительная сторона: уничтожение Храма предотвратило уничтожение еврейского народа.

Есть «верхний предел» восприятия, который дан нам в состоянии голуса. Мы в таком состоянии наделены пониманием того, что несмотря на весь ужас и трагичность нашего опыта существует высшая правда, высшее благо, которому все это служит.

Может быть, нам откроется это высшее благо. А может быть, мы так и не познаем его. Тем не менее, наша вера в то, что Бг благ, дает нам возможность терпеть тяготы и боль, связанные с переживанием выпавшего на нашу долю зла. И все же мы не можем постичь или просто осознать изначально благую суть этого «зла».

неодушевленным предметом: прекращает двигаться, едва только иссякает внешний импульс, приводивший ее в движение, то же самое происходит с ее теплом, машинным «интеллектом» и подобными ее качествами.

Точно так же тело зародыша, еще не наделенное душой, реагирует на жизненную энергию, чей источник – душа матери. Но сам по себе плод не является живым существом в истинном смысле этого слова. И момент рождения – это та точка, в которой живое, но не оживленное душой тело получает душу и становится живым существом. Один из «членов» материнского тела получает индивидуальное бытие в тот момент, когда он наделяется душой.

Из-за этого мы столь часто встречаемся с ложными интерпретациями истинного положения вещей, когда заходит речь об абортах. Ошибка в том, что акцент делается на проблеме, является ли плод живым существом, или нет.

В первом случае избавление от плода квалифицируется как «убийство», а во втором – рассматривается лишь как «право женщины распоряжаться собственным телом». Но, кроме убийства, есть и иные преступления против морали. Согласно закону Торы аборт не является убийством в точном смысле этого слова: индивидуальная человеческая жизнь не отнимается. А потому закон разрешает прерывание беременности (и даже настаивает), если та угрожает жизни матери.

Однако аборт – это также и уничтожение жизни, а именно – живого продолжения матери и потенциального вместилища «души». Вопрос же о «правах женщины» только затемняет суть дела. Действительно: человек, будь то мужчина или женщина, не имеет права лишать себя жизни или любого члена своего тела, и общество ответственно за то, чтобы этого не допустить.

Аооіаі џе сддїаџе

Человеческая жизнь, в отличие от животной жизни, обладает духовным измерением. Она включает в себя определенные моральные ценности и трансцендентные устремления. Поэтому Талмуд (Брохойс, 18б) формулирует: «Грешные, даже когда они живы, все равно что мертвые». Душа не живет по-настоящему, если она лишена связи со своими истоками, не соответствует своим целям и не верна миссии, предначертанной ей в жизни. Но жизнь, как уже сказано, может быть или внутренне присущим состоянием, или чисто внешним феноменом.

То же самое справедливо и для жизни духовной. Ибо можно жить очень нравственно, даже свято, но оставаться в духовном отношении нерожденным плодом. То есть – оставаться существом, чья духовная жизнь не присуща ему самому внутренне, но возбуждается неким внешним источником.

Духовная жизнь, в предельном смысле слова, это – жизнь такого человека, чья духовность проистекает из самой его личности, а самоопределение – из понимания того, что сущность и цель его существования составляет его связь с Бгом. Можно вести праведную и духовную жизнь, но делать это лишь в силу привычки или под нажимом, или под страхом Б-жественного наказания, или в надежде на награду от Бга, или из чувства долга. Словом, точно «платя налог» как законопослушный гражданин Б-жьего мира.

Общий знаменатель всех этих сценариев – человек и его духовность – это две разные сущности. Ибо истинно, что существо личности определяется не ее духовными устремлениями, но материальными нуждами и желаниями, в дополнение к которым человек «имеет» еще и духовную жизнь, налагаемую на материальную сущность реальностями и силами, превышающими ее понимание.

Такая личность не имеет дня рождения, ибо она обладает жизнью только на уровне нерожденного плода. Такой человек жив в духовном отношении: он ведь служит целям, ради которых был сотворен, но его духовная жизнь «снабжается» из внешнего источника. Он еще не достиг самостоятельной жизни, которая начинается за пределами материнского лона.

Аеоіаі ооіоџаіаі

Поэтому наши мудрецы (Тора Ор, Брейшис, 55а и сл.) уподобляют наше нынешнее изгнание (голус) состоянию беременности, а приход Мошиаха – времени нашего «рождения» и обретения полноценной жизни.

Ведь голус – куда больше, чем изгнание человека из его родной страны. Голус – это состояние духовного хаоса, затемнения истины, падения приоритетов, разрыва с сущностью и истоком. Находясь в голусе, мы не можем видеть Бга и поэтому остаемся чуждыми нашему подлинному естеству.

В состоянии голуса мы не можем познать на опыте, что такое подлинная жизнь – подлинное отождествление с нашим глубочайшим естеством и нашими наиболее сущностными целями. Самое большее, чего мы можем достигнуть, – это связь с источником жизненных сил. Связь, подобная той, что соединяет нерожденный плод с матерью. Мы достигаем этого, подчиняясь жизни, превосходящей наши собственные существования, – жизни, которую стараемся реализовывать в ежедневном поведении. Но мы не можем надеяться, что она проникает наше существование и соединяется с ним.

Именно поэтому многие поколения евреев не придавали особого значения празднованию дней рождения. На протяжении столетий голуса духовное значение рождения – перехода от имеющей внешнюю причину жизни нерожденной души к состоянию после рождения, то есть к полноценной, самостоятельной жизни, был целью. Целью, достижимой не для всех, но лишь для очень ограниченного числа гигантов духа.

Однако позднее, 18 зула, значение дня рождения было признано.

Учение хасидизма, явившееся в завершение эпохи голуса как «предвкушение» эры Мошиаха, призвано прорвать завесу голуса и вновь соединить нас с нашей сущью. Хасидизм появился, чтобы наша

быстрее, чем зеленая. За работу по специальности меньше платят, но гарантии больше. Вы взвешиваете все факторы и принимаете решение.

Но – разве вы совершили выбор? Или свойства выбранного вместе с элементами вашего воспитания, личности, прошлого опыта, словно по уговору, вынуждают вас сделать выбор?

В конце концов, вы выбрали именно то, что выбрали. Потому что в выбранном вами есть нечто, в чем вы нуждаетесь или чего желаете. Даже если причины для выбора были равно необходимыми, вы выбрали именно то, что выбрали, – вероятно благодаря каким-то специфическим качествам. Ваш выбор был продиктован победой тех или иных влияний. Ясно одно: вряд ли это – воплощение свободы.

Ñëó: áéí úé áúáíð

Но, предположим, что вы – выше всего этого. Предположим, что никакие качества избираемых объектов не властны очаровать вас или поколебать вашу волю. Вам равно безразличны вкус кофе и светская любезность, а белое и зеленое – просто две банки с краской. Вы одинаково невосприимчивы и к денежным расчетам, и к обещаниям светлого будущего.

Поскольку преимущества и недостатки того или иного выбора для вас не имеют значения, постольку вы находитесь в положении «свободного» выбора, – то есть не обусловленного никакими влияниями. И выходит: вы выбираете одно из двух по той единственной причине, что вы это выбираете.

Тем не менее, это еще – не предел свободы выбора. В самом деле, вы свободны от пристрастий и рациональных объяснений, которые обыкновенно влияют на человеческий выбор. Но каким образом вы выбрали? Мысленно бросив кости? Вследствие совершенно произвольно нахлынувшего желания? Выбор должен был совершиться, но как именно во всем этом участвовали вы? Каким образом вы воспользовались своей свободой выбора?

Вы просто подчинились чему-то, выходящему за пределы вашего понимания и контроля.

Ñóúí ïñó íúé áúáíð

Кажется, мы находимся в ситуации патовой.

Существует ли вообще свободный выбор между А и Б?

Если вы выбираете, руководствуясь рациональными причинами, если в объекте вашего выбора есть нечто привлекательное для вас, тогда на самом деле выбор делаете не вы. И точно: «ваш выбор» обусловлен качествами избираемого и вашими собственными пристрастиями и моделями поведения.

А если ваш выбор базировался не на разумных основаниях? Тогда вы опять-таки не выбираете, а только играете роль пешки в причудливых интермедиях судьбы.

Но что если ваш выбор определяется вашим подлинным существом? Если речь идет о выборе – жить, о выборе – быть свободным, о выборе – иметь ребенка?

Естественно, такой выбор мотивирован рациональными причинами. Но это – не внешняя причина, и относится она не к «внешним» для вас обстоятельствам. То есть не к вашему интеллектуальному оснащению, не к вашей эмоциональной структуре, не к вашей личности. «Причина» каждого такого выбора – вы. Ибо что есть «жизнь», как не желание быть? И что есть «свобода», как не возможность выразить ваши наиболее глубинные потенции? И что такое дети, как не продолжение вас самих?

Ваша истинная сущность – вот что побуждает вас выбрать жизнь, свободу, материнство или отцовство. То, что результат этого выбора обусловлен, не делает его менее свободным. Напротив, это – решающее доказательство его свободы. Потому что, когда выбор подлинно свободен, когда в нем участвует ваша истинная сущность, – тогда иной выбор, направленный против вас самих (смерть, порабощение, бездетность), очевидно отвергается.

Иными словами, мы обычно считаем критерием «выбора» наличие более чем одного объекта. Ведь выбор, в общепринятом смысле слова, означает возможность выбирать между А и Б.

Но когда дело доходит до окончательного выбора, становится справедливым прямо противоположное. Ибо: когда ваш выбор свободен от любого принуждения или запрета, внешнего или внутреннего, тогда нет «другого» выбора – так же, как нет и «других» вас самих.

Подведем итоги сказанному о свободе выбора.

На первом, самом нижнем уровне наш выбор определяется внешними факторами. Такими, как качества избираемого объекта и тот интеллектуальный и эмоциональный багаж, который мы приобрели в течение жизни. Единственный критерий, позволяющий вообще считать подобный «выбор» выбором, – наличие более чем одного объекта: мы можем предпочесть один набор влияний другому.

Второй, более высокий уровень – выбор, свободный от принуждения. Здесь, наконец, нет больше явных факторов, осознаваемых или неосознанных, которые могли бы повлиять на наше решение. И здесь также есть два или более объектов, из которых мы можем выбирать. Ибо не будь этого – не было бы и самой ситуации выбора.

Но сам факт, что выбор может быть таким или иным, указывает, что, в конечном счете, это вовсе не личность делает выбор, но – лишь единичное проявление ее сущности.

На третьем, самом высоком уровне есть только одна возможность выбора: та, что продиктована свободным выбором, исходящим из глубин нашего естества. Главнейший критерий «свободы выбора» – не «обусловлено ли это?», но «чем это обусловлено?»

Ведь всякий выбор чем-то обусловлен, будь то рациональная причина или интуитивное озарение неизвестной природы. Но подлинный выбор – тот, когда образ действий обусловлен только и исключительно истинной сущностью человека.

Ī ēāñō ū

Эти три уровня свободы выбора в действительности представляют собой три аспекта одного и того же феномена. Зачастую, однако, все же мы имеем дело только с внешним слоем нашей способности выбирать.

Но в жизни бывают и такие моменты, когда этот внешний слой исчезает, как шелуха, и тогда мы соприкасаемся с более глубинными – и более свободными – измерениями выбора.

Наконец, есть такие редчайшие моменты, когда проявляются наиболее глубоко укорененные стороны нашего существа. Вот они-то и побуждают нас к решению, составляющему сердцевину и истинную сущность выбора.

Рассмотрим в качестве примера выбор, который мы ежедневно делаем сотни раз, сотнями различных способов, – выбор жить. Неважно, каких трудов и утомительных усилий нам это стоит, – мы снова и снова выбираем жизнь, продолжение жизни. Насколько мы вообще имеем опыт такого выбора? Насколько мы вообще об этом задумываемся?

Это, во-первых, «выбор» в самом обыденном смысле слова. Перед нами две возможности – жить или не жить (Б-же упаси). С одной стороны, мы видим причины для того, чтобы стремиться к жизни: ее радости и награды, наши обязательства по отношению к тем, кого мы любим, и т.д. С другой стороны – ее тяготы и страдания. Но, в конце концов, именно мы и решаем, что жизнь стоит усилий!

Многообразные причины понуждают нас жить. Но бывают такие обстоятельства, в которых все обыденные «причины» жить теряют свою силу, когда жизнь и смерть, вне зависимости от своих достоинств и недостатков, кажутся равнозначными или равно незначительными. И тогда нечто внутри нас говорит: «Жить!» Почему?

Здесь нет никакого «потому что». Есть только самый факт сделанного выбора – свободного от всех мотивов, заставляющих делать выбор на нижних и менее важных уровнях. На их уровнях мы переживаем ситуацию выбора как совершенно произвольное бросание костей, которые столь же легко могли выпасть обратной, темной стороной. Избравший не может назвать причину, не может привести никакого объяснения своего выбора. Все, что он может сказать: «Вот что я выбрал. Вот что я вытянул в лотерее выбора».

На самом деле, два этих различных типа выбора представляют две стороны одной и той же реальности. Тот, кто выбирает жизнь из-за ее позитивных качеств, на более глубинном уровне своего существа (на котором «выгоды» жизни не имеют значения), – тот в действительности совершает «слепой», иными словами – надрациональный выбор. Его «вынужденный» выбор – не что иное, как выражение на более внешнем уровне сознания и опыта некоего «произвольного» выбора, превосходящего внешние причины жизни.

Однако в конечном счете оба эти измерения проистекают из третьего, еще более глубинного измерения, лежащего в их основе. А именно: из выбора – как свободного проявления истинной сущности человека. Человек переживает выбор на этом уровне, когда осознает, что в конечном счете его желание жить не обусловлено какими-то частными выгодами, приносимыми жизнью. И что оно – не жребий, выпавший ему по необъяснимой прихоти произвольного импульса. Скорее, это желание выражает его подлинное «я». Это – выражение определенного, недвусмысленного выбора: проявить свое бытие и свои возможности в области физического существования.

Поэтому, когда ежедневно из множества «мелочей» и «обыденностей» мы выбираем жизнь, то – в действительности – мы делаем выбор на трех разных уровнях.

Так, на рациональном и эмоциональном уровнях мы выбираем жизнь ради тех благ, что есть в ней. На более глубоком уровне нашего существа, где столь мирские соображения не имеют значения, выбор жить – это «слепой», надрациональный и сверхрациональный выбор. И в то же время самая сердцевина нашего бытия выбирает жизнь. И это – подлинный выбор, воспроизводимый в более внешних пластах нашего существа.

Āādāēñēēē āīāīō

В свете изложенного мы понимаем: нет никакого противоречия между дарованной человеку свободой выбора и уверенностью Торы в том, что человек действительно изберет «жизнь и добро».

Как мы уже сказали, выбор имеет три стороны, состоит из трех измерений, или трех способов переживания самого акта выбора. То же самое справедливо и по отношению к нашему выбору: стремиться к добру и отвергать зло, исполняя заповеди Торы.

На самом элементарном, повседневном уровне мы выбираем одно – следовать путем Торы как соответствующим наиболее полезному образу жизни. Мы видим, как Тора улучшает человеческий характер, устанавливает гармоничные социальные отношения, наполняет нашу жизнь смыслом и дает ей цель.

В конце концов, Бг – создатель и устроитель жизни! И поэтому понятно, что Его наставления, касающиеся того, как жить, – самый надежный путь к духовным и материальным достижениям.

При этом известно, что эгоистичная и гедонистическая жизнь, не обремененная ни соображениями морали, ни путями ответственности, «имеет свое очарование». Но именно это и делает наш выбор между добром и злом действительно выбором. Ибо: перед нами – две возможности, каждая со своими привлекательными и отталкивающими сторонами.

Мы выбираем добро – ради его достоинств. Потому, что мы понимаем и помним: «предложил Я тебе сегодня жизнь и добро, и смерть, и зло». Мы также понимаем, что добро – синоним жизни, тогда как зло в конечном счете означает ее разрушение.

Но преимущества добра не всегда ощутимы. Бывают времена, когда – по слову пророка Ишаяу (60:2), «тьма покрывает землю, и мрак – народы», когда в мире, охваченном безумием, тускнеет жизненная сила добра и благость жизни. Когда – по слову другого пророка, Ирмияу (12:1), «путь нечестивых благоуспешен», в то время как праведные страдают. Да, бывают такие времена, когда ослабевает наша чувствительность к духовным наградам за исполнение Б-жественной воли.

Однако такие условия служат тому, чтобы наш выбор добра совершался на более высоком уровне. Ибо когда исполнение наших обязательств перед Бгом более не приносит нам сколько-нибудь ощутимой выгоды, тогда оно более не обусловлено рассудком или нашим пониманием действительности. Когда мы выбираем добро на таких условиях, это – чистый выбор: за пределами мотиваций, за пределами рационального, за пределами всего – кроме нашей «слепой» веры в Бга и того, что мы избрали наш жребий, исполняя Его волю.

Общее же обоим уровням выбора – их соответствие «обыденному» определению выбора. Потому что налицо две существующие возможности – добро и зло.

На обоих этих уровнях мы предположительно могли бы сделать иной выбор. Например, мы могли бы выбрать «преимущества» зла или могли бы потерпеть неудачу в «прыжке веры», предписываемом вторым уровнем выбора.

Но на самом высоком уровне выбора нет никакой иной возможности. Наша подлинная индивидуальность как избранного народа Б-жьего срывает все вторичные, наносные имиджи и свободно переносит обязательство недвусмысленного исполнения Б-жественной воли в нашу повседневную жизнь.

Таков глубинный смысл процитированных по отдельности трех изречений, в которых Тора формулирует принцип «свободы выбора».

Действительно, существует уровень, на котором Бг говорит: «Смотри, предложил Я тебе сегодня жизнь и добро, и смерть, и зло». Здесь выбор основывается на том, что мы видим и ощущаем благотворность добра и губительность зла по отношению к жизни. Существует также более высокий уровень, на котором «Жизнь и смерть предложил Я тебе», – здесь «жизнь» и «смерть» просто предстоят нам как равные возможности. Но и тот, и другой уровень выбора – только отражение главнейшего выбора: «Избери же жизнь».

Когда вы совершаете подлинный выбор, этот выбор – жизнь. И также, когда вы выбираете жизнь ради ее достоинств или когда вы выбираете ее без очевидных причин, истинный источник вашего выбора заключается в том, что вы – делаете выбор. И тогда вы – ваше истинное «я» – всегда выбирает жизнь.

И – поскольку этот выбор продиктован вашим истинным существом, постольку он и будет в конечном счете проявляться во всех принимаемых вами решениях. Ибо ваше подлинное «я» может быть скрыто в течение долгого времени, но – в конце концов! – оно неизбежно проявится.

Поэтому еврей абсолютно уверен в том, что настанет время, когда сущностная истина всякой твари проявится и избрет жизнь. Это не противоречит концепции «свободы выбора». Ибо это – выражает ее, и притом – с максимальной полнотой.

Шесть по-древнееврейски шеш, по-арамейски шит или шис, по-украински шість, по-английски six, по-немецки sechs. Слово семь по-английски seven, по-немецки sieben, по-древнееврейски шева.

Или возьмем более сложный пример. Слово идея, заимствованное из древнегреческого языка, имеет параллельный корень в древнееврейском. Де'а по-древнееврейски означает «зрение», «мнение». В древнееврейском языке, а также в других семитических языках, корень этого слова, состоящий из трех букв йод, далет и 'аин, имеет довольно широкое употребление: Йоде'а – «он знает», яда – «знал», йивада' – будет известно. Обратим внимание, что и в русском языке существует глагол ведать, то есть «знать», и по-древнеиндийски веды также означает «знание». По-немецки wissen – «знать», а в английском языке этот корень фигурирует в словах wise – «мудрый», wisdom – «мудрость».

Подобные наблюдения уже давно навели специалистов на такую мысль: если не все языки мира, то, по меньшей мере, подавляющее большинство имеют родственное – общее – происхождение.

В 1924 году академик Марр выдвинул теорию происхождения всех языков мира от единого языка-прародителя. Несмотря на то что «новое учение о языке» – теория Марра находилась в полном соответствии с марксистской идеологией и была «официально» признана в Советском Союзе, Сталин осудил ее как «реакционную». Согласно БСЭ «...научная несостоятельность теории Марра была убедительно показана во время лингвистической дискуссии, проходившей в июне 1950 года, в работе участвовавшего в ней И.В. Сталина “Марксизм и вопросы языкознания”».

Сталинская БСЭ обходит молчанием вопрос о том, каким образом теория, создававшаяся на протяжении полувека, была отвергнута и признана «научно несостоятельной» в результате дискуссии, продолжавшейся всего один месяц – июнь 1950 года, – при участии Сталина, имевшего к языкознанию едва ли косвенное отношение.

В сравнительно недавней публикации американского журнала «Мидстрим» доктор исторических наук Роман Бракман утверждает: Сталин возненавидел Марра за то, что в 1896 году тот выступил в грузинском журнале «Иверия» с утверждением, что грузинский язык имеет семитическое происхождение и что древнее название Грузии – Иверия – происходит от библейского Эвера, прародителя евреев.

Недавно газета «Нью-Йорк Таймс» опубликовала обширную статью ее научного обозревателя Джона Нобла Уилфорда под заголовком «Языковеды добираются до зачатков языков». Речь в ней идет, главным образом, о работе профессора Виталия Шеворошкина из Мичиганского университета и группы лингвистов – последователей так называемой «ностратической школы».

Доктор Виталий Шеворошкин, приехавший в Соединенные Штаты из СССР в середине 1970 годов, был в прошлом сотрудником советского языковеда Аарона Долгопольского. Долгопольский и другой советский лингвист – Владислав Свитыч-Ильич – в 1963 году составили независимо друг от друга небольшой словарь «ностратического» языка. «Ностратическим» эти ученые называют некий первобытный протоязык, от которого произошли семито-хамитские, индоевропейские, урало-алтайские и другие языки.

На Западе кое-кто высказывал сомнения по поводу ностратических методов исследования языков. Между тем, лингвисты СССР продолжали свои исследования, и им даже удалось восстановить другой протоязык – «Ден-кавказский», который являлся прародителем китайского и ряда других азиатских языков.

С другой стороны, американский лингвист Джозеф Гринберг, пользуясь подобными методами анализа, показал, что языки коренного населения Америки происходят из трех протоязыков, один из которых – «На-Дене» – родственен «Дене-кавказскому», а другой – ностратическому.

Разумеется, наука вправе иметь дело с рабочими теориями и гипотезами, которые раньше или позже могут быть доказаны или опровергнуты. Однако интуитивное стремление ученых хотя бы частично воспроизвести «единый язык» человечества, согласно Торе существовавший на земле до разделения человечества на народы, является, на наш взгляд, довольно примечательным.

СЕНТЯБРЬСКИЕ НОВОСТИ ФЕДЕРАЦИИ ЕВРЕЙСКИХ ОБЩИН *ŃĀĖŎĪĒ ŐĪĎŪ ŃĪĈĀĪ Ā ĪĪĀĪĒ ĎĪŃŃĒĒ*

В амфитеатре Московского еврейского общинного центра (МЕОЦ) на столе лежал новый свиток Торы. Переписавший его сойфер сидел за столом. А исполнительный вице-президент ФЕОР Александр Борода стоял на сцене с микрофоном и предлагал всем желающим «сделать важную мицву» – вписать свою букву в Тору.

Около двадцати добровольцев исполнили эту мицву под аплодисменты присутствующих, пожертвовав по традиции деньги и поставив под руководством сойфера символическую точку на свитке. Церемония транслировалась на большом экране.

Последние три буквы – реш, алеф и ламед в последнем слове Торы – Исроэл – были по традиции дописаны самыми уважаемыми членами общины – спонсорами работы по созданию этого свитка и главным раввином России Берлом Лазаром.

Потом свиток с песнями и танцами понесли вниз, на второй этаж. И там, в синагоге МЕОЦ, хасидские хороводы и песни, перемежавшиеся молитвами, продолжались еще долго. В празднике участвовало множество детей.

Это была, конечно, не первая подобная церемония в МЕОЦ: в очередной раз новый свиток в синагогу вносили всего полгода назад. Но сейчас был особый случай...

– Это знаковое событие, – сказал главный раввин России Берл Лазар. – Впервые российская еврейская община получила Тору, написанную в России.

Действительно, раньше все свитки привозили из-за границы, и оплачивались они по обыкновению зарубежными спонсорами. Но на этот раз сойфер Михоэл Мешуловин работал над свитком около двух лет в Москве, и эта работа плюс все сопутствующие расходы были оплачены московскими филантропами Александром Головатым и Леонидом Глезером. По оценкам специалистов, двухлетняя работа переписчика Торы стоит около 40 тысяч долларов.

Судя по всему, это – огнюдь не последний свиток Торы, написанный в Москве...

Ā ĀġĕŃĪġĀĀ

ŎĀĪĀ ĀĒĈĪĒ

Главный раввин России Берл Лазар выразил свое соболезнование родственникам погибших на рок-фестивале «Крылья» в Тушине, и пожелал «полного и скорейшего выздоровления раненым, которые нуждаются в нашей помощи и поддержке».

Раввин подчеркнул, что теракт в Тушине – по всей видимости, вовсе не случайность, и пояснил:

– Существуют люди, для которых любой шаг к стабилизации межнациональных отношений – трагедия такого масштаба, что они готовы на самоубийство, чтобы его предотвратить. Это стопроцентные фанатики, готовые убить невинных людей: ведь посетители рок-концерта не имели абсолютно никакого отношения к происходящему в Чечне. Для фанатиков же чужая жизнь не имеет цены. Они считают, что с помощью убийства обозначат свою позицию. Это явления того же рода, что и на Ближнем Востоке, теракты 11 сентября и подобные бесчеловечные деяния.

Берл Лазар отметил, что с ближневосточными террористами-самоубийцами исполнителей теракта в Тушине связывает не только технология, но и идеология. Ибо, по его мнению, «они верят, что могут добиться “освобождения” какой-то территории через террор». Однако, как подчеркнул главный раввин России, единственно возможное движение в этом направлении – лишь через демократические выборы и переговоры.

Впрочем, раввин Берл Лазар не теряет оптимизма. Он надеется, что объединенные усилия государств и людей покончат с терроризмом. И тогда, по его словам, люди «будут жить спокойно и не станут бояться взрывов, устроенных какими-то сумасшедшими».

Rujen

«ŃĪ ĀŐĒŎĀ ĀĀĒĀŎŪ ĀĪĀĎĪ!»

Всемирный конгресс русскоязычного еврейства подвел первые итоги сбора пожертвований в помощь пострадавшим от терактов. Эта акция была начата в июне 2003 года под девизом: «Спешите делать добро!»

В мэрии Иерусалима собранные в России деньги были вручены русскоязычным семьям, ставшим жертвами террора.

Во время этой церемонии в зале присутствовали представители муниципалитета столицы Израиля, лидеры ВКРЕ, израильские политики, общественные деятели, журналисты.

Встречу открыл мэр Иерусалима Ури Луполянски.

– Еврейская взаимопомощь всегда, во все века отличала наш народ, – сказал он. – Каждый еврей всегда знал, что в любом месте на Земле он может рассчитывать на помощь, проживающих там евреев... Более чем символично, что эта встреча произошла в Иерусалиме.

Исполнительный директор ВКРЕ Валерий Энгель в своем выступлении обратил внимание на то, что это был первый опыт сбора денег в России для жертв террора.

– В акции приняли участие более полутора тысяч москвичей, – сказал он. Как правило, это были люди небольшого достатка. Но они своим участием в акции продемонстрировали свое отношение к тем

которого – расширение помещений, поскольку в новом учебном году количество учащихся школы значительно увеличилось.

Третий год подряд в бывшей столице Казахстана Алма-Ате работал летний детский лагерь при еврейском учебно-воспитательном комплексе «Гершуни». В этом году лагерь организован для учеников еврейской школы в возрасте от шести до десяти лет.

Стержнем летней программы проведения досуга стало знакомство всех отдохнувших в лагере ребят с еврейскими традициями. И эффективнее всего это достигалось изучением заповедей. Дети совершенствовали полученные в школе знания. Утренние благословения, благословения на различные виды пищи, на омовение рук, а также выполнение различных заповедей, связанных с еврейским образом жизни, – все это происходило у ребят в игровой и развлекательной форме, через творческую деятельность, часто во время прогулок и экскурсий.

Среди основных тем была, например, такая: «Храм и будущее Избавление». На занятиях ребята изучали здание Иерусалимского Храма, священные принадлежности, имевшиеся в нем, порядок храмовой службы и многое другое. Дети с увлечением строили модели Храма, которые экспонировались на выставке детского творчества. В организации работы лагеря участвовали посланники «Ор Авнер» Ш. Златопольской, Д. Шнайдерман, А. Шнайдерман, а также учителя еврейской школы ЕУВК «Гершуни».

В минувшие каникулы 118 школьников в возрасте от 11 до 18 лет из Эстонии, Латвии и Литвы провели десять дней на знаменитом альпийском курорте в австрийском городе Зальцбурге в летнем лагере «Ган Исроэл». Организатором лагеря стало движение «Хабад». В программу отдыха входили спортивные игры, купание в аквапарках, пешеходные и велосипедные прогулки в горах, экскурсии в Зальцбург и Венецию.

С успехом прошла смена и в летнем спортивно-оздоровительном лагере для девочек «Ган Исроэл» в Волгограде. Отдых в этом лагере был организован еврейским общинным центром и еврейской религиозной общиной города на базе школы «Ор Авнер». В этом году в лагере отдохнули более ста школьниц из Волгограда и Волгоградской области. В оздоровительную программу для девочек были включены процедуры в лучшей городской физиотерапевтической лечебнице – ингаляции, кислородный коктейль, лечебные ванны, массаж и солярий.

Вернувшиеся из лагеря школьницы делятся своими впечатлениями.

– Для нас, девочек из старшего отряда, важнее всего было дружеское участие, понимание, забота, – рассказывает Хана Тетруашвили. – И в лагере мы действительно жили в соответствии с этим девизом. Мы помогали младшим и особенно тем, кто впервые приехал в лагерь: читали с ними традиционные благословения, вместе рисовали плакаты, посвященные еврейским праздникам. А еще мы подготовили и показали младшим детям кукольный спектакль, посвященный празднику Пейсах, разучивали с ними песенки-«змирот» «Мицва גדולה», «Ребе», «Севивон» и другие.

– Больше всего мне понравилась в лагере «Веселая маккабиада», – говорит Нехамя Мякинина. – Девочки разделились на две команды и соревновались в различных видах спорта: в беге, прыжках, ведении мяча. Мы не отставали от мальчиков ни в чем – даже играли в футбол. И – как девочки во всем мире! – мы увлеченно прыгали со скакалками. Каждая из нас старалась быть лучшей, чтобы принести своей команде победу. В результате, естественно, победила дружба. А вообще – с чего начался наш девичий лагерь? Чем, прежде всего, был отмечен наш летний замечательный отдых и чем он закончился для каждой из нас? Это, конечно же – «аавас Исроэл», большая любовь к Израилю, к нашему древнему народу.

Валерии Соколовой в лагере оч
ень запомнились занятия с раввином.

– Любому ребенку нужна крепкая дружная семья, – сказала она. – К сожалению, в нашей семье и в семье моей одноклассницы Шейны нет папы, который был бы мудрым наставником и настоящим другом, помогал бы узнавать и соблюдать традиции еврейского народа. Поэтому во время летнего отдыха в нашем лагере мне и моей подруге Шейне, как и другим девочкам, было особенно интересно узнать: как следует по традициям нашего народа праздновать Шабос? И вот уважаемый раввин Залман Иоффе показал нам в ходе празднования одного Шабоса, какую важную роль играет отец в семье, как он должен произносить киддуш на вино, как положено отцу читать благословение на халу. Я люблю узнавать все новое, мне нравится соблюдать обычаи своего народа. Поэтому-то я уж обязательно приеду в «Ган Исроэл» и в будущем году.

נָחַם אֶת אֱלֹהֵינוּ

עַל אֲשֶׁר אָמַרְנוּ לַיהוָה אֱלֹהֵינוּ וְנֵרְבָנוּ לְעַמְּנוּ וְנִשְׁבַּחְנוּ אֶת הַיְיָ אֱלֹהֵינוּ וְנִשְׁבַּחְנוּ אֶת הַיְיָ אֱלֹהֵינוּ וְנִשְׁבַּחְנוּ אֶת הַיְיָ אֱלֹהֵינוּ...

Каждый год происходит это чудо. Каждый год мы приезжаем сюда, в этот лагерь. Я, например, приезжаю в четвертый раз, но кажется, что я прожила здесь целую жизнь, потому что лагерь «Ган Исроэл» – это отдельный мир, где день равен месяцу.

Когда я впервые оказалась в лагере нашей еврейской общины, «главным откровением» стали для меня наши воспитатели из Израиля и Америки. Ведь это большая радость – ежедневно общаться с девушками, которые с раннего детства соблюдают все еврейские законы и традиции! Уроки, которые я тогда получила, запомнила на всю жизнь. И до сих пор лагерь «Ган Исроэл» – это, прежде всего, общение с нашими воспитателями и с нашей ребецн Ханой Каминецкой. Ну и, конечно, со своими подружками.

...Как жаль, что мы редко встречаемся – девочки из разных городов Украины – Днепрпетровска, Днепродзержинска, Кривого Рога, Желтых Вод... Но уж когда встречаемся – нет большей радости! А тем более,

если это происходит на отдыхе, на берегу ласкового Азовского моря. Как приятно среди полутора сотен девочек, собравшихся на Южном вокзале Днепропетровска, узнавать лица тех, с кем уже не первый год вместе проводишь лето! Да не простое лето, а еврейское!

У нас, «старожилов», есть традиция: каждая берет шефство над какой-нибудь девочкой, которая впервые попала в лагерь еврейской общины. Ведь для нее здесь все в новинку! Все – в первый раз: и утренние молитвы, и соблюдение заповеди омовения рук, и беседы о Торе и Любавичском Ребе, и чтение молитвы «Шма, Исроэл» перед сном.

Особенно приятно, когда такой человек находится в моем отряде, и я могу целый день рассказывать, объяснять своей «подопечной» важные для каждой еврейки, для каждого еврея вещи. Эта мицва, которую я сама для себя устанавливаю в лагере. А примером мне служат выпускницы женского еврейского училища «Бет Хана», которые были среди наших воспитателей. Все они так гордятся тем, что учились в «Бет Хане», что хочется и самой туда поступить. По крайней мере, задора и бодрости им не занимать. С утра до вечера они с нами, организуют занятия и игры, соревнования и купание – в общем, все, чем так богат лагерь «Ган Исроэл».

Но самое замечательное происходит после летнего отдыха, когда в сентябре я встречаю какую-нибудь свою подружку из лагеря в еврейской школе. А такое случается очень часто: ведь немало девочек после отдыха в нашем летнем лагере принимают решение учиться в еврейской школе своего города.

И все-таки больше всего мне запомнилось в лагере празднование Шабоса. В преддверии этого дня все, даже те из нас, кто, к сожалению, пока еще далек от настоящей еврейской жизни, проникаются особым чувством. Еще в четверг на кухне начинается подготовка субботней трапезы, машингах становится очень озабоченным и торжественным.

Утром в пятницу приезжают почетные гости – главный раввин Днепропетровска Шмуэл Каминецкий, директор Днепропетровского отделения «Цивос Гашем» Йоси Глик, посланник по образовательным программам Еврейского агентства в юго-восточной Украине Ури Охали, директор Днепропетровской еврейской общины Вячеслав Брез. К встрече Субботы все надевают все самое красивое, женщины и девушки зажигают субботние свечи.

Это надо видеть – словами просто не передать! Сотни свечей озаряют стены уютной столовой, сотни голосов произносят слова благословения. А потом начинается вкуснейшая праздничная субботняя трапеза. Ну а затем, уже после нее, – песни и танцы.

...И так хочется, чтобы каждый Шабос в твоей жизни был именно таким, каким он бывает для меня и моих подруг пока только еврейским летом – в нашем замечательном, интереснейшем лагере «Ган Исроэл».

P. Eanáil

ΓΑΘΕ ΑΑΘΕ ΧΕΘΑΡΘ «ΘΙ Α»

Полторы сотни девочек-школьниц и столько же школьников-мальчиков из Донецка, Донецкой и Луганской областей,

Мелитополя, Кривого Рога провели прекрасные летние дни, отдыхая в еврейском лагере, что расположен в Седове на Азовском море.

Первой была смена девочек. Среди вожатых – молодые посланницы Любавичского Ребе из США и ученицы донецкого махона «Хана», а также опытные воспитатели из общеобразовательной еврейской школы «Ор Менахем». Уютные номера, зеленая зона пансионата, море, солнце – все это способствовало оздоровлению детей, как физическому, так и духовному.

Омовение рук перед едой, благословение пищи, исполнение заповеди зажигания Субботних свечей создали этим летом для всех отдохавших неповторимое «еврейское пространство».

Примером для девочек служили всеми уважаемые женщины – ребецн Дина Вышецкая, Ривка Гайсинович, Дорит Вагнер, мудрые и много знающие. Все они вместе с отдохавшими детьми участвовали во всех лагерных событиях, дарили слова Торы, рассказывали о жизни и деяниях праведников, поучительные истории и хасидские притчи.

Каждый день у девочек проходил урок, посвященный одной из тем еврейской традиции, например: «День Рождения», «Хупа», «Кашрус», «Любовь к ближнему». Работали в лагере в течение всего лета и кружки по интересам. Лена Архипенко и Таня Пошехонова учили девочек прикладному искусству, а Юлия Вирина вела кружок драматического искусства.

С наступлением Шабоса в лагере все чудесно изменялось. В празднично украшенном зале девочки и женщины зажигали Субботние свечи. Молитва, трапеза, слова Торы, удивительные мелодичные и мудрые песни – словом, мир и покой опускались на лагерь. А на следующий день девочки показывали необычное для многих увлекательнейшее действо – театрализованное представление, посвященное очередной недельной главе Торы.

Ежедневно девочки занимались изучением еврейской традиции – и самостоятельно, и в рамках программы «Цивос Ашем». На честно заработанные своим трудом «доллары» в магазине «Мицва» можно было купить понравившиеся сувениры, сладости, игрушки.

Смена завершилась прощальным концертом. Дети благодарили всех, кто организовал и подарил им такой чудесный отдых. Американским вожатым были вручены памятные медали. А ребецн Дина Вышецкая удостоилась чести получить особую благодарность: ей была вручена медаль «А идише мамэ».

Не успели девочки уехать домой, как автобусы привезли в лагерь мальчишек. Студенты донецкой ешивы «Томхей Тмимим», воспитатели еврейской школы «Ор Менахем» и шестнадцать вожатых из США дружно занялись организацией отдыха мальчишек.

– Какую цель вы ставили перед собой, отправляясь в наш лагерь? – спросили мы у Леви Гуревича, двадцатилетнего студента ешивы из Нью-Йорка.

– Мы хотели показать каждому еврейскому ребенку, что быть евреем, исполнять заповеди Торы – это удовольствие и радость, – ответил Леви.

Языковой барьер был быстро и весьма успешно преодолен совместными усилиями воспитателей и воспитанников. Жизнь в лагере потекла своим чередом: здоровое и вкусное кошерное питание, игры, песни и уроки традиции на свежем воздухе. А при всем этом – было еще и много-много моря, солнца, доброты, дружбы, взаимопонимания.

Украсила программу отдыха в лагере группа вожатых «Цивос Ашем» из Днепропетровска. Разнообразные кружки, игры, ошеломляюще веселый концерт буквально взорвали лагерную жизнь: этот радостный праздник продолжался два дня и две ночи.

...Заключительный костер, песни под гитару, обмен адресами, слезы расставания ознаменовали окончание «еврейского лета» – так был завершён сезон отдыха в лагере «Ган Исроэл-2003». До встречи в следующем году! – желали все друг другу.

Программа ежегодных летних еврейских лагерей «Ган Исроэл» успешно работает благодаря помощи со стороны многих американских евреев, а также – и в немалой мере! – благодаря организаторским способностям главного раввина Донбасса Пинхоса Вышецкого.

Каждый вечер с каждым ребенком вожатые читали «Шма, Исроэл»... Это – как глоток чистого воздуха, как очищение каждой еврейской души. Это – через тысячелетия! – непрерывная, извечная эстафета множества поколений нашего народа.

Наши дети читают «Шма» – значит, мы – живы, значит, мы – евреи, и значит, мы – вместе!

י. אדיר

יָא נְעוּעוֹ אֲדָאִי אִי עִי אִי תְּנֹאֲאֵי תְּנִי...

Более сорока ребят из Омска, Томска и Новокузнецка отдохнули в летнем лагере «Ган Исроэл». Отдых и учебу в этом замечательном лагере проводила омская еврейская община на базе профилактория «Родник» при поддержке благотворительного фонда «Ор Авнер».

Дети с первых часов попали в особую еврейскую, а скорее даже в израильскую среду. Здесь все было необычно, здоровый отдых и развлечения сочетались с изучением Торы и еврейских традиций. В этом году в «Ган Исроэл» приехали вожатые из Израиля: сестры главного раввина Омска Ошера Кричевского Еудит и Хаси, а также Браха Коэн и Хани Гольдшмид, имеющие большой опыт работы в летних лагерях Риги, Николаева, Уфы и других городов СНГ.

Правда, они не очень хорошо владеют русским языком, но это с лихвой восполнялось их искренностью и дружелюбием. К тому же дети, обучающиеся в воскресных школах, старались говорить с ними на иврите, и практика разговорной речи пошла отдыхающим в лагере на пользу.

Ребята и их вожатые жили одной дружной семьей, без деления на учителей и учеников. Например, в театрализованном действе «Еврейская свадьба» роль невесты исполняла вожатая, а роль жениха сыграл один из мальчишек.

В лагере были оптимальные условия для отдыха детей: комфортабельное жилье, кошерная пища и возможность заниматься спортом. Единственное, чего не было в лагере, это – скуки. Во-первых, самые серьезные темы раскрывались в игровой форме, а, во-вторых, скучать просто было некогда. Ведь теория всегда сочеталась с интересными практическими занятиями.

Так, например, отнюдь не каждый сможет в домашних условиях сделать из фольги «Стену плача» или приготовить молочные и мясные кошерные блюда. А легко ли сходу изготовить украшения для празднования Шабоса? А разве так просто из минимума подручных материалов придумать и создать оригинальные сценические наряды и декорации для театральных постановок? Нечего и говорить, что очень понравились ребятам путешествия по Омску и особенно – незабываемая поездка по Иртышу на теплоходе.

Но главным итогом нынешнего летнего отдыха, конечно же, стали родившиеся в лагере дружба и желание снова встретиться в будущем году.

– За эти две недели я поняла, что могу и хочу общаться с детьми, – рассказывает вожатая лагеря, студентка педагогического университета Светлана Лопатухина. – Для занятий было много интересных тем: «Еврейское утро», «День рождения», День памяти Ребе, Шабос... Но больше всего мне понравилась «еврейская свадьба»! Все началось с поиска подходящих «артистов», способных в очень короткий срок отрепетировать и достойно сыграть роли «жениха» и «невесты». «Женихом» избрали моего брата Борю Лопатухина, который выбрал себе в невесты одну из вожатых – Лену.

Подготовка к театрализованной «еврейской свадьбе» началась с самого утра. Группа «Ор» (Свет) готовила свадебный танец, наряжала и инструктировала «женскую часть семьи жениха и невесты» – мам, бабушек, тетю. Группа «Эмуна» (Вера) занималась тем же самым, но только учила «мужскую часть семьи». Девочки из группы «Симха» (Радость) украшали свадебный зал, а группа «Коах» (Сила) изображала гостей.

Вечером этого длинного дня наконец состоялась «свадебная церемония». Кстати, платье невесте я лихорадочно ушивала всего-то за четверть часа до начала хупы. Все были очень красивые и нарядные.

Хочу сказать большое спасибо всем – и ребятам, и вожатым за все то хорошее, что было у нас в летнем лагере. И особенно за то, что поддерживали друг друга во всех добрых делах, и при этом никогда не давали друг другу скучать.

È. Øàì èñ

«ÀÏÈ Ì ÎΘÈÀΘÀ» ÍÀ ÑÐÁÏ ÁÀÇÈÀÒÑÈÏÈ ΖΕ Ì ÈÁ

Более трехсот детей из Ташкента, Самарканда, Бухары, Ферганы, Маргилана и Коканда отдохнули минувшим летом в еврейском детском лагере «Йемот а-Мошиах» – «Дни Мошиаха».

Летний лагерь расположен в живописных горах, на высоте 1200 метров над уровнем моря, в районе, известном как «среднеазиатская Швейцария». Главный раввин Средней Азии Абе-Довид Гуревич, раввин Давид Колтон и раввин бухарской общины Ташкента Давид Флештаев лично объехали еврейские общины и отобрали детей для поездки в лагерь.

Спонсорами проекта летнего отдыха детей стали международный фонд «Ор Авнер – Любавич» и Всемирный конгресс бухарских евреев. Руководство лагерем было поручено посланцам Любавичского движения – раввину Давиду Колтону и ребецн Хане Колтон, которые приложили все усилия, чтобы сделать отдых детей познавательным и интересным. Каждый день они принимали участие в образовательных и развлекательных программах и конкурсах на темы еврейских праздников, традиций и обычаев иудаизма. Девизом лагеря стал лозунг «Кибуц Галуйот» – «Собирание диаспор». Настроившись на эту «волну», каждая группа детей, соответственно подготовившись, отражала жизнь евреев определенной страны в прошлом и настоящем.

Центральным событием июньской смены стала «Бас мицва» для одиннадцати девочек. Руководили церемонией студентки израильского педагогического института «Бейс Ривка». Все виновницы торжества получили в подарок серебряные подсвечники. Присутствующие на церемонии родители и гости увидели подготовленное детьми представление, посвященное самоотверженности и стойкости евреев в годы инквизиции и коммунистического режима.

Смена мальчиков началась в знаменательный день 3 тамуза – «День Ребе». В тот вечер во временной синагоге был проведен «фарбрэнген». Там же в течение всех дней работы лагеря собирался миньян для чтения Торы, специально привезенной из Ташкента.

Раввины Гуревич и Колтон вручили всем мальчикам подарки – «талес-ктаним», малые талесы, которые у бухарских евреев называются «барэт». А для двадцати старших мальчиков в лагере была организована ешива.

В один из последних дней летней смены лагерь посетил член руководства Всемирного конгресса бухарских евреев раввин Беньямин Ниязов. К его приезду отдохавшие подготовили большой праздник с пением «змирой» и танцами. Дети попросили раввина Ниязова передать их благодарность за хороший и интересный отдых президенту Всемирного конгресса бухарских евреев и фонда «Ор Авнер» Леви Леваеву.

Rujen

ΑΟΑΔΠΙ ΑΟΙΘΙΑΑΪΑΕΪΤΑΑΔΕΕΘ

В атмосфере взаимопонимания прошла встреча губернатора Хабаровского края Виктора Ишаева с главным раввином Хабаровска Яковом Снетковым и представителями городской еврейской общины.

Раввин Снетков рассказал губернатору, чем сегодня живут еврейские общины края, поделился впечатлениями о недавней поездке в Комсомольск-на-Амуре.

Виктор Ишаев в ходе встречи проявил особенную заинтересованность строительством синагоги в Хабаровске, а также распространением еврейской культуры и развитием еврейского образовательного комплекса.

В беседе принимали участие советник губернатора по экономическим вопросам П.А. Минакер, член совета общины «Мизрах» М.Л. Прилуцкий, директор еврейской школы «Ор Авнер» С.С. Левинзон.

В заключение встречи губернатор обещал оказать поддержку в решении проблем еврейских общин Хабаровского края.

Rujen

ΑΕΑΑΪ ΟΕ ΔΑΑΑΕΪ ΟΑΪ ΟΔΑΕΪΤΕ ΑÇÈÈ ΑΝΘΔΑΘÈÈΝΒ ΝΪΤΝÈΤÌ ÍÈÁΔÈΑΪ ΑΤΑ

В рамках церемонии аккредитации ОБСЕ в Узбекистане состоялась встреча представителя Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе, посла Королевства Нидерланды Тэймю Кувенаара с главным раввином Центральной Азии, главой представительства Всемирного Любавичского движения в регионе Абе-Довидом Гуревичем.

Раввин Гуревич был приглашен посетить посольство Нидерландов в Ташкенте. В ходе его встречи с послом они обсуждали вопросы развития общественных процессов в Узбекистане и других странах среднеазиатского региона, а также проблемы межнациональных отношений.

Большой интерес посла вызвала информация о возрождении общинной и духовной жизни еврейства в регионе после распада СССР.

В завершение беседы посол подарил главному раввину Центральной Азии копию хранящегося в конгрессе США уникального изображения еврейского квартала Самарканда, каким он был в 1907 году. Раввин Гуревич поблагодарил за подарок и обещал поместить его в экспозиции Общественного музея евреев Узбекистана.

Rujen

יִתְעַאֲבֵר יְאֻעֵר אֲבֵאֵי אֵי אֵי אֵי

Председатель бакинской религиозной общины «Хабад – Ор Авнер» Меир Брук посетил еврейскую общину города Огуз. Там он встретился с активистами общины и обсудил с ними программу возрождения еврейской жизни в городе.

Огуз – один из древних городов Азербайджана. В свое время здесь существовала большая община горских евреев в городе жили свыше 3000 человек. Однако большинство из них в недавние годы уехали – кто в Израиль, кто в США, кто в Россию.

Сейчас в Огузе постоянно проживает немногим более двухсот евреев. И еще несколько сотен евреев регулярно приезжают в этот город к своим родственникам и знакомым на праздники или на отдых.

Глава еврейской общины Огуза Назим Ибрагимов показал раввину Меиру Бруку город и рассказал о ситуации в сфере межнациональных отношений. Евреи, подчеркнул он, всегда были органической частью населения города, они и сейчас пользуются в Огузе заслуженным уважением. Недаром многие неевреи и сегодня изъясняются на горско-еврейском языке.

Затем раввин Брук посетил синагогу и встретился с верующими. Члены общины, среди которых сегодня наряду с представителями старшего поколения уже немало молодежи, попросили содействия в решении насущных проблем евреев Огуза.

В частности, в городе ныне действуют две синагоги, одна из которых построена около четырех веков назад, есть два старых еврейских кладбища. Но при всем этом – имеется только один свиток Торы и нет ни одной кошерной пекарни. Кроме того, община до сих пор не зарегистрирована официально.

Одна из проблем была решена, что называется, «в рабочем порядке»: раввин Брук отправился с главой местной общины в центральную пекарню Огуза и провел в ней церемонию кошерования. Теперь здесь выпекается кошерный хлеб. После празднования Пейсаха нынешней весной в Огузе этот визит раввина из Баку стал следующим шагом к возрождению еврейского духа общины.

– Мы всегда оставались ортодоксальной общиной, были евреями, есть и будем ими, – сказал Назим Ибрагимов. – Мы всегда соблюдали и будем соблюдать все еврейские обычаи, передавая их из поколения в поколение, от стариков – к молодежи. Еврейская община древнего Огуза будет всегда молодой и полной сил.

Rujen

יִוְאֵי יִי יֵעֵעֵ יֵנֵאֵי אֲבֵאֵנֹאֵ!

Еврейскую общину Комсомольска-на-Амуре посетили главный раввин Хабаровска и Дальнего Востока Яков Снетков и глава хабаровской общины “Мизрах” Марк Аршинский. Утром раввин Яков Снетков побывал в офисе и библиотеке общинного центра, где встретился и побеседовал с работниками офиса и библиотекарем Беллой Жуланской.

Потом в сопровождении председателя общины Виктора Иванова он посетил благотворительную столовую, где в это время обедали подопечные. Хозяева рассказали раввину, что организация столовой – заслуга члена совета общины Михаила Айзенберга. Это он нашел помещение и переоборудовал его для столовой, и он же пригласил сотрудников, которые освоили приготовление кошерной пищи.

А хлеб, который подавали к столу, пользуется особым спросом не только у евреев – членов общины, потому что отличается необычайным вкусом. Его охотно покупают жители города, причем независимо от принадлежности к еврейской общине. Участники благотворительного обеда выразили благодарность руководству общины за помощь пожилым людям. “Мы живем в такое время, когда люди начинают вспоминать о том, что они – евреи. В наши дни люди уже не боятся и не стесняются своего еврейства”, – сказали они.

После обеда в офисе общины собрались члены “Клуба пожилых людей”. За чаем шла оживленная беседа: евреи задавали раввину вопросы, говорили о делах общины, о своей жизни. А раввин Снетков, в свою очередь, рассказал собравшимся о жизни евреев Хабаровска.

Вечером на заседании совета общины обсуждался вопрос о создании в Комсомольске-на-Амуре еврейского детского сада и школы. Еврейская община города ныне насчитывает около пятисот человек, и создание детских образовательных учреждений стало насущной необходимостью. Обсуждались и другие актуальные вопросы еврейской жизни.

Как отметил в заключение этого разговора о насущных делах Виктор Иванов, местные власти относятся к еврейской диаспоре с уважением, а это свидетельствует о хорошей перспективе развития общины.

А. Аѐм аѐ

יִוְעֵדֻוְעֵא יְאֻעֵר יֵאֵי אֵי אֵי

В Иваново прошла церемония прикрепления мезуз в Общинном доме. Еврейская община Иванова, родившаяся еще в XIX веке и начавшая свое возрождение примерно десять лет назад, долгое время не имела своего помещения.

В начале нынешнего года городские власти согласились, наконец, предоставить евреям одно из городских зданий, находившееся в аварийном состоянии. И вот всего за несколько месяцев усилиями главы

общины Эрвина Кирштейна и других активистов был проведен капитальный ремонт значительной части аварийного здания.

Разумеется, это насущное дело стало возможным при финансовой поддержке ФЕОР. В Общинном доме теперь уже разместились и небольшая синагога, и бесплатная столовая, а кроме них – офисы, учебные классы, и молодежный клуб.

Представитель ФЕОР раввин Зеев Вагнер подарил общине десять мезуз. Прочел благословение и прибил первую мезузу собственноручно раввин из соседней Костромы Нисон Руппо.

Торжественное открытие Общинного дома стало заметным событием в общественной жизни города. Репортаж об этом транслировался в выпусках новостей регионального телевидения и радио. После брифинга для журналистов состоялся праздничный обед – разумеется, кошерный.

Теперь руководство и активисты общины просят ФЕОР назначить в Иваново раввина для постоянной работы в городе и области.

Rujen

«יְאֵרִי יְעֵאֵר נְאֻמֵי אֱלֹהִים» יָא אֱלֹהִים יְאֵרִי יְעֵאֵר

В Москве открылся еврейский клуб знакомств «Одинокие сердца». В отличие от других подобных клубов он – первый, предназначенный исключительно для пенсионеров.

– На протяжении двух месяцев мы проводили опросы пенсионеров: какие мероприятия они считают самыми необходимыми, – рассказывает координатор проекта Тамара Арутюнова. – Оказалось, подавляющее большинство из них хотели бы участвовать в работе клуба знакомств. Пожилым людям необходимо место, где они могли бы удовлетворять свою потребность в человеческом общении.

Первое заседание клуба знакомств состоялось в библиотечном зале благотворительного фонда «Эзра». На открытии клуба присутствовали несколько десятков тех, кто намерен участвовать в его работе. Многие из этих людей не скрывали своей главной цели: найти спутника жизни. Других больше интересовало «общение по интересам».

– Очень важно вместе соблюдать еврейские праздники, традиции, выполнять заповеди, – делится своими мыслями Жанна Унанова. – Мне было интересно найти здесь единомышленников.

Леонид Тысячный долгое время работал в миссиях по осуществлению проектов ООН за рубежом. А когда вернулся домой в Москву, оказался в полном одиночестве.

– Мне всего 60 лет, – говорит он, – еще жить бы да жить! А семьи – нет, близких родственников – тоже нет, ведь я всю жизнь отдал работе. Сейчас хочу обрести, наконец, еврейскую жену, а там – может стать! – Г-сподь и детей даст. Наши патриархи и не в таком возрасте становились отцами.

Пенсионеры приняли участие в развлекательной программе, много пели и танцевали. Помощник координатора проекта Людмила Любарская организовала «игры на знакомства»...

Но, похоже, посетители клуба знакомств не слишком-то и нуждались в посторонней помощи. И об этом явно свидетельствовал дальнейший ход презентации нового клуба: неформальное общение пришедших на церемонию открытия начиналось чуть ли не сразу после того как в зале появлялся каждый новый посетитель.

Rujen

אֵי יִנְעָאָ יִוְעֵבֻעֵנְבִּי אֱנֵי יְעֵאֵר אֱלֹהִים יְעֵאֵר אֱלֹהִים יְעֵאֵר

В «День знаний», празднуемый в России в начале учебного года – 1 сентября, приступили к занятиям студенты международного института XXI века – Еврейского мужского университета, учрежденного Федерацией еврейских общин России (ФЕОР).

– Идея создания этого учебного заведения исходила от главного раввина России Берла Лазара, – сообщил нашему корреспонденту ректор этого нового вуза доктор технических наук Юрий Зайцев. – Два года назад уважаемый раввин поставил передо мною задачу: создать еврейский университет, который позволил бы еврейской молодежи получить образование высокого мирового уровня и, тем самым, снизить массовую эмиграцию из нашей страны.

И действительно, этот новый институт с первых дней своей работы уже готов выполнить поставленную задачу. Через четыре года студенты трех факультетов – исторического, экономического и информатики смогут стать бакалаврами, а еще через год – специалистами в области этих наук.

Лекции в институте читают преподаватели МГУ им. М.В.Ломоносова, Финансовой академии и других престижных вузов Москвы. В частности, на историческом факультете преподает декан истфака МГУ Сергей Карпов, будущим экономистам читает лекции депутат Московской городской думы, доктор экономических наук Ирина Рукина, а изучать информатику студентам помогает автор известного учебника «Математика для экономических специальностей» Максим Красс.

В программе обучения присутствует и так называемая «национальная компонента» – иврит, еврейская история, а также факультативные занятия по иудаике. Студенты, проявившие особый интерес к таким предметам, смогут параллельно учиться в ешиве.

– В будущем мы надеемся готовить специалистов в полном соответствии с федеральным стандартом по предмету «Геология», – говорит ректор Юрий Зайцев. – Международный статус этого вуза заключается в том, что университет входит в проект ФЕОР «Три города», где его партнерами станут известные и солидные учебные заведения Вены и Нью-Йорка.

Обучение в институте платное. Однако, если абитуриент подтверждает свое еврейское происхождение, тогда за его обучение платит ФЕОР. Впрочем, при заключении договора об оплате могут быть учтены также еще и различные обстоятельства, позволяющие снизить ее размер.

Большинство поступивших на первый курс – выпускники еврейских школ. В их числе не только москвичи и не только россияне, но и выходцы из стран СНГ, и даже русскоязычные израильтяне. Иногородним будет предоставлено общежитие в одном из крыльев университетского здания.

Этот университет, по словам его ректора, рассматривается официально, на государственном уровне как учебное заведение для «повышения квалификации и переподготовки руководящих кадров».

– Мы надеемся, что часть наших выпускников вернется в еврейские общины и сможет исправить нынешнюю ситуацию, когда там буквально задыхаются от нехватки кадров, – подчеркивает Юрий Зайцев.

В перспективе, надеется ректор, организация еще одного факультета – инженерного, – и тогда появятся уже все возможности, чтобы с помощью этого вуза удалось возродить былую славу российских инженеров-евреев.

Ń. xādī ūé, Rujen

ÁĪÁĪĎĪĪÁŌĎĪĀÑĒ - ĀĀĀBx: ÁĪĎĪĀĀ Ī ĪĒĒŌĀŪ

Городок Гадяч и сегодня невелик – это бывшее маленькое еврейское местечко на просторах огромной Украины... Он и сейчас – почти такой же, как и несколько веков назад: разве что столбы линии электропередачи появились да выросли телевизионные антенны над покосившимися домиками. Унылая провинция, где, казалось бы, только природа помогает вспомнить о том, как прекрасен мир.

Но таково лишь самое первое впечатление. Ведь при упоминании этого города теплеет на душе каждого еврея: именно здесь находится могила Алтер Ребе – основателя движения Хабад, великого и знаменитого рабби Шнеура-Залмана из Ляд. Тысячи евреев приезжают сюда, часто вместе с женами и детьми, во все времена года, чтобы помолиться на могиле этого мудреца и праведника, а также обратиться к нему за помощью и советом.

Стало доброй традицией, что Объединение иудейских общин Днепропетровского региона, проводя семинары для лидеров еврейского движения, обязательно включает в их программу поездку в Гадяч. И это вовсе не случайно, потому что лидеру, председателю общины, на чью долю выпала нелегкая, но почетная миссия возрождения еврейской жизни в городах и местечках, посещение святых мест дает новый, неиссякаемый источник сил.

Не стал исключением и недавний семинар, в котором приняли участие представители еврейских общин Днепропетровска, Павлограда, Синельникова, Терновки, Соленого, Умани. Центром программы этого семинара была, как обычно, поездка в Гадяч.

– Здесь я впервые в жизни ощутил особое чувство личного общения с Великим Праведником, – рассказывает один из участников семинара, председатель еврейской общины поселка Соленое Максим Прасил. – Долгая дорога не утомляет. Природа удивительным образом гармонирует с твоими чувствами. И когда ты молишься, в этом есть что-то совершенно особенное: ибо слова молитвы, минуя все преграды нашего материального мира, летят прямо к Б-гу. И я очень хочу, чтобы каждый еврей нашей общины смог побывать здесь.

Объединение иудейских общин Днепропетровского региона старается сделать все возможное, чтобы помочь в возрождении еврейской жизни на всей его территории. И это старание выражается не только помощью в организации праздников, не только реализацией совместных проектов с Федерацией еврейских общин Украины и еврейской общиной Днепропетровска. При всем этом Объединение еще и толково организует встречи, позволяющие обмениваться опытом и впечатлениями, дающие возможность почувствовать себя одним из членов большой еврейской семьи.

Ā. Īēī ŋēād

YŌĪ ĪĎĪŌĀĀŌĀĒ ĀĪĒĪ Ū

Карховка – это место страшного преступления нацистов, подобное киевскому урочищу Бабий Яр. Только это – в Новозыбкове, что расположен неподалеку от Брянска.

Здесь, в Карховке, установлен памятник скорби по 2860 мирным жителям, погибшим во время массового расстрела евреев. Нынешней осенью Брянщина отмечает 60-летие своего освобождения от фашистских оккупантов, и у мемориала звучат слова скорби в память о жертвах Холокоста.

Во время митинга на Карховской поляне, пригретой летним теплом, кукушка из ближнего леса щедро отмеряла собравшимся долгие годы жизни... А ведущий митинга историк-педагог Юрий Мархасин долго-долго читал имена тех, кто навечно остался в этом братском захоронении, которое и могилой-то трудно назвать. Об этом он рассказал нашему корреспонденту.

– Я читал акт вскрытия, составленный комиссией. Здесь было семь ям. Люди, мученически погибшие здесь, еще и до сих пор не похоронены по-человечески. Они были обнаружены чаще всего в положении вниз головой – именно так, как мучители-убийцы их сталкивали в ямы. Детей же изверги просто брали за ножки, били головой об дерево и бросали в ямы.

...Расстрелы в Новозыбкове начались 28 августа 1941 года, на пятый день после прихода фашистов. Начали с мужчин, точнее – со стариков, с тех, кто не мог идти на фронт. Именно 28 августа расстреляли Непомнящего Евсея Меировича. Его жена, сын и дочь чудом уцелели. Сын расстрелянного – Меир

Непомнящий ушел на фронт мальчишкой мстить за гибель отца и в 1945 году участвовал в освобождении гитлеровского концлагеря уничтожения Освенцим.

– У нас в районе и городе погибли от расстрелов 5286 человек, – рассказал Мархасин, – из них более трех тысяч евреев. Здесь, в Новозыбкове, погибших евреев 2860, в Святске – 116, в Вышкове – 23. Эвакуация могла бы спасти этих обреченных людей. И хотя еще 7 августа из Гомеля шли эшелоны, пассажирские и товарные, и было предложено эвакуировать евреев из города, но наше коммунистическое руководство сделать это отказалось. Ну, а 15 августа – после бомбежки – уже евреи побежали из города сами, спасаясь кто, куда и как может.

...Из громкоговорителя над местом расстрела в день поминовения звучали «Бухенвальдский набат» и песня-плач на идише про погубленные жизни дедушки Исаака и бабушки Цили...

Говорили скорбные речи председатель общины Владимир Резников и раввин Брянска и Брянской области Ицхок Ройтман. Люди, пришедшие почтить память погибших, возлагали цветы и зажигали свечи. Юнармейцы произвели трогательный салют из учебных винтовок.

Ветеран Великой Отечественной Михаил Абрамович Герман сказал:

– Здесь расстреляны 45 моих родственников, мама и сестра в том числе. Я бы хотел, чтобы XX век не повторился.

...Среди жертв Карховки – Лифшиц Верочка, она родилась 15 августа 1941 года во время бомбежки. А погибла уже 15 января 1942 года, ровно через пять месяцев.

В комендатуру поступало много доносов на скрывавшихся коммунистов и на тех, кто укрывал евреев. Были в Новозыбкове и свои праведники. Их имена торжественно и с великой благодарностью за мужество и самоотверженность этих людей звучали на митинге.

...Мария Третьякова с риском для жизни отвела в лес Веру Хотинскую, Яшу и Риву Зискиных и еще несколько других еврейских детей. Сафоновы, муж и жена, вывели из города целую группу евреев, но когда они вернулись из леса, их тут же расстреляли по доносу каких-то мерзавцев.

Среди тех, кто спасал евреев, – Татьяна Леонтьевна Суханова, в девичестве – Бордовская. С риском для жизни она спрятала и приняла Аню Исакович. Единственную, кто выжил во время очередного расстрела обреченных в Карховке: ее достали буквально из ямы.

Нам удалось встретиться с Анной. В последнее время она прикована к постели. Живет благодаря кардиостимулятору, который ей поставили во время операции на сердце. Говорит тихо, задыхаясь и делая долгие паузы. Трудно узнать в ней когда-то цветущую длинноволосую красавицу. Анна слыла перед войной одной из лучших новозыбковских парикмахерш, а ее дед – Соломон Лифшиц еще задолго до войны был известным в городе портным.

– Мы не смогли уехать, эвакуироваться, потому что мама заболела. Мне было одиннадцать лет. Пришли гитлеровцы. Всем нам, евреям, велели нашить желтые звезды. Мы ходили с мамой на работу. Потом разнесся слух, что будет облава, и поэтому побыстрее надо скрываться. Но мы это сделать не смогли. Пришли за нами полиция, причем – наши же соседи. Мама их просила-умоляла оставить нас дома, не трогать, но они ее не послушались. Привели нас в гетто, согнали уйму народа в бывший клуб. И всех повели в сторону железной дороги – к лесу. Кто не мог идти сам, тех везли на подводах. Это было часов в пять утра. Жителей заставляли закрывать окна, чтобы никто не смотрел. Когда вели, люди думали, что, может, их в Германию увезут или еще куда.

Потом, когда перешли железную дорогу, и нас перевели через второй переезд, поняли... Что тут началось! Люди плакали, бросали свои вещи. Подвели к яме, вырытой на месте воронки от бомбы. Полицейские были около нее, с собаками. Кто кричал, кто молчал. Мороз был сильный. Я помню даже место, где стояла. Мама просила одного знакомого полицая спасти хотя бы меня. Она кричала ему: «Спаси ее! Возьми ключи от дома, заberi, что хочешь, только спаси ее!» Молила его спасти меня. Но меня со всеми столкнули в яму. Я видела, как людей заставили раздеться. Кого убили, кого нет. Все оказались в яме. Было много еще живых. Мама успела мне крикнуть: «Прощай, доченька!» И я потеряла сознание.

Анна затихает на время, не в силах продолжать из-за подступивших слез. Как будто это было не 60 лет назад, а вчера...

– Не помню точно, сколько пробыла в той яме... Меня спасла Суханова Татьяна Леонтьевна, ставшая второй моей мамой. Была она тогда еще под своей девичьей фамилией – Бордовская. Потом замуж вышла и стала Сухановой.

А родная моя мама Зинаида Лифшиц осталась навеки в Карховке. Татьяна Леонтьевна прятала меня по деревьям, в погребах. И это продолжалось до сентября 1943 года, вплоть до прихода наших войск.

– Конечно, бесследно это не прошло, – говорит муж Анны Анатолий, который теперь в доме и за медсестру, и за сиделку. – То, видимо, и сказалось на здоровье в последующие годы, что она в яме столько пролежала обмороженная. Аня ревматизмом страдает всю свою жизнь. Теперь вот – сердце. Но на какую-либо существенную помощь рассчитывать не приходится. Немного помогли американцы, когда я написал им про Татьяну Леонтьевну. На операцию мы 15 тысяч рублей среди родственников и знакомых наскребали. У Ани же нет никакого документа, что она – еврейка, пострадавшая от Катастрофы. Шесть раз анкеты нам присылали из «Фонда памяти жертв Холокоста». Просили предоставить хоть что-нибудь, подтверждающее эти факты, и обещали: «Мы бы тогда вам помогли». Но у нас ничего не осталось. Ведь и по паспорту тогдашнему мать Анны русской записана.

...В родительский дом, который остался от родной ее матери, Анна так с войны и не заходила. Потом он сгорел. Никто не возместил ей не только понесенный моральный ущерб – потерю близких, родного крова, здоровья, корней своих, наконец, – но и пренебрегли возможностью хоть в какой-то мере возместить ущерб материальный.

Анна Лифшиц-Исакович (Суханова) была всего лишь свидетелем, а не числилась потерпевшей в те дни, когда проходил суд над бывшими полицейскими. Приезжали несколько лет назад киношники из Петербурга, снимали ее воспоминания в документальной ленте, однако даже по их приглашению на премьеру фильма она поехать не смогла, опять же из-за болезни. Так и не видела до сих пор той ленты о себе.

Иосиф Семенович Каплун, бывший главврач городской санитарно-эпидемиологической службы, а ныне – председатель городской думы, на митинге напомнил еще про одну беду новозыбковцев. Беда эта сравнительно недавняя. В 1986 году – через сорок лет после победы, когда их город едва залечил раны, нанесенные войной, сюда пришла из Чернобыля, с запада, еще одна напасть – радиоактивная, вызванная аварией на блоке реактора атомной электростанции.

– Городу нашему был вынесен вердикт об уничтожении под названием – «чернобыльское отселение», – напомнил собравшимся Каплун. – Пережили и это. Сегодня горожан столько же, сколько было до Чернобыля. Мы выжили телом и душой. Сохранили людей и инфраструктуру. На такое способен народ с крепкими корнями. У нас в последние годы появились Дом спорта, Дом милосердия, заканчивается строительство нового здания педагогического института, и скоро город Новозыбков станет университетским...

Но те, кто сегодня строит новый город, должны знать его историю. В том числе – и ужасающую правду, вписанную на «еврейскую страницу» этой истории, чтобы подобное никогда не повторилось. Так по всей справедливости считают в местной общине.

Ò. Ðèàèéíá

«ÍÁÍÍÊÎÐÁÍÍÛÁ» Í ÐÎÒÈÁÎÑÒÎËßÒÁÁÍÁÀÈÁÎ

Новороссийские вандалы облили краской мемориальную доску «Памятника Непокоренным», установленного на месте расстрела фашистами еврейского населения и плененных советских десантников в годы второй мировой войны. С постамента был также сорван венок, возложенный еврейской религиозной общиной Новороссийска.

...Лидеру новороссийской общины Дмитрию Беккеру в тот день позвонил неизвестный и сообщил, что проезжал мимо памятника и увидел испорченную мемориальную доску.

– Спасибо ему, конечно, но только вот что странно: мемориал расположен за городом, с трассы доску не увидишь – кустарник закрывает, – рассказал Дмитрий Беккер нашему корреспонденту. – А венок от еврейской общины – вообще исчез...

На следующий день ранним утром трое добровольцев отправились к оскверненному памятнику и затем несколько часов очищали мемориальную доску от краски. Привезли новый венок с надписью «Невинно убиенным от еврейской общины Новороссийска». На этот раз его закрепили высоко на постаменте.

В последние годы за мемориалом, который находится на балансе городской администрации, практически не ухаживали. Поэтому местные евреи и решили взять над ним шефство. За неделю до описываемых печальных событий территорию вокруг монумента привели в порядок, подновили также и сам памятник и наконец – торжественно возложили венок.

Новороссийск в последние годы – увы! – печально известен антисемитизмом большей части своего населения. И притом этот интернациональный город-порт отличается человеконенавистническим юдофобским убожеством отнюдь не только на бытовом уровне. До недавнего времени поистине вопиющие антиеврейские выходки, как ни странно, негласно даже поощряли официальные городские власти.

Так, общегородская муниципальная газета «Новороссийский рабочий» регулярно помещала материалы вполне антисемитского содержания, провоцировавшие черносотенные настроения. В самом же городе появлялись антиеврейские надписи на стенах, особенно – на улицах, названных в честь евреев-героев.

Сейчас в Новороссийске избран новый мэр. Начались уже и некоторые положительные перемены, а национальная политика местных властей становится, наконец, на путь сбалансированности. Пошли на спад и проявления антисемитизма местного населения. Однако же при всех этих сдвигах к лучшему очень тревожным симптомом возврата к старому стало осквернение «Памятника Непокоренным». Ведь это – первый акт вандализма при новом градоначальнике.

– Надпись на памятнике национальность погибших не уточняет, – пояснил Дмитрий Беккер. – Община хотела установить еще одну мемориальную доску в память о погибших евреях. Но, как ни печально, скорее всего от этой идеи пока придется отказаться.

Присматривать за памятником новороссийские евреи намерены и впредь. Регулярно к нему будут приезжать люди из общины убирать мусор и выпалывать траву, буйно прорастающую сквозь плиты. С сентября же, когда у школьников закончатся каникулы, к памятнику будут привозить еврейских детей, которые должны знать о трагедии, произошедшей на этом месте во время фашистской оккупации.

Ñ. Èááíæéëäý

АНТИСЕМИТЫ УГРОЖАЮТ ВЛАСТЯМ РАСПРАВОЙ

Недавно несколько политических деятелей Калининградской области получили письма антисемитского содержания. Об этом сообщил общественности депутат Калининградской областной Думы, член партии «Союз правых сил» Соломон Гинзбург.

В письме под заголовком «Нежное предложение жидам Калининградской области и их пособникам» губернатор области Владимир Егоров, спикер областной Думы Владимир Никитин, многие другие чиновники и депутаты, политики и бизнесмены обвиняются в «продаже области оптом и в розницу», в «захвате власти» в регионе.

С. Гинзбург заявил, что письмо поступило к нему на адрес областной Думы. Аналогичные послания получили многие должностные лица. Авторы гнусного письма выдвинули его адресатам ультиматум: до сентября 2003 года добровольно уйти в отставку. «В противном случае “подразделению А” Православного воинского братства будет отдан приказ на физическое уничтожение лиц еврейской национальности и их пособников», говорится далее в письме.

– С весны 2001 года это пятая волна антисемитизма в регионе, – заявил депутат. – Но надписи на домах и предыдущие письма не были столь вопиюще хамскими и агрессивными, и имели отношение к отдельным представителям общественности.

С. Гинзбург выразил надежду, что органы правопорядка проявят в своих действиях компетентность и профессионализм и найдут авторов антисемитского письма.

Ἐὶ τὸ ἀδόξαῖν

ἸἼἸἸ ἸἼἸἸ ἈὐἸἸ ἈἈἈἈ ἸἸἸἸ ἸἸἸἸ

В Израиле состоялась десятидневный семинар по безопасности еврейских общин России. По просьбе редакции «Лехаима» о программе семинара рассказывает его участник – представитель еврейской общины Калининграда Вадим Плитман.

– Посланцы ряда еврейских общин городов России – нас было всего 26 человек – жили в гостинице в Нетании. Сама же учеба проходила на военной базе в Кейсариин. Программа занятий была очень насыщенной. В течение десяти дней с 8 утра и до 8 вечера участники семинара занимались рукопашным боем, стреляли из пистолета. Учились мы и тому, как наиболее правильно организовывать безопасность общественных мероприятий и ускоренной эвакуации людей при чрезвычайных ситуациях, как находить взрывчатые вещества и распознавать террористов. И узнали еще многое, что необходимо знать руководителю, отвечающему за безопасность еврейской общины.

Израиль имеет уникальный опыт по борьбе с террором. Как и не менее уникальный опыт по обезвреживанию разнообразнейших взрывных устройств. Израильцы – увы, вынужденно! – стали действительно лучшими специалистами в области обеспечения безопасности, недаром этому у них учатся секьюрити всего мира.

Теперь немного подробнее о самом семинаре. Рукопашный бой, принятый на вооружение в Израиле силами безопасности, похож на японское Айкидо, но – с нанесением ударов. Участников семинара обучали тому, как обезвредить террориста, вооруженного огнестрельным или холодным оружием, как «привести в чувство» хулигана, который напал на незащитную женщину или ребенка.

Методика стрельбы из пистолета в Израиле также отличается от российской стрелковой школы. Когда нас учили стрелять из пистолета в армии, инструкторы говорили, что надо тщательно целиться, стараясь, чтобы все пули легли в яблочко. Но в Израиле обучают по-другому. Иногда жизнь человека зависит от быстроты реакции, поэтому при стрельбе из пистолета израильцы учат выполнять как можно больше выстрелов в сторону протвилика за очень короткое время.

Не забывали наши наставники и о теории. На занятиях по безопасности при проведении массовых мероприятий демонстрировали схемы расстановки «силовых единиц» – охранников, чтобы они имели гарантированные возможности держать под жестким контролем все место сбора людей, учитывая главный и запасные входы и выходы.

Отрабатывали мы и тотальную проверку помещения на наличие в нем взрывоопасных предметов, действуя быстро, но тщательно по системе «улитка», – от края к центру. Между прочим, на вооружении израильской полиции есть приборы, позволяющие находить любые подозрительные предметы в радиусе нескольких сотен метров. Поэтому-то уже почти 99,8 % терактов в Израиле в наши дни удается предотвращать.

Так же участников нашего семинара израильцы обучали четко распознавать террористов по внешним малозаметным признакам. На занятиях рассказывали нам и о различных взрывчатых веществах, которые сейчас повсюду применяют террористы.

Итоги семинара показали, что при всех еврейских общинах СНГ должны работать отделы безопасности, обеспечивающие стабильную и надежную работу всех подразделений. Все мы, обучавшиеся в Израиле, много общались между собой, в тесном кругу. Поэтому смею со всей ответственностью утверждать, что каждый из нас сегодня вполне готов работать в общинах, – и все мы полны решимости дать достойный отпор любым проявлениям экстремизма и национализма.

Очень важно, чтобы наш энтузиазм не погас втуне. Хотелось бы через журнал «Лехаим» обратиться к руководству ФЕОР, «Джойнта», «Сохнута», к ответственным лицам других еврейских организаций и бизнесменам с предложением: поддержите делом программу обеспечения безопасности еврейских общин России!

С'аіт'аіа І. Ді'еі'аіа

«ЧИТАЯ ГОРИНА» ИЗ ЖИЗНИ САМОДЕЯТЕЛЬНОГО ТЕАТРА

К премьере своего первого спектакля Карагандинский молодежный театр готовился восемь месяцев. После тщательных поисков сценария комедии, которая, по мнению руководителей общины и основателей театра, единственно могла обеспечить заметный дебют, решили остановиться на пьесе Григория Горина «Поминальная молитва».

Это произведение серьезное, но не лишенное тонкого и своеобразного еврейского юмора. Словом, фактура для постановки театрального действия вполне добротная, ибо талантливо написана по мотивам еврейской национальной классики – романов «Тевье-молочник» и цикла рассказов о «Менахем-Менделе» великого Шолом-Алейхема.

...Все начиналось довольно скромно. В артисты брали всех желающих. Даже в своих мечтах новоявленная труппа во главе с новоявленным режиссером – кандидатом медицинских наук Виленом Борисовичем Молотовым-Лучанским, не представляла себя дальше импровизированных Пурумшпилей и Ханукальных действ.

Кстати, именно на Хануку впервые и был показан фрагмент будущего спектакля – в перерывах между выступлениями воспитанников еврейской школы. Восемь месяцев родные мирились с нескончаемыми репетициями новоиспеченных артистов и на премьеру пришли дружными рядами – исключительно для того, чтобы по-родственному, «всей мешпохой» поддержать их боевой дух.

Но премьеры приятно удивила как зрителей, так и самих актеров. И сегодня у скромного новорожденного еврейского самодеятельного театра появились поистине... наполеоновские амбиции! Уже мало им тихой славы, хочется гастролей – вот бы махнуть аж в большой город Темиртау, берите выше – в саму столицу Астану, а там, глядишь, прослышат о них и позовут дать спектакли и в других городах. Хочется им участвовать в театральном фестивале самодеятельных театров, ставить новые спектакли, собирать залы, удивлять критиков, пробуждать в зрителях «чувства добрые».

– Мы назвали спектакль «Читаем Горина», – рассказывает главный режиссер театра Вилен Молотов-Лучанский. – И назвали так потому, что наш коллектив – театральный клуб еврейской общины, каким мы его создавали, – не может претендовать на профессиональную постановку или, тем паче, на профессиональное актерское и режиссерское прочтение. Однако все же право на то, чтобы по-своему читать произведение и каким-то образом переосмысливать его, у нас есть.

Несмотря на то что труппа собралась большая, действующих лиц все равно оказалось больше. Поэтому некоторым актерам приходилось вживаться в две, а то и три роли. Так, например, Людмила Белоголовская мастерски исполнила сразу три роли: ведущей, Цейтл и провокатора – девушки из народа. Три роли сыграл и Дмитрий Ключев – Степана-плотника, Лейзера-мясника и попа.

Ну а если бы стояла задача: вручить кому-нибудь «приз зрительских симпатий»? Тогда скорее всего ее добился бы студент Медицинской академии Александр Спамбетов.

...Самодеятельный театр привлекателен тем, что в него можно пригласить любого известного художника, причем – работать на общественных началах. Татьяна Аушева достаточно известна как художник в своем городе. И надо же, она – при всей своей занятости! – с большим интересом приняла предложение сделать эскизы некоторых костюмов и декораций. Перед ней никто не ставил никаких задач. Делай что хочешь! Это же не для заработка, не «обязаловка», а все – ради удовольствия, зрительского и своего собственного.

Впрочем, это не дешевое удовольствие... На одних «заверениях о взаимном уважении и симпатиях» далеко не уехать, говорят в театре. Нужно и профессиональных музыкантов пригласить, и материалы для декораций купить, правда ведь, а как иначе?! У общины, однако, проблем со всем этим не возникало: у нее – хорошее финансирование, ей помогают Федерация еврейских общин СНГ, благотворительный фонд «Ор Авнер»...

И однако же, кому непонятно, что все равно без поддержки общественности ничего из казавшейся эфемерной театральной затеи не вышло бы?! Большую помощь безвозмездно оказали ректор Карагандинского государственного технического университета Г. Пивень, предоставивший прекрасный актовый зал для премьеры, и Областной русский драматический театр имени Станиславского, где главный режиссер Г. Оганесян обеспечил еврейский спектакль костюмами. Низкий им поклон от лица всех зрителей – нынешних и будущих.

Е. Авантис

НАШИ НЕ ПОДВЕЛИ

В Израиле прошли заключительные туры двух всемирных викторин: «Зеут Еудит» – по еврейской самоидентификации и «Морешет» – по знаниям в сфере нашего национального наследия.

Второе место в состязаниях интеллектуалов «Зеут Еудит» завоевал ученик 7го класса донецкой общеобразовательной еврейской школы № 99 «Ор Менахем» Игорь Комиссаров.

А в соревновании умниц-знатоков «Морешет» второй стала ученица 10-го класса этой же школы Анна Спасённых.

В викторинах принимали участие достойные представители еврейских диаспор всего мира. Все они продемонстрировали глубокие знания Танаха, традиций и истории нашего народа. Но, наши ребята с Б-жьей помощью, сумели защитить честь родной общины и школы.

Мы от души поздравляем Аню и Игоря, а также их преподавателя Эстер Резник. Желаем им не останавливаться на ныне достигнутом и уже в следующем году непременно завоевать первые места!

י. אדם

ДЕБЮТ АЗЕРБАЙДЖАНСКИХ «МАККАБЕЕВ»

Выступление еврейских спортсменов Азербайджана на X Европейской Маккабиаде, состоявшейся минувшим летом в столице Бельгии Антверпене, следует признать удачным.

Таково мнение оргкомитета Европейской федерации «Маккаби», наградившей Азербайджан специальной медалью – «За развитие спорта в еврейской общине». Азербайджан стал 29-й страной в составе Европейской федерации «Маккаби».

На нынешней «Евро-Маккабиаде» Азербайджан представляли теннисисты, борцы и шахматисты. В соревнованиях по каратэ Чингиз Бабаев и Эльнур Рафаэлов дошли до третьего круга и были остановлены сильнейшими соперниками всего лишь в одном шаге от медалей. Впрочем, у них еще все впереди... Оба спортсмена получили приглашение на X Панамериканские игры, которые состоятся в конце этого года в Чили. А наиболее удачно в Антверпене выступил шахматист Самир Давидов, завоевавший бронзовую награду.

Генеральный директор культурно-спортивного объединения «Маккаби-Азербайджан» Геннадий Гельман считает, что спортивные соревнования в Бельгии стали очередной вехой в деле сплочения мировой еврейской диаспоры и укрепления дружеских отношений между странами. Он выразил благодарность Национальному олимпийскому комитету Азербайджана и «Хабад – Ор Авнер» города Баку за помощь в организации поездки. Кстати, это был уже третий совместный проект «Маккаби» и «Хабад – Ор Авнер» в Азербайджане.

Перед отъездом в Бельгию к раввину Меиру Бруку за благословением пришел руководитель спортивных программ азербайджанского «Маккаби» Александр Мордвинкин. А по возвращении из Антверпена к раввину пришла уже вся команда, чтобы поблагодарить за благословение и показать полученные награды.

Александр Мордвинкин на днях сообщил корреспонденту «Лехаима», что к следующей «Маккабиаде» азербайджанская делегация пополнится мастерами баскетбола, настольного тенниса и художественной гимнастики. А пока «Маккаби-Азербайджан» начинает подготовку к проведению в Баку международного турнира по шахматам, который пройдет под эгидой всемирного движения «Маккаби». Команда приглашена также на всемирные юношеские игры в США.

י. אדם ודני

ВСТРЕЧА РАВВИНОВ

Во время своего визита в еврейское государство директор «Хабад-Латвия» раввин Мордехай Глазман был принят главным раввином Израиля Йоной Мецгером.

Раввины говорили о возрождении еврейской жизни в государствах на территории бывшего СССР. Главный раввин Израиля отметил деятельность посланников Любавичского Ребе в разных странах, в том числе в государствах СНГ и Балтии.

– Посещая разные страны, – сказал он, – я все больше убеждаюсь в силе Ребе. И всегда удивляюсь мощной системе посланцев, созданной им. Посланцы Ребе работают повсюду в мире, чтобы приблизить евреев к их небесному Отцу.

Главный раввин Израиля проявил большой интерес к жизни еврейства в Латвии. Раввин Глазман пригласил главного раввина Израиля Йону Мецгера посетить Латвию с визитом.

Rujen

דאַאַע'ט אַן אַנאָאָאָאָ אַעאַע'ט אַ אַ אָנאָע'ט אַ אַ

Научно-практическая конференция «Современность и национально-религиозные ценности» состоялась в рамках съезда мусульман Кавказа. Этот съезд был проведен нынешним летом в Баку.

Принимавший участие в работе конференции главный раввин ашкеназских евреев Азербайджана Меир Брук отметил:

– На конференции была особо подчеркнута высокая толерантность азербайджанского народа, отмечены дружественные отношения мусульман, иудеев и православных христиан республики.

Rujen

В ВАЛДАЕ ВОЗРОЖДАЕТСЯ ЕВРЕЙСКАЯ ЖИЗНЬ

В российской «глубинке» возрождается еврейская жизнь – свидетельствуют события и факты последних лет. Так, в частности, впервые представители движения Хабад-Любавич недавно посетили Валдай. В этом старинном русском городе вблизи истоков Волги ныне постоянно проживают несколько десятков евреев, но до сих пор они были оторваны от еврейской жизни. Новгородский раввин Гершон Палей провел церемонию надевания тфилин каждому валдайскому еврей-мужчине. Среди них были и старики, однако же, по их

признанию, надевание тфилин, символизирующее принадлежность к еврейству, произошло в их жизни впервые.

Ї. Аадоіі, Ружен

ІАУÈІÀ АСВÈÀ ЇІА ІІАЕО НÒАДІА ÈÈÀААÈÙА

На воскреснике иудейской общины Новороссийска были приведены в порядок двадцать захоронений на старом городском еврейском кладбище.

Кладбище это открылось в 20-х годах прошлого века, а в конце 70-х было закрыто. Сегодня там пребывают в запустении около полутора тысяч могил, за которыми некому ухаживать. Община решила взять их под свою опеку. Добровольцы приезжают на старое кладбище со своими инструментами и материалами, приводят в порядок территорию, красят ограды, укрепляют разрушенные памятники.

Ружен

ІÒÈДÙÒÈА ААЅІ ÈАÒІ І È НÒІÈІАІÈ

В Москве для столовой при благотворительном фонде «Эзра» был приобретен и отремонтирован обеденный зал на 250 мест. Открытие столовой превратилось в настоящий праздник: состоялся концерт, и почти два часа публику развлекали клоуны, а после обеда начались танцы.

Вот тут-то многие из пенсионеров и сами блеснули талантами. Когда Яков Коган пел еврейские песни, в глазах слушателей были слезы. В его исполнении очень трогательно прозвучала песня «Еврейские глаза». А один из подопечных «Эзры» подарил столовой свою картину.

Ружен

ДАААÈІ І ДÈАÈА ОААÒ

Успешно воплотилась в жизнь идея главного раввина Волгограда Залмана Иоффе идея – собирать миньян посредине недели.

В программу встречи «Раввин приглашает...» входила молитва, игровая программа, проведенная координатором общинных программ Тамарой Ройзен, кошерное застолье с шашлыком и песни под аккомпанемент гитары участника молодежного клуба Юрия Корнакова.

Возможностью пообщаться в теплой домашней атмосфере воспользовались не только ветераны, но и молодежь. Все участники миньяна отметили, что собираться на свежем воздухе, любоваться прекрасным видом на Волгу, открывающимся с территории синагоги, беседовать о важных для каждого еврея проблемах веры в окружении друзей и единомышленников, – весьма приятно.

Очень важно, что за четыре года работы в Волгограде раввин сумел собрать вместе даже тех, кто еще совсем недавно вообще не приходил в синагогу, а тем более – на молитву.

Ї. Ааеаа

А НАМ УЖЕ ГОД!

Женскому клубу еврейской общины Омска, возглавляемому раббанит Рахель Кричевской, исполнился год. Более пятидесяти женщин – постоянных членов клуба – собрались вместе, чтобы отметить это радостное событие. Ведь клуб помог каждой из них по-настоящему открыть в себе богатый мир еврейской женщины, «идише мамэ» – еврейской мамы. А Рахель Кричевская подготовила к юбилею праздничную программу.

Все женщины получили поздравительные открытки, в которых были указаны даты дней рождения каждой из них по традиционному исчислению в соответствии с еврейским календарем.

Провели в течение вечера конкурсы на лучшую песню и стихотворение, посвященные клубу. Праздник продолжил небольшой концерт, после которого каждая женщина получила по небольшому бисквитному торту и тут же украсила его заранее подготовленными различными кремами, орехами, шоколадом, кусочками фруктов. Так праздник дошел и до столов еврейских семей членов женского клуба.

È. Оаі еіі

І ДАСІАІ ÈÈ І АДАІ È НÒДÈАÈÈ

В синагоге Костромы в торжественной обстановке прошел опшерниш Меира-Ошера Майорова. Мальчик этот «пришел» в синагогу, можно сказать, в самом начале своей жизни. Здесь раввин Шая Шафит делал ему обрезание, сюда его сначала приносили на руках, потом приводили за ручку мама и бабушка. Уже год Меир ходит в детский садик «Ор Авнер».

Принять участие в церемонии и поздравить мальчика пришли многие уважаемые люди, в том числе раввин Нисон Руппо и председатель общины М.Г. Гейдман. Гости подарили мальчику много подарков, а музыкальный ансамбль «Гораль Эхад» украсил праздник своим выступлением.

А. Неадаеііеау

*І ІАІ НÒÈ
ОАААДАÒÈÈ
ААДАÈНÈÈО ІАУ ÈІ
І ІААІ ОІАÈÈА
ÈДÈІ А ДАСІАІ АА*

יְאֵרֶה הַיּוֹם!

Кричевского Моисея Ароновича поздравляем с 75-летием!
Желаем крепкого здоровья и благополучия.
Любящие жена, дети, внук

Британа Арона Фроимовича – полковника в отставке, участника Великой Отечественной войны, члена совета Чебаркульской еврейской общины поздравляем с 80-летием.
Желаем здоровья и долгих лет жизни!
Члены общины

Канторовичей Ирину Анатольевну и Вадима Рафаиловича поздравляем с «серебряной» свадьбой! Желаем здоровья и удачи во всем.
Родители, дети, родственники

Гуревича Вадима, самого дорогого и любимого, поздравляем с днем рождения.
Счастья, здоровья, стабильности!
Друзья и родные

Гуревича Ефима Беровича поздравляем с днем рождения.
Желаем успехов во всем!
Родные и друзья

Бродскую Ирину Николаевну поздравляю с днем рождения.
Желаю здоровья, здоровья и еще раз здоровья!
Супруг

Хаскелевича Олевского Игоря поздравляем с 70-летием.
Желаем тебе, чтобы твой «КАМАЗ» всегда побеждал!
Братья и друзья

Коллектив благотворительного фонда "Эзра" сердечно поздравляет директора благотворительного фонда "Яд Эзра" **Кирноса Александра Ефимовича** с днем рождения!
Желаем Вам здоровья, успехов в работе и дожить до 120 лет!

יְאֵרֶה הַיּוֹם!
אִנְיֵה אִי הַיּוֹם הַזֶּה יִצְדָּאָהֶם וְיִדְרְאוּ וְיִשְׂמְחוּ, אֵלֶּהֶם עֵשׂוֹ הַיּוֹרְדֵי אֶלְדֵּיָהֶם «יְאֵרֶה הַיּוֹם!»
מִיָּאֵרֶה הַיּוֹם יָאֵרֶה הַיּוֹם:
103055, יְיָ אֱלֹהֵינוּ,
2-é Áúσάππλάδία í áδ, 5á
0άέά0ίί: 231 27 77, 0άέπ 231 30 20

окрестности не лишены были своеобразной красоты и, бродя по грязным улицам и проулкам, Пол чувствовал себя так, будто он по ним уже однажды ходил.

Вот показали ему – на этих улицах, жили евреи, там, где теперь киоск, стояла синагога, а на этой засыпанной гравием площадке прежде шумел еврейский рынок.

Ему помогли найти остатки того, что когда-то было еврейским кладбищем. Даже кирпичный забор растащили добрые поселяне, и коровы теперь бродят, наступая на могильные плиты. Отдельные ивритские буквы и целые слова еще можно разобрать. Сотрутся эти письмена, и от еврейского присутствия в Судилкове уже ничего не останется.

Судилчане зазвали Пола и его жену к себе; слушая, не переставали удивляться, что эти странные инопланетяне отправились в такую даль лишь для того, чтобы пройтись по улице, где когда-то жили их предки. Старики помнили живших здесь евреев и отзывались о них с теплотой: «Гарни булы люды. Ничого не скажеш – гарни...»

«Какое, однако, тихое, красивое место, – думал про себя Пол, прогуливаясь вдоль домов и пытаясь сквозь подошвы своих американских ботинок ощутить землю, по которой ходили прадеды. – Какой же урок должен я извлечь из этого путешествия в прошлое?»

Несколько дней ушло на посещение Шепетовки, Анаполя, Славуты: везде еще можно было, оказывается, найти следы еврейских кладбищ и могилы великих цадигов. Самым трудным оставался вопрос: как могло случиться, что именно здесь, за тысячи миль от цивилизации, родилось и распространилось по всему миру хасидское движение? (Видимо, хасидизму при его рождении не нужен был водопровод.)

Однако же, кроме могил великих цадигов, ему показали места великих расстрелов и заброшенный колодец, в который «они» бросили 300 еврейских младенцев. Это же нужно было по всей округе собирать младенцев, найти какой-то колодец и, не обращая внимания на визг, бросать детей в дыру, а потом, вырвав чеку, кинуть за ними вслед две-три гранаты. Чтобы перестали визжать. Если бы «они» совершили только «это», то «это» должно было лечь пятном на всех, стать вехой в истории народного изуверства. А помнят сегодня про те события разве что две-три сердобольные старушки.

В последнее время на местах массовых убийств поставлены обелиски и сделаны приличествующие «добрым людям» эпитафии. А в Судилкове? Неужели люди исчезли с лица земли, не оставив ни следа, ни упоминания?

Основатель хасидизма Баал-Шем-Тов учил, что в мире нет ничего случайного и все имеет свой глубокий смысл. И Пол отправился в Меджибож, на могилу самого Баал-Шем-Това, в надежде узнать ответ на вопрос: в чем же смысл урока, который ему, Полу, следует извлечь из этого визита?

Затем он снова вернулся в Судилков, чтобы найти здесь три братские могилы. Только на одной из них было подобие обелиска, и ему пришлось нанять пожилую женщину, которая где-то, на заднем дворе, за пустырем, служившим некогда еврейским рынком, отыскала для него этот камень. Женщина помнила место, потому что была свидетельницей казней.

Это была плитка с надписью на идише. Ей пришлось разгрести груды хвороста, веток, мусора и листьев. Чтобы прочесть, нужно было мокрой тряпкой стереть слой грязи.

Затем украинка рассказала Полу и его жене, что там произошло. Немцы и украинцы собрали тех евреев Судилкова, которые были слишком старыми или больными, чтобы пешком дойти до Шепетовки, где располагалось гетто. Этих стариков и больных привели на задний двор, вырыли большую яму, столкнули их в нее и зарыли живыми. Несколько дней земля продолжала шевелиться.

После войны сюда пришли евреи и поставили этот памятник, а украинская семья, поселившаяся в еврейском доме, к которому примыкал задний дворик, некоторое время ухаживала за могилой.

(Может быть, я, ни о чем подобном не подозревая, пил самогон в этом самом доме, курил с дедом на его завалинке и ходил «до витру» на задний дворик? Страшно подумать!)

Теперь за памятником ухаживать некому. На этом заднем дворе Пол наконец-то понял, зачем приезжал в Судилков. Он уразумел, что, если бы прадед не покинул здешние места, лежать бы ему в этой страшной могиле. Его, Пола, отец не родился бы, и ему самому не родиться бы тоже. И он заплакал.

Я не очень понял: выходит, это был плач о том себе, который мог бы не появиться на свет?! А я надеялся, что он уронит слезу на могилу заживо погребенных. Для такого понимания стоило изучать труды Баал-Шем-Това!

Автор статьи пишет также, что 60 лет спустя нет места для мести... Но разве кто-нибудь сегодня говорит о мести? Речь идет о том, что жители Судилкова, которые, я уверен, по-прежнему гонят самогон из сахарной свеклы и пьют его в количествах, непонятных человеку Запада, никаких уроков из содеянного ими не извлекли. И до тех пор, пока не извлекут, выхода из своей беспроблемной жизни найти не смогут. Они так наказаны, что большего наказания мы бы им не придумали.

Éditi à i îæë âæëëëëõ òâæëîâ, ài ó î îæâçæëë î añòâ âæëëëëõ ðaññò ðæîîâ è çàâðîøàí í îé êîîîâ, â êîîîðòúé «îîé» àðîîîëëë 300 àâðæîîëëõ î èâââí òââ

Вопрос, разумеется, был риторический. И я ожидал, что Шурик в ответ только улыбнется своей милой застенчивой улыбкой. Риторический вопрос ведь потому и называется риторическим, что не требует ответа.

Но Шурик на этот мой риторический вопрос ответил. В ответ на него он рассказал мне такую историю.

В девятом классе, сколотив группу единомышленников, он стал выпускать с ними рукописный журнал. Журнал был скорее литературный, но отчасти и политический. Хотя – какая там могла быть у них политика! Ну, писали, что комсомол стал организацией не столько идейной, сколько формальной. Что нужна какая-то другая молодежная организация, в которую принимались бы только ребята, по-настоящему одушевленные великой идеей переустройства мира. Настоящие пламенные революционеры... И хотя все эти идеи в основе своей вполне укладывались в официальную идеологию, – во всяком случае, никак ей не противостояли, напротив, хотели ее оживить, влить в ее омертвевшую плоть толику молодой, свежей крови, – деятельностью молодых романтиков заинтересовались в «Министерстве Любви». И всех их, разумеется, забрали.

Было следствие, после которого их отправили – к счастью, не в лагерь, а в детскую исправительную колонию.

Там, само собой, тоже было не сладко. Но на эту тему Шурик в своем рассказе особенно распространяться не стал. Он только сказал, что пробыл в той колонии сравнительно недолго: чуть меньше года. А потом вернулся в свой девятый класс.

А когда он учился уже не в девятом, а в последнем, десятом классе, его маму неожиданно вызвали в «Министерство Любви». И там с нею провел беседу очень милый и, как ни странно, на редкость доброжелательный полковник. Он спросил, как поживает ее сын, как он учится, какие у него интересы, какие планы после окончания школы: куда намерен он поступать.

Мама Шурика ответила, что настроение у сына хорошее. Все свои ошибки и заблуждения он полностью осознал. Учится хорошо. Из всех школьных предметов больше всего любит историю и поступать собирается на истфак.

– Так вот, – сказал ей на это полковник, – мой вам совет: употребите все ваше влияние и во что бы то ни стало убедите сына поступать не на истфак, а на какой-нибудь естественный факультет. Пусть займется химией. Или физикой. Только (ни в коем случае!) не историей, не философией. И – упаси, Г-споди! – не литературой. А иначе он обязательно к нам вернется. Вы меня поняли?

Мама Шурика очень хорошо его поняла. И употребила все свое влияние. И, что самое удивительное, – совету полковника Шурик внял. При его характере он вполне мог и заартачиться. Но тут, видно, сыграл свою роль опыт, полученный в исправительной колонии: попасть снова в учреждение, подведомственное «Министерству Любви», ему совсем не хотелось.

Так он стал физиком. Что, впрочем, не уберегло его от новых встреч с сотрудниками этого славного министерства.

Но тут уж дело было не в профессии, а в характере.

Спасая своего друга Даниэля (с Юликом они были связаны давней и тесной дружбой, именно он меня с ним и познакомил), Шурик готов был обратиться за помощью не то что к Эренбургу, но и к самому дьяволу. Но об Эренбурге при этом он отзывался крайне враждебно. Я бы даже сказал, с какой-то неистовой злобой.

Когда я попытался доискаться до причин этой его повышенной злобности, он угрюмо сказал:

– Никогда не забуду, как я плакал, читая одну его статью.

Я не понял. Все тогдашние статьи Эренбурга я тоже, конечно, читал. Но мне было решительно невдомек, над чем там можно было плакать.

– Я плакал, – объяснил Шурик, – потому что все, что я думал и чувствовал тогда, было в противоречии с тем, что думали и чувствовали все мои друзья. И учителя. И родители. Ну, на друзей и учителей, положим, мне было наплевать. Родителям подростки, вы знаете, тоже не больно стремятся верить. Но Эренбург!.. Я читал его статью и в отчаянии думал: «Что же я за урод такой! Вот даже Эренбург, и тот думает не так, как я!» Ему-то я верил, не мог не верить!.. И вот этих моих детских слез я вашему Эренбургу никогда не прощу!

Я не спросил тогда у Шурика, какая статья Эренбурга вызвала у него эти яростные слезы. Не спросил, потому что такую реакцию могла вызвать едва ли не любая его статья. Ведь почти в каждой он защищал официальную советскую идеологию. И защищал не казенным, суконным советским языком, а по-своему, по-эренбурговски: темпераментно, даже страстно, а главное, – очень лично. Приводя доводы и соображения, которые заражали своей неопровержимой убедительностью.

Помню, например, его статью, появившуюся в самый пик борьбы за российские приоритеты в науке, – когда «французскую» булочку переименовали в «московскую» и все мы повторяли только что родившуюся остроту: «Россия – родина слонов».

Эренбург, включившись в эту кампанию (статья, кажется, называлась «Некто Бидо»), не стал упираться на то, что Россия – родина таблицы Менделеева, радиотелеграфа (Попов, а не Маркони), паровоза

(Ползунов, а не Джефферсон)... Не стал особенно настаивать и на том, что Ломоносов «одновременно, и даже несколько раньше», чем Лавуазье, открыл закон сохранения материи.

Небрежно отмахнувшись от всех этих навязших в зубах примеров, он сказал, что во всяком случае уж никто не посмеет оспорить приоритет России в другом, в главном: это мы, наш народ, русские рабочие и крестьяне в октябре 1917 года первыми указали человечеству путь к новой жизни, к новому, справедливому мироустройству.

Годы спустя такой нетривиальный и даже изысканный способ служения официальным государственным доктринам блистательно высмеял мой друг Аркадий Белинков в своей книге «Юрий Олеша. Сдача и гибель советского интеллигента»:

«Один некогда замечательный писатель (будем условно называть его “учитель танцев Раздватрис в новых условиях”) великий и горький грешник русской литературы, каждая новая книга которого зачеркивала каждую старую его книгу, улыбающийся человек, повисший между ложью и полуправдой, понимающе покачивал головой...

Пили чай. Обменивались жизненным и литературным опытом. Шутили...

– В годы культа, – рассказывал улыбающийся человек, – бывали случаи, когда в издательстве заставляли писать, что Россия – родина слонов. Ну, вы же понимаете, – это не дискуссионно. Такие вещи не обсуждаются. Одиссей не выбирал, приставать или не приставать к острову Кирки. Многие писали: “Россия – родина слонов”. А я почти без подготовки возмутился. Я сломал стул... Я заявил: “Вы ничего не понимаете. Россия – родина мамонтов!”»

Это он – не про Эренбурга. В этом улыбающемся человеке, повисшем между ложью и полуправдой, которого Белинков называет великим и горьким грешником русской литературы, легко угадывается Виктор Борисович Шкловский.

Но честь изобретения формулы «Россия – родина мамонтов» в то время, когда предписывалось утверждать, что Россия – родина слонов, по праву принадлежит Эренбургу. Во всяком случае, прибегал он к этой формуле гораздо чаще, чем Шкловский.

Перебирая в памяти те, давние его статьи и вспоминая тогдашние свои о них впечатления, я заглянул в одну эренбургскую книжечку. Его публицистические статьи печатались тогда не только в газетах, но и собирались в такие вот небольшие сборники и распространялись по стране и по миру, как выразился однажды Маяковский, «летучим дождем брошюр». Собирая и храня все ранние издания Эренбурга, **таких** я никогда не хранил. Не сохранил и эту: мне подарил ее собирающий и хранящий все, что имеет хоть какое-то отношение к Эренбургу, Борис Фрезинский. Называется она «Надежда мира». Дата выхода в свет – 1950 год.

Раскрыв ее наугад, я сразу наткнулся на еще одну (помимо той, которую только что вспоминал) изящную разработку мотива «Россия – родина мамонтов»:

«Меня пригласили в Цюрихе в гости... В гостинной оказалось человек двадцать, среди них мэры города. Один из гостей, одетый как сноб, скужающим голосом мне сказал: “Вы утверждаете, что наши газеты пишут неправду о вашей стране? Не думаю... Я, например, читал статью о том, что у вас поезда часто опаздывают. У нас этого не бывает. Если у вас поезда тоже не опаздывают, почему бы вам не написать об этом в цюрихской газете?” Я ответил: “Проблемы железнодорожного транспорта не моя тема. Но я хочу вам сказать, что один русский поезд пришел вовремя – поезд в Берлин, только благодаря этому вы остались живы и невредимы”».

Эту статью Эренбурга я, конечно, читал и тогда, в 1950 году. Может быть, даже дважды: сперва в газете, а потом в книжке. Из множества его статей, которые он публиковал в то время, я, наверное, не пропустил ни одной. Но сейчас, перечитывая ее, я так и не смог вспомнить, как реагировал на этот пассаж тогда, в то время.

Хотя – подумаешь тоже, бином Ньютона! Восторгался, наверное, ловкостью его ответа. Ответ ведь и в самом деле был ловкий. А кроме того, это ведь была чистая правда: не разгроми мы Гитлера, не приди наш поезд (тот самый наш «бронепоезд», который стоял у нас «на запасном пути») вовремя в Берлин, этому швейцарскому снобу и в самом деле пришлось бы не сладко.

Что говорить, тот факт, что Россия – родина мамонтов, оспаривать было трудно: останки этого вымершего млекопитающего действительно не раз находили на севере Сибири. Нет, этот эренбургский пассаж меня тогда, наверное, не возмутил. Да и сейчас, по правде говоря, тоже не больно возмущает. Но сама книжечка (а я перечитал ее всю, от корки до корки) теперь, полвека спустя, произвела на меня впечатление жуткое.

Больше чем наполовину она состояла из тогдашних эренбургских путевых заметок: «Бельгия», «Швейцария», «Франция», «Германия», «Чехословакия», «Лондонские впечатления»...

Картина, открывшаяся ему во время его путешествия по этим западным странам, была ужасна.

Вот – Бельгия:

«... За внешним благополучием скрыто немало горя. Намюр – красивый город, с древней крепостью, с широкой рекой, и плакаты зазывают туда туристов. Там много старинных улиц возле реки. Для туристов они живописны, для жителей страшны, дома в городе, который гордится своей красотой, числится своеобразным курортом с игорным домом и прочими приманками, по всей справедливости должны быть названы трущобами. Крыши протекают, в каморках темно, хлюпает вода... Домовладельцы сдают трущобы беднякам – безработным, инвалидам, людям, потерявшим силы в немецких лагерях. Трущоба стоит в месяц

двести пятьдесят – триста франков. Турист, любуясь живописностью темных улиц, не знает, сколько слез стоит вся эта экзотика».

А вот – «благополучнейшая» Швейцария. Сперва мы узнаем, какой ценой досталось швейцарцам это их благополучие. Но тут же выясняется, что и само благополучие тоже мнимое:

«После конца войны соседние страны подсчитывали убитых, подводили итоги разрушений. Другой статистикой была занята Швейцария: она считала барыши...

Однако за последнее время легкая меланхолия овладевает швейцарцами. Слов нет, жира много и он не сразу спадет, но первые симптомы надвигающегося кризиса приводят швейцарцев в скверное настроение. Эти симптомы связаны с “планом Маршалла”, к которому Швейцария примкнула не потому, что она нуждалась в американской помощи, а потому, что боялась разгневать американского дядюшку. Торговый оборот за истекший год несколько сократился. Доходы железных дорог резко понизились. Количество банкротств возросло на двадцать процентов. Появились безработные, их теперь несколько тысяч».

Та же безотрадная картина открылась его глазам и в любимой Франции:

«Я уже говорил о том фантастическом хаосе, который принес Западной Европе “план Маршалла”...

Франция производила сгущенное молоко; теперь она должна ввозить молоко только из Америки на три миллиарда франков в год. Алжирские крестьяне не знают, что им делать с ячменем, а Франция покупает американский ячмень. Согласно “плану Маршалла” в 1949 году была уничтожена авиационная промышленность Франции; закрыли четырнадцать заводов, выбросили на улицу шестьдесят тысяч рабочих».

Тот же кошмар в Лондоне:

«... Теперь в Лондоне имеется много магазинов с товарами, которые продаются только иностранным туристам (их доставляют на пароход или на самолет). Англичане смотрят на хорошие материи, шерстяные изделия, другие вещи, изготовленные в Англии, которые они не имеют права приобрести: все это предназначено для американцев...

Почему терпят англичане лишения? Почему они работают, зная, что изготовленные ими вещи уйдут за океан? Почему ютятся в бараках?..»

Картина послевоенной Европы, нарисованная Эренбургом в этих его путевых заметках, осталась бы такой же мрачной и беспросветной, если бы не посчастливилось ему, двигаясь с востока на запад, заглянуть в социалистическую Чехословакию. Тут его взору открылись совсем иные реалии и, соответственно, весь тон и стиль его описаний становится совершенно иным:

«Я был в Хустке; в прекрасном помещении помещается школа для рабочей молодежи. Скоро эти юноши и девушки станут студентами педагогического института. Сегодня они учатся, завтра будут учить... Я долго беседовал с этой молодежью. Какие они веселые, как доверяют жизни! Такого смеха, таких песен, таких радостных слов я не слышал в сытой, богатой, полтора года лет не воевавшей Швейцарии...

Я побывал в сельском кооперативе – в селе Житавце возле Нитры. Труд стал легче, крестьяне берут книги в библиотеке, ребята учатся в средней школе... Кто знает, не станет ли большим человеком этот крестьянин из Житавце? Не прогремит ли на всю страну имя белобрысого мальчугана, который старательно выводит каракули?..

Я снова побывал в Турчанском Светом Мартыне и не узнал этого города. Он вырос; там, где были огороды, теперь большие дома, недавно пустили огромный сталелитейный завод... Рабочие читают стихи Маяковского...»

В общем, картина, нарисованная Эренбургом по его живым впечатлениям о поездке по странам послевоенной Европы, открывается перед нами совершенно такая же, каким – годы спустя – изобразил своим легким ироническим пером этот советский пропагандистский шаблон Владимир Войнович:

«В столице нашей родины был день. Светлый день десятой пятилетки. Наши люди в порыве трудового энтузиазма возводили новые здания, управляли различными механизмами, варили сталь и давали стране угля.

В то же самое время в городе Бостоне была, естественно, ночь. Под покровом темноты орудовали шайки гангстеров, пылали факелы ку-клукс-клана, дымилась марихуана, неудержимо падал курс доллара, потерявшие надежду безработные загодя выстраивались к бирже труда в такие длинные очереди, какие у нас бывают только за коврами и колбасой».

Войнович, конечно, этот свой ернический, глумливый пассаж сочинил уже в совсем иную историческую эпоху. С годами, как известно, все мы становимся и зорче, и мудрее. Но все-таки, перечитывая сейчас эти эренбургские статьи, я просто диву даюсь: как мог я тогда глотать всю эту пропагандистскую чушь, не то чтобы не замечая пронизывающей ее лжи и фальши (замечал, конечно, – не мог не замечать!), но все-таки глотать ее. И даже тянулся к ней, в каждом номере свежей газеты стараясь найти – и радовался, когда находил! – очередную статью Эренбурга.

Отчасти это объяснялось тем, что – по сравнению с другими статьями тех же газет – в эренбургских все-таки всегда была какая-то крупинка реальности. Даже утверждая официальную ложь, он был правдив в деталях, в подробностях. Кроме того, я всегда рассчитывал узнать из каждой очередной его статьи чуть больше, чем из всех других, поскольку он всегда старался (или ему разрешалось) сказать больше, чем позволяли себе другие.

Конечно, читая эти его путевые очерки, я поневоле заражался (отравлялся) их критическим ядом. Но восторженными описаниями строящегося социализма не заражался ни в малейшей степени: советскую нашу

реальность представлял себе достаточно ясно, а по аналогии с ней – и чехословацкую, и польскую, и болгарскую. Так что насчет светлого «лагеря социализма» никаких иллюзий у меня не было. В результате такого прочтения его статей возникала горькая мысль, что, как выразился в своей знаменитой балладе Генрих Гейне, «и равнин, и капуцин одинаково воняют». Что, конечно, не было правдой, поскольку на самом деле «равнин» и «капуцин» воняли не одинаково: западный мир был все-таки человечнее, нормальнее нашего.

В общем, в отличие от Шурика Воронеля, читая эренбургские статьи, я не плакал.

Я старше Шурика на несколько лет, и, наверное, еще и поэтому воспринимал некоторые коробившие меня эренбургские пассажи с известной долей цинизма. Во всяком случае, с пониманием, где там у него, как сказано у Бабея, «кончается полиция и начинается Бея».

Говоря проще, я лучше различал границу, отделяющую то, что Эренбург говорил, потому что ТАК НАДО, потому что без этого никак нельзя было обойтись, от того, что он говорил ОТ СЕБЯ, – искренне, от души, от самого сердца.

Когда в 1949 году Сталину стукнуло 70, все, кто был допущен к целованию (кто в ручку, кто в плечико, кто – не стану говорить, куда), выполнили эту лакейскую обязанность. К хору соратников – отечественных и зарубежных – присоединились, конечно, и писатели. Прочувствованную статью написал Фадеев. В присутствии ему вычурно-выспреннем стиле высказался Леонид Леонов.

В свой черед выступил со статьей на эту тему и Эренбург. Промолчать, не откликнуться на семидесятилетие вождя он, понятное дело, не мог.

Впрочем, раньше ли, позже, в славословии вождя приняли участие практически все знаменитые наши писатели

и поэты.

У Пастернака, как известно, был долгий и бурный роман со Сталиным, пик которого получил выражение в знаменитых его стихах: «... За древней каменной стеной, Живет не человек – деянье, Поступок ростом с шар земной».

У Мандельштама это был не роман, а – трагедия, в сравнении с психологическими изломами которой меркнет фантазия Достоевского. И это тоже нашло отражение в гениальных (а главное, искренних) стихотворных строчках: «И к нему, в его сердцевину, я без пропуска в Кремль вошел, разорвав расстояний холстину, головой повинной тяжел».

Заболоцкий свою «Горийскую симфонию» написал без надрыва, но тоже, я думаю, с немалой долей искренности: неискренние стихи такими не бывают.

Что касается сочинений публицистического жанра, где мера искренности не так важна, как в поэзии, тут уж каждый старался поднять планку льстивых восхвалений хоть на сантиметр, а все-таки выше другого. Рекордной высоты достиг Леонид Леонов, предложивший начать новое летосчисление со дня рождения товарища Сталина. (Кто знает, продлись жизнь вождя еще на годик-другой – и предложение это, глядишь, было бы принято.)

С наибольшим достоинством вышла из этого щекотливого положения Ахматова. По личным обстоятельствам («Муж в могиле, сын в тюрьме...») ей тоже пришлось отметить, присоединив своей голос к общему хору льстецов. И она это сделала. Но в стилистике, резко отличающейся от той, в которой выполнили эту задачу все ее собратья по перу.

В «Капитанской дочке» (незабываемая сцена!) Гринева, которого только что чуть не вздернули на виселицу, подтаскивают к Пугачеву, ставят перед ним на колени и подсказывают: «Целуй руку, целуй...» А верный Савельич, стоя у него за спиной, толкает его и шепчет: «Батюшка Петр Андреич! Не упрямясь! Что тебе стоит? Плюнь да поцелуй у злод... (тьфу!) поцелуй у него ручку».

Гринева, как мы помним, не внял этому совету, признавшись, что «предпочел бы самую лютую казнь такому подлому унижению».

А Анна Андреевна поступила именно так, как советовал Гринева Савельич.

Она приложила губами к руке палача. Но губы ее были холодны, как у мертвеца:

*È àéààí ààòí í àí àòí àà
Í í ñéúòèò àéíú «Í ú í ðèòèè
Ñéàòòú àú Ñòàéèí, òàí ñàí àí àà
Í èò è àéé-éà çàí èè!»*

Это ведь только стиховеды думают, что «материя песни, ее вещество» состоит из слов, и хорошие стихи отличаются от плохих качеством этой словесной ткани, – то есть наиболее удачным выбором слов и правильным их расположением.

Некоторые стиховеды, впрочем, даже и этого не думают:

«Стихи делятся не на хорошие и плохие, а на те, которые нравятся нам и которые нравятся кому-то другому. А что, если ахматовский “Реквием” такие же слабые стихи, как “Слава миру”?» (М. Гаспаров. Записки и выписки. М., 2000, с. 42).

Это признание одного из корифеев современного стиховедения выдает его с головой.

И дело тут совсем не в том, что на самом деле «Реквием» – хорошие стихи, а «Слава миру» – плохие. То есть – не в том, что стихи, входящие в «Реквием», в отличие от «плохо написанных» стихов, входящих в цикл «Слава миру», написаны «хорошо».

Вся штука в том, что «хорошие» стихи отличаются от «плохих» не тем, что они «хорошо написаны», а тем, что за ними стоит «внутренний жест», движение души. Попросту говоря – чувство, все равно, какое: боль, радость, умиление, страх...

Вот даже у Исаковского, искренне желавшего восславить вождя, невольно вырвалось:

*Ï ù óàé àù àùèèè, óíààèù Ñòàèèí,
Èàé ì íàèò àùòù íá àùèèè ìììì*

Был, значит, все-таки этот вопрос – кому верить: ЕМУ или себе?

Исаковскому, конечно, и в голову не приходит, что верить лучше все-таки себе. Нет, он верит ЕМУ. Только ЕМУ – и никому другому.

Но сам-то вопросу остается. Висит в воздухе.

У Ахматовой никаких таких оговорок и проговорок быть не может по той простой причине, что она к объекту своего восхваления никаких добрых чувств не испытывает. И даже не пытается это скрыть. Мы даже и голоса ее тут не слышим – только голос какого-то безликого, неизвестно где обретающегося «благодарного народа». Голос, в сущности, – неведомо чей и незнамо откуда раздающийся.

В другом ее стихотворении того же цикла эта двусмысленность выразилась еще яснее, еще отчетливее:

*Ï àùù ì èòþ òíò àáù ù çàù ì ì èòù
í ààèè,
Ï àùù àùùò àá: ì ìòè çàùù àù
òò ì ÷ àù
Èààù àà à àòèò ì ì àùù ÷ àèíààèà
χòí èàèè à èçí àùò ìòò àèò í è
ìì àðèè ìì àù*

Заметьте: это говорит не она. Это говорит – легенда. Сказать такое **от себя** у нее язык не поворачивается.

Положение Эренбурга, казалось бы, полностью исключало такой казенный вариант. «Выдающийся публицист и пламенный борец за мир» **обязан** был найти проникновенные слова, идущие от самого сердца и насквозь прожигающие сердца читателей. Положение обязывало: в номерах служить, подол заворотить.

Не скажу, чтобы Эренбург с честью вышел из этого положения (какая уж тут честь!). Подол пришлось заворотить довольно сильно.

Но выполняя эту непростую задачу и в конце концов выполнив ее на довольно высоком профессиональном уровне, он шел тем же путем, что Ахматова.

Статья его называлась «Большие чувства». Но о чувствах самого автора в ней – ни слова.

На протяжении всей статьи автор рассказывал нам о чувствах других людей, а не о своих собственных:

«...Я слышал, как это имя повторяли юноши и девушки Мадрида, подымаясь в Сьерру Гвадерраму... Это слово я слышал в глухих деревнях Албании...

...На берегу ярко-рыжей реки Миссисипи, где хлопок, негры и беда, я зашел в лачугу... На стенах – ни картинок, ни зеркальца, только одна маленькая фотография. Негр показал мне на нее: “Это Сталин”...

...Его видели молодые китайцы, освобождая древний Пекин, и он заходил в тюрьмы Индии, чтобы дружеским словом поддержать осужденных...

... Его встречали партизаны в Брянских лесах. Когда одну девушку спросили: “Кто тебя послал? Кто в твоём отряде?”, – она ответила: “Сталин...”

...Он был с французскими франтирерами, когда они освобождали города Лимузина. Вместе с партизанами Словакии он вошел в Банску-Быстрицу...

...Андре Дельмаса фашисты гильотинировали. За час до казни он писал: “Я думаю в последние минуты о нашем великом Сталине”...

...Сталину шлют подарки. Французенка, у которой фашисты расстреляли дочку, послала Сталину единственное, что у нее осталось от ее ребенка: шапочку. Такого подарка никто не получит, и нет весов, на которых можно взвесить такую любовь».

Статья пестрит географическими названиями, конкретными адресами, порой даже конкретными именами и фамилиями. Но все эти голоса сливаются в тот же абстрактный, безликий хор, что у Ахматовой. С тою лишь разницей, что у нее это хор «благодарного народа», а у Эренбурга – хор **благодарных народов**.

Как и у Ахматовой, все это говорит – не он. И у него тоже – «**легенда** говорит о мудром человеке, что каждого из нас от страшной смерти спас».

В сущности, Эренбург тоже последовал совету Савельича. Его поцелуй был таким же холодным, таким же формальным, как у Ахматовой. Разве только более долгим.

Именно так я и воспринял тогда ту эренбургскую статью. И про себя даже отметил, что он вышел из положения довольно ловко. Старался не врать, не кривить душой. О своих собственных чувствах не сказал ни слова. А про шапочку вряд ли выдумал: шапочку погибшей своей девочки французенка Сталину, наверно, и в самом деле послала. Ее любовь к неведомому ей идолу, наверно, была искренней (если может быть искренней такая абстрактная любовь). Этой ее искренностью Эренбург прикрывал, маскировал отсутствие своих собственных чувств к предмету ее любви.

Каждая история имеет свою предысторию. Но эта без предыстории будет совсем уже не понятна. Так что – пардон. Читатель, я думаю, уже привык прощать мне эти постоянные мои «верояции в сторону». Ну, а если так, то, авось, простит и эту, несмотря на то, что она грозит разрастись в отдельную, самостоятельную историю.

Впрочем, история эта и сама по себе не лишена интереса. Да и важна для понимания некоторых особенностей хрущевской оттепели.

Летом 1961 года я опубликовал в двух номерах «Литературной газеты» большую (по газетным масштабам даже огромную) статью – «Если забыть о часовой стрелке».

Главными ее персонажами были Евтушенко и Вознесенский, проходившие тогда пик своей молодой славы. На их вечера в зале Чайковского, в Политехническом, а потом и в Лужниках ломались толпы. Не обходилось без нарядов конной милиции. В отделе юмора «Литературной газеты» (с этого начиналась моя статья) появилось сообщение: «Не присылать пародии на Е. Евтушенко и А. Вознесенского. Материал отработан полностью».

Смысл моей статьи (если коротко) состоял в том, что основой этого грандиозного успеха (сопоставимого, пожалуй, только со скандальным успехом выступлений Маяковского и Есенина) были фальшь и убожество советской поэзии предшествующего периода – та, как выразился Коля Глазков, «долматусовская ошань», в которую, как в черную дыру, провалились все гении русского «серебряного» века.

Высказал я эту нехитрую мысль, разумеется, не с такой прямоотой, с какой сделал это сейчас, но все же – достаточно ясно. Евтушенко и Вознесенский, – говорил я, – могут претендовать на роль больших поэтов, истинных властителей дум, только если «забыть о часовой стрелке». То есть, – если забыть о том, что в русской поэзии XX века, помимо вот этой самой «долматусовской ошани», были Блок, Маяковский, Есенин, Ахматова, Пастернак, Цветаева...

Тут надо сказать, что Евтушенко и Вознесенского критика в то время не жаловала. Некоторые статьи о них напоминали модные в те времена фельетоны о туеядцах и стилиагах. И хотя в первых же строках моей статьи (даже не в первых ее строках, а в небольшой презрительной сноске) я резко от них отмежевался, заметив, что, прочитав такой «разбор», невольно испытываешь непреодолимое и естественное желание защитить не шибко нравящегося тебе поэта, мне было ясно, что многие мои читатели сразу же присоединят мой голос к этому общему хору. Чтобы этого избежать – или хоть как-то себя от этого обезопасить, – я постарался на всем протяжении статьи расставить (для тех, кто понимает) некоторые опознавательные знаки. Строчкам Вознесенского я противопоставлял строки Хлебникова и Цветаевой, в другом случае, поскольку имя Пастернака было тогда еще не упоминаемо, цитировал Тициана Табидзе в переводе Пастернака («Не я пишу стихи. Они, как повесть, пишут// Меня, и жизни ход сопровождает их...»). В общем, изо всех сил старался, чтобы читатель понял, ЧТО я имею в виду, говоря о забытой «часовой стрелке».

Как вы сейчас увидите, все эти ухищрения не шибко мне помогли.

Месяца два спустя после появления моей статьи тогдашний шеф нашего отдела Феликс Кузнецов отправился в командировку – если не ошибаюсь, в Калугу. Оттуда пришло душераздирающее читательское письмо, суть которого состояла в том, что из местного педагогического института уволили, исключив предварительно из партии, несколько профессоров – только за то, что они читали студентам стихи Евтушенко и Вознесенского.

Оттепель была тогда в самом разгаре, и Феликс поэтому еще был либералом. Он очень любил такие читательские письма. Прямо-таки обожал появляться в какой-нибудь глубинке таким Зевсом-громовержцем – и восстановить справедливость, попанную местными мракобесами или дураками.

Незадолго до этой его поездки в Калугу был еще такой случай.

Позвонил мне Корней Иванович Чуковский (меня он знал лучше, чем других сотрудников тогдашней «Литгазеты») и попросил помочь в одном деликатном деле. Некто Мирон Петровский, милый, интеллигентный, одаренный молодой человек, работающий над монографией о нем (Чуковском), попал в беду. Он живет в Киеве. А Киев – не Москва, хрущевская оттепель тамошней жизни почти не коснулась. Не исключено поэтому, что Мирону грозят неприятности очень даже серьезные. Могут и посадить...

История, как выяснилось, была такая.

В Киевской, читай – республиканской, – молодежной газете появилась статья, в которой пять-шесть молодых людей, в числе которых был и подопечный Корнея Ивановича, обвинялись в разных политических грехах. Все обвинения – полная ерунда, разнузданная фантазия бойкого журналиста. Статья, между тем, была воспринята как **руководство к действию**, — так уж было принято в те времена. Всех упоминавшихся в ней ребят мгновенно исключили из комсомола, выкинули из институтов, где они учились, уволили с работ, где они работали. Короче говоря, – перекрыли им кислород. Ожидались и другие, гораздо более крутые меры. Даже если обойдется и без ареста, мальчику переломают спинной хребет, навсегда закроют ему дорогу в литературу. А мальчик – талантливый. Надо его спасать.

Мало на что надеясь, я поплелся с этой информацией к главному редактору. Но тот, вопреки моим ожиданиям, отнесся к моему лепету благожелательно (как потом выяснилось, Корней Иванович позвонил не только мне, но и в ЦК, и нашему главному с той же просьбой уже звонили оттуда).

Дело завертелось.

Явился ко мне Мирон, принеся злополучный «клеветон». Статья была солидная – на два газетных подвала. Называлась она лихо: «Конец литературной забегаловки». Картина, жирными мазками нарисованная ее автором, была ужасна. Некие растленные молодые люди вместо того, чтобы учиться или работать, отдавая все свои силы строительству коммунистического общества, собирались в каком-то гнусном притоне. И там читали стихи Пастернака, танцевали, раздевшись догола, вели (очевидно, между собой) антисоветскую пропаганду. А некоторые из них, – самые растленные! – сговаривались даже, тайно перейдя государственную границу, сбежать на Запад.

— Скажите, Мирон, что тут клевета, а что – правда? – спросил я.

Мирон честно признался, что он и его друзья действительно собирались и читали друг другу стихи Пастернака. Все остальное – полная чепуха. Голые не танцевали, антисоветской пропагандой не занимались, границу переходить тем более не сговаривались. Да и какая у них там, в Киеве, граница?

Ехать в Киев – разбираться с тамошними головопятами, – как вы уже, конечно, догадались, вызвался тот же Феликс Кузнецов.

Приехав, он явился в редакцию газеты, опубликовавшей статью о конце литературной забегаловки, и поинтересовался: уверены ли ее сотрудники в достоверности изложенных в ней фактов? Сотрудники в ответ промямлили что-то невразумительное.

Тогда Феликс напрямую спросил у них, откуда они добыли весь этот сенсационный материал. И тут газетчики признались, что добывать, а тем более проверять им ничего не пришлось, поскольку статья поступила к ним в готовом виде прямо и непосредственно из Комитета государственной безопасности.

В былые времена даже самый ответственный корреспондент «Литературной газеты», услышав такое, сразу наложил бы в штаны. Но был, как я уже говорил, самый разгар оттепели. А кроме того, прибыв в качестве корреспондента столичной газеты с ревизией материала, появившегося в газете провинциальной, Феликс был уверен, что его козырь – старше. Короче, он не испугался, а прямехонько отправился в тот самый зловещий Комитет. Разыскал там людей, заваривших всю эту кашу, и ласково, по-отечески стал их... журить. Ребята, дескать, что же это вы делаете? Ведь все ваши обвинения – чистая клевета!

– Как это, то есть, клевета? – возмутились сотрудники Комитета. И выложили на стол свои доказательства.

– Знаем, знаем, как вы добываете эти свои доказательства, – усмехнулся Феликс, который, напоминая, тогда еще был либералом.

Это предположение оскорбило их до глубины души. И, как выяснилось, они, в общем-то, были правы. Их методы с методами их предшественников и в самом деле не имели ничего общего. Предъявленные ими доказательства они вовсе не выколачивали из своих «клиентов» какими-нибудь недозволенными, строжайше запрещенными способами ведения следствия. Все факты, изложенные в статье «Конец литературной забегаловки», как выяснилось, действительно имели место. С одной только, как это им представлялось, совершенно не существенной поправкой.

На самом деле, оказывается, была в Киеве не одна «литературная забегаловка», а – три! Посетители одной (в их числе и был наш Мирон) собирались и читали стихи Пастернака. Другие юноши и девушки, раздевшись догола, танцевали друг с другом под магнитофонную музыку при мягком свете торшера. А третьи – вели разные политические дискуссии, иногда, наверно, и впрямь поговаривая о том, что хорошо было бы покинуть любезное отечество.

Само собой, участники всех этих – довольно разных, как видим, – молодежных собраний, понятия не имели друг о друге.

– Как же вы могли, – искренне изумился либерал Феликс, – свалить их всех в одну кучу?

– А мы обобщили, – объяснили ему сотрудники Комитета как коллеги – коллеге. И выразили даже при этом некоторое недоумение: мол, ему ли, журналисту, не знать, что такое художественное обобщение?

Как оказалось, нечто похожее произошло и в Калуге. Вернувшись оттуда (разумеется, победителем), Феликс, запершись со мной в своем начальственном кабинете, рассказал, как было дело.

Приехал он в Калугу, явился в институт, где произошло вышеописанное ЧП, и сразу – в партком. Что? Как? Почему? В парткоме ему подтвердили: да, действительно, исключили из партии троих. Ну, а потом, естественно, их уволили: не могут же оставаться на идеологической работе люди, исключенные из железных рядов за серьезные идеологические проступки! А проступки-то какие? Ну, разные. Но главный, самый большой идеологический грех проштрафившихся преподавателей, как выяснилось, действительно состоял в том, что они пропагандировали упадочные, идейно ущербные стихи Евтушенко и Вознесенского.

– Неопубликованные, что ли, стихи? – спросил Феликс.

– Почему неопубликованные? Опубликованные.

– За границей?

– Почему за границей? У нас.

– То есть, вы хотите сказать, что исключили из партии этих трех преподавателей только за то, что они читали студентам стихи советских поэтов, опубликованные в советской печати? – надавил Феликс.

Однако члены парткома не смутились, и давлению этому не поддались, – лишь безмятежно сообщили, что их хата с краю, поскольку компромат на этих профессоров пришел из ГБ.

Вдохновленный своим киевским опытом, Феликс напрямик отправился в местное отделение ГБ и задал сотрудникам, состряпавшим это дело, тот же вопрос: «Вы что, мужики? Совсем у вас, видно, крыша поехала! Какая же это идеологическая диверсия? Это ведь наши, советские поэты!»

– И тут, представляешь, – рассказывает мне Феликс с какой-то нехорошей, глумливой ухмылкой, – достает ихний главный из ящика стола газету, сует мне ее под нос и говорит: «Да? Советские, значит? А вот почитайте, что ваша родная “Литгазета” про них пишет!» Разворачиваю я эту газету и вижу, что там – ТВОЯ СТАТЬЯ!

Тут надо сказать, что у нас с Феликсом, хоть он и был тогда либералом, все-таки случались кое-какие идеологические разногласия. То он норовил ни к селу ни к городу всадить в какую-нибудь мою статью «цитатку из Хруща», то, наоборот, высадить из нее какую-нибудь цитату: Ахматовой или Цветаевой. И всякий раз при этом объяснял: «Старик, верь моему чутью. В литературе ты, может быть, понимаешь лучше, чем я. Но в политике, поверь, я смыслю больше».

За эту политическую сервильность и изворотливость мы либерала Феликса слегка презирали, хоть и старались ему этого не показывать. Но что-то он, наверное, все-таки чувствовал. И поэтому, рассказывая мне о том, как Калужская гэбуха прикрывала свое свинство моей статьей, он не скрывал испытываемого им чувства глубокого удовлетворения. Его искренне радовала открывшаяся вдруг возможность макнуть меня в то же дерьмо, в которое по долгу службы так часто приходилось погружаться ему. Показать, что это дерьмо – наше общее, что никуда нам от него не деться, что все мы одним миром мазаны. Поскольку, как любил он повторять, оправдывая разные более или менее сомнительные свои поступки, – жить в обществе и быть свободным от общества нельзя.

Все это, разумеется, осталось в подтексте, так сказать, за кадром. А «в кадре» – мы дружно посмеялись над идиотизмом туполобых калужских гебешников, и тем дело и кончилось.

Хотя – нет, не кончилось...

Вторая часть моей статьи, главным фигурантом которой был Андрей Вознесенский (с Евтушенко я разделался в первой ее части), начиналась так:

«XX век отучил нас удивляться. Полимеры входят в быт. Нас окружают ткани и меха, по своим качествам не уступающие настоящим. Вероятно, если завтра мы прочтем в газетах, что учеными осуществлен синтез белка, нам это тоже не покажется нереальным.

Существует и “синтетическая”, искусственная поэзия.

Ее не следует недооценивать... Хотя она и представляет собой имитацию, но эта имитация в наш век может быть доведена до потрясающего технического совершенства. Многие даже не почувствуют разницы между произведением, “синтезированным” талантливо и искусно, хотя и без всякой затраты живой крови, и живым детищем, рожденным в муках...»

Когда я сочинял этот абзац, мне, конечно, не могло прийти в голову, что и он тоже может стать оружием в руках цензора или редактора, не пускающего стихи Вознесенского в печать. Но вскоре (тоже, наверное, месяца через два или три после появления моей статьи) к нам в редакцию заглянул Андрей. И с грустью и обидой поведал мне, что В. Карпова (тогдашний главный редактор издательства «Советский писатель») «бодает» его новую книгу, ссылаясь, как и те калужские гебешники, на мою статью.

– Раньше, – рассказывал Вознесенский, – она в поте лица старалась отыскать у меня разные идеологические грехи, а теперь ей и искать-то нечего. Это, говорит, синтетическая поэзия, – и все. Так что она может сказать тебе спасибо, ты сильно облегчил ей ее трудную работу.

Не могу сказать, чтобы слушать это мне было приятно.

С новой книгой Андрея, правда, все обошлось.

Хитроумная Карпова и в самом деле пыталась «забодать» ее моими руками. Прочитав мою статью, она тут же отправила мне рукопись его «Треугольной груши» на внутреннюю рецензию. Ход, как ей, вероятно, казалось, был беспроблемный: не стану же я, только что разгромив поэта Вознесенского публично, в закрытой, внутренней рецензии хвалить те самые (или такие же) его стихи, которые так резко критиковал.

Но я вышел из положения просто, начав свою внутреннюю рецензию так:

«Совсем недавно я опубликовал большую статью, в которой подверг резкой критике стихи Андрея Вознесенского. В этой статье я пытался определить место поэта Вознесенского в русской поэзии XX века.

Сейчас передо мной стоит неизмеримо более скромная задача: определить место, которое займет новая книга Вознесенского в ежегодной поэтической продукции издательства “Советский писатель”...»

После такого вступления я уже спокойно мог написать самую что ни на есть положительную внутреннюю рецензию на «Треугольную грушу». И «Груша» эта довольно скоро вышла в свет. Так что на поэтическую судьбу Вознесенского (равно как и на поэтическую судьбу Евтушенко) та моя статья никакого отрицательного воздействия не оказала.

Но все эти события (и калужский инцидент, и капкан, поставленный мне хитроумной Карповой, и мой ответный финт на ее ловушку) имели место быть, как я уже сказал, месяца через два-три после появления моей статьи. Главный, настоящий скандал вокруг нее разразился гораздо раньше.

**Árēīdā īīnēā āā ēīī÷ēīū ē āāīāā īdēāāē çīāī āīēōūē
āī ādēēāī nēēē æōđī āēēñō ē ēñō īdēē Đ. Ēīīēāāñō -
āāō īđ īāīōāāōāē āāñī ī ēđ ēīēāē «Áīēūōīē òāđđīđ».
Īī īđāāēīāēē āē çā āđdēā Āōāēī nēīā 60 òūñ āīēēāđīā
Ī ī īīā, īā çāāōī ūāāyñī, īōēāçāēā: ī īāēā ēē ēīā÷ā īīñōōīēōū
ñōāđāy ēīī ī ōīēñōēā ē īāòđēīōēā?!**

Yōī āūēā - óāū! - āīāđīñāñō īāy īōēāēā!

** Ēāđīāçī Ē.Ē. ñōāīāō āīāāāē-ēāēōāīāīōīī, ēīī āīāēđīī òāīēīāīā ēīđīōñā ā Āāēēōçp Ī òā÷āñōāīīçp āīēīā, āā āūñēī īōāīēō Ā.Ē. Ąōēīā çāñīē āāēāīđēī. āāōīđā*

** Ā 1939 āāō ×āīūōāāā āīīōñōēēē, āāđīōēē āāđī ēp. Āīēīō īī çāēīī÷ēē īā Yēūīā āūāāē-ēāēōāīāīōīī, ēīī āīāēđīī ēīđīōñā*

** Ī ā ñāñāīāēē đēīāñāñōāā ēāōō òđāñōā «Ēāīñēōāēī» ā ōī ēāđī Ī đāīīāīā ÷āē-ōī āīīđñ ēīāāā āđāñōīāēē Āāđēç, īōāāōēē: - Āđāñōīāēē āīāñī y, āūāīāī īīā - ē āūēī āū īīçāīī!
Ī īā āđāçāēñy āīāī yōūyōīō īōāāō.*

** Ā. Đūāāēīā Đñī āī-āññīī ēīāīēā Ī.: «Āāāđēōī», 1997. N. 209*

** Đā÷ūōēā ī Ī īēīđōīāī, Āīđīōēēīāī, Ī āēāīēīāī, Ēāāīīāē÷ā - āēōēāīūō ó÷āñōīēēāō ñōāēēīñēēō đāī đāññē.*

** Ā āāū āāāēāāīñēīē āīēīū «÷āđīīē īāđīōīē» ā ēōōēō īāçīāāēē āōēēōāçēçp, ī īāēēēçīāīīçp īā òūēīāīā đāāīōū.*

особняки, дает рекомендации по приобретению произведений искусства, получает полномочия покупать их по всей Европе, имеет дело как с коллекционерами, так и с музеями.

Не впадайте в меланхолию, если вам не довелось увидеть ни одного из многочисленных оппенгеймовских портретов, запечатлевших знаменитых финансовых магнатов и их родственников. Зато вы определенно видели портрет Генриха Гейне, написанный Оппенгеймом в 1830 году. Молодой поэт был проездом во Франкфурте, и художник уговорил его позировать. Портрет не раз воспроизводили в собраниях сочинений и сборниках поэта, которые появлялись в нашей стране. Сам Гейне считал портрет удавшимся, одобрял за сходство. Спустя двадцать лет он обратился к Оппенгейму с просьбой позволить его другу и доверенному лицу сделать гравюру с портрета, и художник уважил просьбу поэта. Только за этот один портрет мы бы могли быть бесконечно признательны мастеру. Нелишне знать, что Оппенгейм написал также портрет Людвига Бёрне, незаурядного публициста и писателя, родившегося в семье еврея-банкира и проживавшего до 1830 года во Франкфурте. Бёрне и Гейне были противниками, постоянно полемизировали. Возможно, художник не вникал глубоко в суть их споров, но знакомство с обоими характеризует Оппенгейма как человека, причастного к интеллектуальной жизни Германии.

Значительных успехов добился Оппенгейм и в области жанровой живописи. Ярким примером тому служат картины «Феликс Мендельсон, играющий перед Гёте» или «Визит Лессинга и Лафатера к Мозесу Мендельсону». На них запечатлены реальные события из жизни исторических лиц. Первой жанровой картиной на еврейскую тему стало «Возвращение еврейского добровольца с войны за освобождение в родной дом, живущий по старым традициям» (1833). На картине изображен один из еврейских добровольцев, сражавшихся и погибавших за Германию в борьбе против Наполеона. Оппенгейм сознательно напомнил об участии евреев в этой войне, ибо после ее окончания и решений Венского конгресса 1815 года положение евреев в Германии значительно ухудшилось. Оппенгейм смог самолично прочувствовать это ужесточение официального курса: 25 лет добивался известный художник разрешения властей свободного города Франкфурта считаться его гражданином. Он подал 10 прошений, они были отклонены на том основании, что он является евреем, не рожденным во Франкфурте. Лишь в 1851 году ему было дано гражданство города, славу которого он приумножил.

Картина «Возвращение добровольца» была приобретена соплеменниками Оппенгейма и преподнесена в дар известному поборнику еврейских прав Габриелю Риссеру, издателю журнала «Еврей», который стал вице-президентом Франкфуртского учредительного парламента в 1848 году. Будучи близким другом Риссера, Оппенгейм встречался с многими реформаторами, добивавшимися равноправия евреев, но сам в этом движении не участвовал.

Его участие в еврейской жизни проявилось иначе: последние двадцать лет были отданы картинам из серии «Еврейская семейная жизнь». В итоге в 1882 году появился большой том, содержащий 20 листов иллюстраций, с предисловием и комментариями раввина Леопольда Штайна и имеющий название «Картины традиционной еврейской семейной жизни».

Для Оппенгейма и многих его современников иудаизм был не собранием религиозных догматов, а скорее организующим принципом бытия. Изображая святость еврейского дома, семьи, художник сознательно подчеркивает их главную роль в формировании религиозного чувства. В этих жанровых сценах предстает нечто более значительное, чем просто церемония бар-мицвы, свадьбы, празднования субботы или судного дня, они одушевлены патриотическим национальным чувством. Штайн назвал Оппенгейма «размышляющим художником». Еврейская любовь к семье, еврейское чадолюбие предстают у него неиссякаемым источником животворной веры в непрерывность духовной жизни.

Хронологически большинство сцен относятся к последним десятилетиям XVIII века. Перед нами проходит жизнь еврейского гетто, которого больше не существует. Бросается в глаза идеализация прошлого. Она заметна и в комментариях Штайна: «В гетто, где евреев по ночам запирали, превращая в городских узников, они себя чувствовали на самом деле свободными: “Что? Они нас заперли? Вовсе нет! Это мы их не выпускаем”»

Невольно вспоминаются Марк Шагал и Шолом-Алейхем с их поэтизацией-идеализацией еврейских местечек царской России. Впрочем, в «Истории немецких евреев» Адольфа Кохута, появившейся на исходе XIX века, это явление предвосхищено: «Мир теперь с изумлением узнает, что в гетто были не только грязные стены и узкие закоулки, но и бездна поэзии и духовности». Мориц Оппенгейм одним из первых увидел недавнее жалкое прошлое немецких евреев в новом свете.

В 1900 году во Франкфурте была организована выставка произведений Оппенгейма в честь столетней годовщины со дня его рождения. В каталоге числится 142 наименования, из которых почти треть составляют портреты. Сейчас такая выставка вряд ли была бы возможна. Значительная часть картин погибла во время Холокоста, часть уцелевших хранится ныне в Национальном музее Иерусалима. Мориц Оппенгейм не входит в пантеон великих мастеров прошлого, но он заслужил право на благодарную память своего народа.

Эстрадные театры «Матате» и «Бацаль ярок», заложившие в 40 – 50-е годы основы нынешнего «стенд апа», рассказывали о повседневной жизни израильтян. Они высмеивали нарождающуюся бюрократию, желание некоторых спекулировать на старых, еще пальмаховских заслугах, дабы отхватить теплое местечко.

Правда, с юмором тогда были проблемы:

– Имеем ли мы право высмеивать только что родившееся государство и его институты? – сомневались некоторые.

Оказалось, однако, что высмеивать можно все, и притом порой – с большим успехом.

С середины 50-х на радио «Коль Исраэль» появилась сатирическая передача «Трое в одной лодке» с участием Шалом Розенфельда, Габриэля Цафрони, Амнона Ахи-Номи и Дана Бен-Амоца. Сегодня все это ни читать, ни слушать невозможно, но тогда выходящая раз в месяц программа пользовалась огромной популярностью. «Израильским Жванецким» был тогда Дан Бен-Амоц. Именно он, а не Эфраим Кишон, стал первым ивритским юмористом (хотя сам Кишон, правда, так не считает).

Не одно поколение израильских политиков, общественных деятелей и творцов культуры создавали Нового Израильянина – свободного, независимого, любящего свою страну и готового защищать ее до последнего вздоха.

В газетной статье-однодневке подобные обобщения, наверно, допустимы: такова особенность жанра, жжет полемический задор и т.п. Но когда читаешь такое в книге да на холодную голову, то пророчество о московской прокуратуре, заводящей дело на г-на Лужкова в пользу запрещенной в Москве РНЕ, вызывает некоторое... недоумение.

Наконец, почти четвертая часть текста посвящена деятелям, принадлежность которых к «коричневым» все-таки крайне сомнительна. Жириновский, Зюганов, Лукашенко – разумеется, фигуры малосимпатичные, но всех их скопом записывать в фашисты вряд ли оправдано. Хотя бы потому, что таким образом размывается сам термин «фашизм». Это все-таки термин, а не просто расхожее ругательство.

А для Дейча, похоже, слова «фашизм», «фашист» суть не более чем субъективная оценка, ни к чему не обязывающее «личное мнение». В главе, посвященной тому же Жириновскому, он так и пишет: если опубликовать информацию, не соответствующую действительности, на опубликовавшего можно подавать в суд. «А вот если я назову его фашистом – извините, это мое мнение, а оно неподсудно».

Автору этих строк хотелось бы также, чтобы г-н Дейч более осторожно обращался и с некоторыми терминами из еврейской истории, не подвергая их «расширительному» толкованию. Несколько статей в книге посвящены, например, «погрому на Царицынском рынке». Все-таки мы знаем, что такое «погром», и вряд ли стоит распространять этот термин на любую выходку пэтэушной шпаны, даже если в результате погибли люди. Здесь, вероятно, на Марка Дейча повлияла общая языковая нетребовательность «Московского комсомольца»: эта газета и беспорядки на Манежной площади прошлым летом, и любую пьяную выходку футбольных фанатов называет «погромом». «Погром на Царицынском рынке» – по сути, то же самое, что «Холокост чеченского народа». Как бы каждый из нас ни относился к трагедии чеченского народа...

«Расширительное» использование термина «фашизм», скорее всего, и объясняет то, что ряд материалов в книге имеет весьма косвенное отношение к заявленной теме, если вообще имеет. Например, материал о полковнике Буданове: как ни квалифицировать совершенное им убийство, фашизм тут абсолютно ни при чем.

Конечно, в газетных статьях вполне допустимо объединять несколько разных тем. Но когда статья превращается в главу книги... Вот тогда-то, уж лучше было бы ее почистить от не идущих к делу историй. Если, разумеется, не исходить из презумпции виновности власти решительно во всем. И презумпции права журналиста быть вечно правым (извините за дурной каламбур).

Кстати, убежденность в своей правоте, конечно, прекрасная вещь. Но она иногда приводит к тому, что на иврите называется «атимут», (очень приблизительный перевод на русский – «душевная глухота»). Так, характеризуя одного из депутатов Думы – как раз в позитивном контексте, – автор пишет, что он «из тех не слишком многочисленных русских, кто понимает: русский антисемитизм оскорбляет прежде всего самих русских». Извините, но этот пассаж оскорбляет прежде всего тех русских, которых г-н Дейч называет «не слишком многочисленными». А выражения типа «не то гей, не то гой» столь же недопустимы в порядочном обществе, сколь недопустимо любое упоминание «жида».

...Что это меня вдруг понесло цепляться к г-ну Дейчу? Человек делает свое хорошее и нужное дело – как только заметит, что государственный чиновник пытается спихнуть с себя обязанности по борьбе с проявлениями фашизма и антисемитизма, сразу же публикует про него разоблачительную статью. И спасибо ему за эти статьи. А то, что книга из этих статей получилась не особенно удачная, – это, в конце концов, только личное мое мнение рецензента. Аудитория единомышленников Марка Дейча вполне может считать иначе.

Особый исследовательский интерес автора связан с Россией. Раньше этим аспектом темы Холокоста никто так серьезно не занимался. Скрупулезно прослежена технология регистрации евреев, расселения их в гетто, а также уничтожения в двадцати трех краях и областях Российской Федерации (с учетом современного административного деления). Это позволяет заинтересованному читателю проследить хронологию преследований российских евреев, их истребления и борьбы в гетто.

Не обойден вниманием такой очень важный вопрос, как участие коренных жителей в уничтожении евреев. Автор прослеживает деятельность местных националистов в ряде республик бывшего Советского Союза. Оценка действий формирований, участвовавших в казнях евреев, документы, которыми они пользовались, даны со ссылкой на исторические источники, ибо этот щепетильный вопрос требует детального изучения. Масштабы участия местных националистов в истреблении евреев были достаточно велики. Книга построена на материалах двадцати семи российских и зарубежных архивов, в том числе архивов Украины, Белоруссии, Израиля, американского Музея Холокоста, который скопировал подавляющее большинство архивных фондов бывшего Советского Союза. Это дало автору возможность сопоставлять разного рода источники, отыскивать редкие документы, в частности те, что касаются реакции местного населения на геноцид евреев.

И. Альтман подробно рассказывает о «Праведниках народов мира», спасавших евреев. Получившие звание «Праведника» граждане России названы у него поименно. Рассказано, однако, и о том, как равнодушно или даже с одобрением реагировали иные жители оккупированных территорий на то, что преследовали их соседи-евреи.

Чтобы читатели поняли, какой большой труд проделал автор книги, позволю себе привести несколько фактов. Сохранился, к примеру, любопытнейший документ. Накануне войны женщина с сыном приехала из Ленинграда в Псковскую область к матери. Муж женщины был евреем. Мальчик-полукровка по имени Адольф оказался в глухой деревеньке. Староста приказал не давать ему пайка как жиденку, а бабушку всячески преследовали. Уже в самом конце оккупации по доносу в деревню явились полицаи. Бабушку с внуком привели в районную управу и стали решать – что делать с полуевреем? Таких, как правило (кстати, только на территории СССР), расстреливали. Если мать оказывала сопротивление, ее тоже убивали. Однако пятилетнему мальчику повезло: палачи не решились убить ребенка, носящего имя «великого фюрера», и отпустили его...

Серьезное внимание уделяет автор взглядам Кремля на Холокост. И старается при этом избегать упрощенных выводов, рисуя далеко не однозначное и не всегда отчетливое отношение руководства страны к предмету изучения. Оно в разные годы зависело от множества разных причин, в том числе и от международной обстановки. Отправной датой охлаждения к евреям многие считают смещение с поста наркома иностранных дел М.М. Литвинова. Этот факт с большим удивлением восприняли в Берлине, поскольку нарком крайне отрицательно относился к нацистскому режиму.

Автор показал роль, которую сыграл в спасении нескольких тысяч евреев Польши и Литвы японский консул в Литве Сугихара, и роль правительства суверенной Литвы. Последнее еще в конце 1939 года обратилось к советским властям с просьбой пропустить через территорию СССР тех евреев, которые до начала войны успели получить в Польше разрешение на въезд в Палестину, но не успели им воспользоваться. Просьба была отвергнута. Интересно, что вторично с той же инициативой выступил советский наместник в Литве, бывший заместитель Берии, впоследствии заместитель наркома внутренних дел, а еще позднее – заместитель министра иностранных дел небезызвестный Деканозов. Он уговорил Молотова по линии Интуриста провезти евреев, направлявшихся во Владивосток, а затем на японскую территорию. Советская казна получила за эту операцию миллион инвалютных рублей! Потом эти люди разъехались кто куда и были спасены от нацистов. Тогда СССР помог евреям избежать потенциальной угрозы.

А вот когда на территорию Советского Союза пытались попасть беженцы из Германии, наше правительство повело себя иначе. В 1940 году к нему обратилось венско-берлинское Бюро по эмиграции, предлагая принять евреев рейха. Альтман проанализировал сохранившиеся в личном архиве Молотова поразительные документы. Бюро со стороны Германии возглавлял руководитель главного управления безопасности рейха Гейдрих (по должности отвечавший за судьбу евреев), а с австрийской – известный палач Эйхман. В феврале 1940 года советское правительство ответило, что такая акция «нецелесообразна». Таким образом, не было спасено огромное количество евреев из Германии, Австрии и Чехии.

По мнению автора книги, Кремль был хорошо осведомлен о Холокосте из разных источников. Среди них – специальный отдел НКВД, которым руководил Судоплатов, впоследствии известный разведчик. Этот отдел занимался также сбором информации на оккупированных территориях. Информация была достаточно полной. Например, уже осенью 1941 года стало известно, что нацисты повсеместно уничтожают еврейское население. Когда в декабре 1942 года готовилось заявление о судьбе советских евреев, ведомство Судоплатова снабдило материалами и внешнеполитические инстанции. Автор монографии анализировал содержание этого документа. Около трехсот тысяч евреев тогда были еще живы – в Западной Украине, Прибалтике, Белоруссии. А заявление звучало как некролог; там говорилось, где и сколько евреев погибло и ни словом не были упомянуты оставшиеся в живых. Если бы последовало конкретное указание руководству партизанского движения и подпольщикам оказывать помощь евреям и принимать их в свои ряды, это стало бы реальной поддержкой евреев на оккупированных территориях. Но этого, к сожалению, не произошло.

И. Альтман подчеркивает, что все вышесказанное не умаляет заслуг Красной Армии, в героической борьбе победившей фашизм.

Не обошел автор «Жертв ненависти» и такую тему, как антисемитизм в партизанских отрядах, на фронте и в советском тылу. Выяснилось, что меньше всего недоброжелательство по отношению к евреям ощущалось на фронте, а в тылу антисемитизм был весьма распространенным явлением.

Наконец, отдельная глава посвящена вооруженному и невооруженному сопротивлению евреев Холокосту. Автор постарался обобщить то, что уже было опубликовано об участии в партизанском движении и в подпольных отрядах, и подсчитал количество евреев, там воевавших. Их оказалось около семнадцати тысяч, многие при том сражались в специальных еврейских партизанских отрядах. О них подробно рассказывается в монографии.

Альтману удалось установить и еще одну цифру. На территории СССР погибли более двух миллионов восьмисот тысяч евреев.

Автор книги много пишет о деятельности еврейских советов на оккупированных территориях и роли, руководителей «юденратов». До сих пор идут споры о роли еврейской полиции в Холокосте, о роли религиозных лидеров. У Альтмана своя точка зрения на эту немаловажную проблему.

Очень серьезен вопрос, заданный в предисловии: почему исследование Холокоста до сих пор лишь в малой степени занимает историков, работающих над проблемами Великой Отечественной? В этом смысле наша историческая литература разительно отличается от западной. На Западе в изучение второй мировой войны Холокост включен как обязательная тема. У нас более десяти лет нет идеологических запретов, открыты архивы. И тем не менее информационного прорыва пока нет.

Книга «Жертвы ненависти» по глубине и серьезности анализа, по объему собранного материала, точности и убедительности оценок интересна не только для специалистов, но и для самого широкого читателя. И все же автор считает, что его труд – лишь эскиз, черновой вариант той большой работы, которая должна быть выполнена в будущем общими усилиями исследователей. По его мнению, белых пятен в фактографии Холокоста еще много. И больше всего их в истории военных лет России.

Очень важно, чтобы тема Холокоста стала частью учебного процесса. Поэтому И. Альтман написал вторую книгу. Она называется «Холокост и еврейское сопротивление на оккупированной территории СССР». (Презентация обеих книг Альтмана состоялась 20 апреля в театре Марка Розовского «У Никитских ворот»). Вторая книга подготовлена фондом «Холокост», она теперь считается учебным пособием для вузов в соответствии с федеральной «Программой формирования установок толерантного сознания в Российской Федерации». Программа инициирована В. Путиным. Руководитель проекта издания книги и ее редактор – профессор МГУ Александр Асмолов.

Работа И. Альтмана – одно из первых пособий такого рода, адресованных студентам и преподавателям. И в этом ее особое значение. Она уже получила положительные отзывы.

Фонд «Холокост» бесплатно предлагает библиотекам всех вузов России книгу «Холокост и еврейское сопротивление на оккупированной территории СССР».

Он сразу подскочил.

– В чем дело? – крикнул он, и в голосе его был ужас.

– Ах, зачем вы так? – кричала миссис Коста из темноты. – Зачем вы так?

– Слава Б-гу, жив, – сказал Патси.

Ида стонала и ломала руки.

– В чем дело? – крикнул Сэм. Потом он учуял газ и застыл от ужаса.

Патси включил свет. Лицо у Сэма было багровое. Из каждой поры лил пот. Сэм натягивал одеяло на голые плечи.

– Зачем вы это сделали, Сэм? – спросил Патси.

– Что я сделал, что? – сам не свой крикнул Сэм.

– Газ. Включили газ, а свет не зажгли.

– Так он не горел, нет? – в изумлении крикнул Сэм.

– Не горел, – сказала миссис

Коста.

Сэм стал спокойней. Снова лег.

– Это была ошибка, – сказал он. – В первый раз в моей жизни – такая ошибка.

– Значит, вы это без умысла? – спросила миссис Коста.

– Какой умысел? Зачем умысел? – спросил Сэм.

– Мы подумали...

– Нет, – сказал Сэм. – Это была ошибка. Возможно, спичка отсырела.

– Но вы должны бы унюхать газ, – сказал Патси.

– Нет, у меня насморк.

– Единственное, что вас спасло – тут воздуха много. Вам повезло, что помещение тут продуваемое.

– Да, мне повезло, – согласился Сэм.

– Говорила я вам – пальто наденьте, – сказала миссис Коста. – Он стоял без пальто под снегом на улице, – пояснила она Иде.

Ида была вся бледная и молчала.

– Ладно, пошли, – сказал Патси, беря под локоть жену. – Всем надо спать.

– Спокойной ночи, – сказала миссис Коста.

– Не закрывайте окна еще несколько минут и спичек не зажигайте, – посоветовал Патси.

– Спасибо вам большое и извините за беспокойство, – сказал Сэм.

– Ну, чего там, – сказал Патси, – но в другой раз будьте осторожней.

– Это была ошибка, – сказал Сэм. – Ошибка и больше ничего, я вас уверяю.

Супруги Коста ушли. Ида их проводила до двери и повернула ключ. Сэм понадежней укутался одеялом. Комната леденела под открытыми окнами. Он боялся, как бы опять не расчихаться. Очень скоро он уснул.

Ида подождала, пока выветрится запах газа. Потом закрыла окна. Прежде чем раздеться, осмотрела горелку и убедилась, что закреплен выключатель. В полном изнеможении она улеглась и сразу заснула.

Иде показалось, что она всего минутку поспала, когда она проснулась. В страхе посмотрела на Сэма, но он громоздился рядом, с головой укутанный одеялом. Она услышала его ровное глубокое дыхание, и у нее отлегло от души. Ида проснулась окончательно, и события дня пронеслись у нее в голове. Она вспомнила про эту историю с газом, и всю ее пронизала острая боль. Неужели Сэм и вправду хотел такое над собой учинить? Неужели? Ей хотелось растолкать его и спросить, но было страшно. Она повернулась на другой бок, хотела снова заснуть, но какой там сон.

Ида потянулась к ночному столику, заглянула в светящийся циферблат. Было двадцать пять пятого. В шесть зазвонит будильник. Сэм проснется, и она у него спросит, и тогда она, наверно, сможет уснуть. Она закрыла глаза, но сна не было. И она открыла глаза, да так и лежала.

Из-за тоненького позвякивания окна Ида поглядела наружу. Там, в свете уличного фонаря, видно было, что снова пошел снег. Медленно, тихо падали хлопья. Повисят-повисят в воздухе, но налетит ветер и несет их на окна. И окна слегка дребезжат, а потом снова все тихо, только часы тикают.

Ида потянулась к часам, выключила будильник. Было почти пять. В шесть она встанет, оденется, спустится вниз. Втащит ящик с молоком, хлеб. Потом подметет магазин, счистит снег с дорожки. Пусть Сэм поспит. Потом, если лучше себя почувствует, он и спустится. Ида опять посмотрела на часы. Пять минут шестого. Ему полезно поспать.

Из записок Исролика-сумасшедшего

Î áí áááá Î téóóóó Nóí óèí

Вокруг стоит неистовый и несмолкающий гул... Адский хохот, змеиное шипение, собачий лай. Даже завывания... Страшно до смерти. Голова кружится... Кто-то толкает меня в грудь, потом в спину. Земля ускользает из-под ног. Все кончено... Кончено... Внезапно я вижу себя парящим в воздухе... Кошмар!

– Милости просим на небо, Исролик! Очень рад встрече со старым приятелем. Все это безграничное воздушное пространство – к твоим услугам. Беру тебя с собой в надзвездные края, куда лечу сам. Поехали! Не возражаешь?

Прежде чем я успел понять, кто со мной говорит, меня схватила чья-то цепкая рука и крепко сжала. Я вгляделся. Странный тип. Но что-то в нем показалось мне, однако, знакомым. Я старался изо всех сил припомнить, где и когда мы встречались. Потом вспомнил. Все оказалось довольно просто: своими длинными пальцами меня сжал в горсти главный черт, сам Асмодей. Мы с ним однажды уже прогуливались по поднебесью в обществе бесов, его прислужников.

Несколько минут спустя зашумело, загрохотало еще сильнее. Я посмотрел по сторонам. Вижу – прилетела целая ватага чертей. Давние знакомцы, и повадки их уж кому-кому, а мне-то хорошо известны. Всякий раз, в периоды моих долгих, неизбывных страданий, когда от душевных мук и убийственных видений я не нахожу себе места и пытаюсь спастись, поднявшись в воздух, я обязательно встречаюсь с ними. Только в этот раз замечаю, что чертей и сопровождающих их, как водится, ведьм, молодых и старых, бесенят и разной прочей нечисти гораздо больше, чем прежде. И весь этот адский сброд, вопя и кривляясь, несется дальше с потрясающей скоростью.

«Куда это они так торопятся? – думаю я. – Может, случилось что?.. Уж не на небесную ли ярмарку отправилась вся компания? В таком случае можно, пожалуй, пристроиться к ним и заняться каким-нибудь выгодным дельцем. В качестве посредника, например. Маклера. Прямо у самого дьявола или, по его рекомендации, у любого купца. Кто из купцов не готов во всякое время услужить нечистому? Надо заблаговременно поразнюхать».

Размышляя таким образом, я покрутил головой, поднял кверху нос, который в деле поиска средств к существованию играет для меня ту же роль, что щупальца у моллюска, и втянул в себя воздух. Должно быть, задвигавшись, я нечаянно потревожил архидьявола. Тот, видно, уже позабыл про меня, а тут вдруг, очнувшись, повернул ко мне физиономию и спросил с хитрой усмешкой:

– Как же тебе, миленький, живется-можется на земле? Прости, пожалуйста, за невежливость: при встрече я даже не справился о твоих делах, как того требует этикет.

– Мне-то?.. Как мне живется-можется? – повторил я в замешательстве. – Даже не знаю, что бы вам и ответить... Да в общем, живется ничего!.. Плохо только вот одно... В делах, понимаете ли, застой, заработки неважные.

– Только это, говоришь? Значит, в основном положением своим ты доволен? Прекрасно! – отозвался Асмодей, глядя на меня с ироническим прищуром. – Но скажи, дорогой Исролик, не таись: какими судьбами ты попал сюда, будто тебе тесно внизу? Места не хватает?

– Какими судьбами, спрашиваете? – Ну, это... Бывает, знаете ли, иногда с человеком, когда ему того... Ни туда ни сюда... Он и поднимается вверх... Куда повыше...

Бормоча себе под нос разные невнятные слова, я растерянно озирался, но внезапно чуть не заурчал от удовольствия: вижу – тянется вдаль длинная цепь повозок с товарами. Чует нос мой наживу, и говорю я сам себе: «Возгордись, Исролик! Торговля следует за тобою по пятам: где ты, там и она – на суше, на море или даже в небе. Завидная твоя доля!» Велико, однако, было мое разочарование, когда весь этот «товар» – увы! – оказался обыкновенными облаками, вскорости растаявшими в вышине... Обманутый в радужных надеждах на ярмарку, я подумал – а не ведет ли Асмодей свое рогатое воинство потехи ради куда-нибудь на место сражения? Если так, для меня снова открывается широкое поле действий. То есть не на самом поле битвы – сохрани Б-г! – а подальше от него, где-нибудь в конторе подрядчика, в кибитке маркитантки. Не знаю, угадал ли Асмодей мои мысли, но взор в меня он впериł пронизательный и какой-то недобрый, а потом, саркастически усмехаясь, попросил нагнуться и глянуть вниз, на землю. Мне это было не по нутру. Мачеха-земля не манила меня к себе в ту пору.

Я пытался было вовлечь его в беседу о политике – тема, в которой, между прочим, я весьма силен. «Авось, – думалось мне, – этим дипломатическим способом вывернусь из неприятного положения». Но лукавого не обманешь: он упрямо настаивал на своем.

– Ты, брат, смотри туда, куда приказываю! – говорил Асмодей повелительным тоном, бесцеремонно наклоня мою голову.

– Смотреть-то смотрю, – отвечаю я смиренно, – но вижу словно сквозь дымку.

– Сейчас, Исролик, ты у меня все увидишь абсолютно четко. – С этими словами дьявол подул мне в глаза.

Взор мой изумительным образом прояснился – так, что я мог все различить внизу, и притом на огромном пространстве.

Шум и гром в небесных сферах. Двигаются миры; солнца и луны чередуются – одни восходят, другие заходят; меняются времена. И все следует незыблемому, вечному порядку. Страшно разгневанный Асмодей изрыгает брань на весь мир: предприятие его не увенчалось успехом. В старинных книгах есть указания на то, что в сопровождении своей свиты дьявол часто совершает путешествия на небо и посещает ангелов – вероятно, для того, чтобы попытаться всякими хитроумными способами завлечь их в свои сети.

Асмодей бьет тревогу, скликает чертей, чтобы пуститься в обратный путь, к нашей Земле; издали, с огромной высоты она кажется меньше булавочной головки. Асмодей не хочет, говорят, лишиться власти над ней: Земля больше других планет годится для его козней. На Земле в его распоряжении куча приспешников, преданных слуг, полным-полно возможностей для совершения нечестивых «подвигов». Тут его греет надежда, что из борьбы с Владыкой Вселенной он в конце концов выйдет победителем.

– Ничтожные! Что пользы вам от небес, что дают вам эти ваши эмпиреи, когда вы жалкие рабы и нет у вас свободы воли? Куклы! Вашими словами и поступками управляет воля чужая, как у заведенных марионеток. Тьфу!..

Так злобствует Асмодей, поднявши вверх кулаки, и плюется смолой и серой, и мечет глазами молнии, и хрипло, с ненавистью хохочет. И, переключившись со своими бесами, отправляется наконец обратно.

Летит он стремительно. С каждым взмахом его крыльев один за другим исчезают в пространстве миры. Земля делается все заметнее и больше; по мере приближения к ней Асмодей становится спокойнее и даже замедляет темп. Потягиваясь, расправляя члены, точно сбрасывая с плеч целые горы, он внезапно запускает руку за пазуху – должно быть, захотел почесаться – и неожиданно натывается на меня.

– Так вот ты куда забрался, Исролик! Стоит лишь на минуту выпустить тебя из виду, и тебе уже не сидится на месте: лезешь, лезешь... В самое нутро норовишь залезть. Однако пора тебе и честь знать, пан Исролик! А ну-ка! Выходи на свет белый! – Асмодей с кислой улыбкой вытаскивает меня из-за пазухи и шутя сдавливает пальцами.

Мне, конечно, больно и страшно, однако я не падаю духом. Вспоминая о своем неслыханном полете, обо всем, что происходило со мною до сих пор, я думаю про себя: «Ничего, прорвемся! Если я мог совершить такое путешествие, если я, можно сказать, пролетел через множество миров, да еще в обществе чертей всякого рода, и при всем том остался цел и невредим, то, наверное, и впредь с Б-жьей помощью вывернусь из беды». И, уповая на Б-га, я преспокойно лежу между пальцев у Асмодеев, но смотрю на него при этом с подобострастием, как бы говоря: «Шутки ваши – еще не беда, к ним я уже привык, но дальше что будет, скажите!»

– Твое счастье, Исролик, – точно услышав меня, произносит Асмодей, – что я сейчас в хорошем расположении духа, иначе сдалил бы тебя покрепче. Но теперь я, пожалуй, разожму пальцы и предоставлю тебе больше места на своей ладони.

Сподобившись дьяволовой милости, я почувствовал себя уверенным, даже независимым и осмелился обратиться к Асмодею с вопросом:

– Почему вы так веселы, пан Асмодей?

– Сейчас, балбес, узнаешь почему, – отвечает Асмодей с уже знакомой мне кисло-сладкой улыбкой, одновременно щелкая меня по кончику носа. – Ну-ка, погляди – различаешь что-нибудь на Земле?

– Трудновато! – говорю я, изо всех сил протирая глаза. – Вижу только дым, поднимающийся клубами, как из тысячи вулканов; там, должно быть, происходит нечто, подобное разрушению Содома и Гоморры.

– Нет, дуралей, – говорит Асмодей, дунув при этом так, что дым отклонился в сторону и моему взгляду предстал целый лес высоких труб. Оттуда и валил дым. – Теперь тебе видно? Все это заводы и фабрики для производства различного рода вещей, служащих моим важным целям. Заводы, где изготавливают пушки, винтовки и другое оружие на погибель людям; заводы, где делают машины, которые заменят ручной труд, отчего снизится заработная плата и рабочий лишится средств к существованию; заводы, которые выпускают машины для сокращения времени, пространства и попутно человеческой жизни. Тут же фабрики для печатанья всякого рода гнусностей – лжи, клеветы, свидетельств зависти, ненависти и других подобных вещей, будящих в человеке зверя. Их потом мигом распространяют по всему миру. Словом, это дым цивилизации или как у вас там оно называется... Ну что, посмотрел? А теперь милости просим дальше. Вот пред тобой еще одна картина, гляди и наслаждайся!

Я вижу чудесную страну: луга бархатным зеленым ковром покрывают землю, золотистые колосья колышутся на нивах, по краям нив пестреют красивые, ласкающие глаз полевые цветы, в долинах пасутся стада овец, белоснежные козы щиплют траву на холмах, птицы поют в лесах и рощах, стрекочут кузнечики, ржут лошади, мычат быки на пастбищах... Кругом – деревья, богатые фермы, роскошные сады. Зеленеют и виноградники, и смоковницы; розы, лилии, пионы распространяют райское благоухание. Дети играют во дворах, прыгают, словно козлята, резвятся, смеются от души. Женщины, мужчины сидят под деревьями, ведут меж собою дружескую беседу, едят, пьют, веселятся. Идиллия, да и только!

– Как хорошо, как невысказанно хорошо! Что за жизнь, просто рай земной!

– Хорошо, значит? Сейчас эта жизнь предстанет тебе в ином виде. – Асмодей проводит рукой у меня пред глазами и снова велит опустить голову.

Я оглядываюсь – вокруг ни души. После недолгого колебания решаюсь и... И едва только я протянул руку к вазе, как почувствовал легкий удар по спине – точно били веревкой. Оборачиваюсь ни жив ни мертв: предо мною тот самый горбатый черт, верный слуга Асмодея.

– Привет! – говорит он с ухмылкой, шлепая меня по руке хвостом. Это у чертей обычный способ здороваться.

– Здравствуйте, – бормочу в ответ и вперяю в него удивленный взгляд, будто не узнаю.

– Раират ведь я! Что, не признал? Я – Раират, губернатор этого ковра.

– Как?! Губернатор?! – восклицаю я с испугом. «Беда, – думаю про себя, – он, наверно, догадался, что я хочу стащить сокровища».

– Не смущайтесь, реб Исролик. Хоть я и губернатор, но ничего в этом нет особенного. И я очень рад такому дорогому гостю! Шутка ли – удостоиться чести видеть в своих владениях внука знаменитейшего деда!

– Вы, должно быть, шутите?!

– Нисколько, говорю вполне серьезно! Я прекрасно знал вашего деда – чтоб вы мне были здоровы, – всему миру известного мудрого царя Соломона. Пусть будет блаженной его память. То-то был умница, доложу я вам. Голова!.. Я находился у него на службе много-много лет; самые лучшие годы провел у него, когда был еще молод и хвост мой даже не начал линять. Он-то, царство ему небесное, и поставил меня здесь губернатором. Он самый! Этот ковер, изволите видеть, имеющий шестьдесят миль в длину и столько же в ширину, принадлежал первоначально дедушке вашему, царю Соломону. Да-с. На нем он обыкновенно совершал воздушные путешествия с такою, доложу вам, скоростью, что, бывало, обедает в Дамаске, на востоке, а ужинает в Мидии, на западе. Войско у него было, истинно говорю, несметное; состояло из всякой твари мирской. Главных флигель-адъютантов, через которых передавал царь Соломон свои приказания, имелось четыре: из людей – Асаф бен Берахия, из чертей – я, честь имею рекомендоваться, из зверей – лев, а из птиц – орел...

– Как? – прерываю я его. – А тот доблестный петух Духипат? Ведь говорят, и он имел перед царем важные заслуги?

– Э, глупости! Не путайте, пожалуйста, разные вещи. Петух – он и есть петух, его миссия была, знаете ли, простая, с камнями для жертвенника при Соломоновом храме связанная. Не первой, клянусь вам, важности. А то, про что я рассказываю, – это совсем другое. И прошу меня не перебивать.

И так горд был Соломон, уж вы мне поверьте, не как один черт, а как семьсот тысяч чертей, вместе взятых. Считался он первым мудрецом в мире и вследствие этого – не к стыду его будь сказано – нередко делал глупости, вызывавшие людскую ненависть и людские о нем пересуды. Да! Я сам, знаете, как-то повздорил с ним и отказался везти этот ковер, благодаря чему сорок тысяч человек упали на землю. И ему пришлось покориться – деваться-то было некуда – и просить у меня прощения. «Прости, – говорит, – дружище Раират, больше не буду!» А я ему: «Слушаюсь, великий царь, рад стараться». В другой раз он получил впечатляющий урок с довольно неожиданной стороны. Летим мы однажды по воздуху, знаете, над муравьиной долиной, и слышит он, как какой-то черный муравей говорит своим собратьям: «Скорей, ребята, в муравейник, чтобы войска Соломона нас не раздавили». – «Вот как! – говорит Соломон с возмущением. – Сойди, Раират, вниз, проучи этого нахала! Нужен мне их муравейник!» Я иду, произвожу дознание, кричу: «Не сметь!» Спрашиваю муравья:

– Ты кто такой будешь?

– Я, – говорит, – королева.

– Как тебя звать?

– Махшама.

Туда-сюда, я ее, королеву эту, арестую и ташу к Соломону. Он кладет ее к себе на ладонь, подносит ладонь к лицу.

– Скажи, – говорит, – есть ли кто на свете выше меня?

– Есть.

– Кто же это?

– Я.

– Каким же образом ты выше?

– Если бы я не была выше, то Г-сподь не послал бы тебя сюда, чтобы ты нянчился со мною, носил меня на руках.

Соломон пришел в сильную ярость.

– Ах ты, муравьиное отродье, – говорит, – ты просто не знаешь, кто я. Я – Соломон, сын царя Давида.

– И все-таки нечего тебе чваниться, – отвечает королева. – Ты из плоти и крови, как все смертные.

Соломон швырнул ее на землю, сильно смутившись и даже покраснев.

– Простите, пожалуйста, – прерываю я Раирата с изумлением. – Что-то мне трудно понять: муравьях – и такие речи! Как это возможно?

– Возможно, – отвечает Раират совершенно спокойно. – Если я вам докажу, что все это написано в Мидраше, вы мне поверите?

– В Мидраше, говорите? Странно!

По мановению руки Асмодея явился Раират, неся кочергу порядочных размеров, которую с поклоном поднес ведьме.

Надев на голову модную шляпку с летучими мышами по бокам, та молодецки вскочила на кочергу, а за нею и я, Исролик, счастливейший из смертных.

И вот я сажу на кочерге верхом, цепляясь за ведьму обеими руками, и мы оба очертя голову несемся к земле.

«Айи́йя», 1903 г

ПРИЗНАНИЕ СУМАСШЕДШЕГО

Beitá Oaiōad

Велик и прекрасен город Тель-Авив. Неистовы его праведники, и яростны его блудницы. Горячий аравийский ветер вздымает нежнейшую взвесь прибороев твоих, о Тель-Авив, до последних этажей небоскребов. Радужная пленка пены окрашивает воздух в цвета средиземноморской мечты и, медленно кружась, оседает на спинах откормленных тель-авивских котов. Возмущенным взглядом провожают они хасидов в черных халатах, спешащих на утреннюю молитву. Бледные завсегдатаи ночных кафе промокают бумажными салфетками первый утренний пот и устремляются вслед за хасидами. Возле синагоги их пути расходятся: вместо прохладных вод миквы окунают они тела свои, утомленные ночным распутством, в белые волны несмятых постелей. Жирно и зычно кричат коты на площади Дизенгоф, ленивое эхо барахтается между витринами и, наглотавшись перламутровой пены, тонет в фонтане.

Где ты, пророк-обличитель, чрево какой рыбы скрывает тебя от истомленной зноем публики?

Иногда мне кажется, что я узнаю его. Ведь если суждено повториться нашей встрече, то, наверное, здесь, на раскаленных площадях Ниневии. Я вкладываю монету в подставленную ладонь и пытаюсь уловить в полубезумных глазах хотя бы тень тени того взгляда. Напрасно, это не он. Другими дорогами ходит пророк по Тель-Авиву, а может, и вовсе в иные страны влечет его, испуганного непомерностью задачи, прохладное нутро аэробуса.

Я меняю направление, часы прогулки. Я внезапно поворачиваю и бегу на другую сторону улицы, сбивая с толку и без того нервных водителей. Не может быть, что мы больше не встретимся, – неужели все началось и завершилось на ступеньках виленской синагоги?

Беспощадные лучи солнца треплют мою кожу. Сегодня – впрочем, как и всегда – над всем Израилем безоблачное небо. Словно воздушный шар, взмывает в его обманчиво-безмятежную глубину мой слабый голос, распираемый изнутри миазмами тель-авивских помоек: «Где ты, сын Неба? Ниневия готова, Ниневия ждет...»

Я всегда старался идти в синагогу самым длинным путем. Выходил задолго до начала молитвы и медленно шел по старой Вильне, пытаюсь уловить отголоски давно отзвучавших мелодий. Я не знал, что удастся услышать: звук скрипки на еврейской свадьбе, перебранку уличных торговцев или голос кантора. Пересечения улиц пугали необходимостью выбора – обе стороны одинаково властно тянули к себе. Я останавливался и вспоминал уроки реб Берла.

Если еврей сбился с дороги или не знает, куда повернуть, лучше всего идти направо. Так написано в книгах Виленского Гаона.

– Ты понимаешь, Янкл, – говорил мне реб Берл, габай нашей синагоги, – ему не нужна была библиотека. Он так знал все наизусть! Три тысячи книг, и все наизусть – прямо как «Шма, Исроэл»!

Поворачивая направо, я каждый раз оказывался возле арки в конце улицы Стекольщиков. К ней примыкало новое здание, построенное вместо прежнего, разрушенного бомбой. Рассказывают, будто в его стене была полукруглая ниша, словно вдавленная в каменную толщу. Старики подводили меня к окнам нового дома, тыкали пальцами в стену и, крепко картавя, говорили:

– Здесь! Сюда смотри! Тут это было.

Три века назад по улице Стекольщиков проходила еврейка на последнем месяце беременности. Ей навстречу двигалась груженная дровами телега. Возница постарался прижаться к одной из сторон, но и освободившегося пространства явно не хватало. Тогда женщина повернулась лицом к стене и прильнула к ней изо всех сил. В этот момент произошло чудо – кирпичи расступились. Ребенок, укрытый от опасности, был будущий Гаон.

Перед самой синагогой я попадал в проходной двор и каждый раз встречал в нем реб Берла. Мы здоровались, он сжимал мою руку шершавыми старческими ладонями и, словно отвечая на вопрос, отрицательно качал головой.

Окна первого этажа в этом дворе были прикрыты металлическими ставнями. Железо много раз красили, защищая от сырости, и наслоения краски сделали его похожим на кору старого дерева. Какие только кисти не гуляли по этим ставням, какими цветами не пытались перебить первый желтый слой сменяющие друг друга хозяева! Он сохранился до сих пор, успешно пережив непогоды и ненастья нашего столетия.

Уже вместе, но молча мы продолжали свой путь к синагоге.

Прошли осенние праздники, Пурим, Пейсах. За ними Швуэс, Девятое ава, месяц элул. И снова Йом-Кипур, Пурим, Пейсах. Только через несколько лет я отважился нарушить молчание, почти превратившееся в традицию.

– Риббойнэ шэл ойлэм – воскликнул я при встрече, неловко копируя идишский акцент. – И какое сокровище потерял реб «ид» в этом дворе?

– Ах, ингелэ*, ингелэ, если бы ты только знал, – вздохнул реб Берл.

Он замолк и, словно оценивая, смерил меня взглядом. Я стоял, продолжая глупо улыбаться, и вдруг почувствовал, как незнакомая реальность начинает вторгаться в мою жизнь. Еще ничего не успело

произойти; рассказ, так много изменивший во мне, еще скрывался в сознании реб Берла, а сердце уже застучало, заторопилось, сокращая пространство между мной и чудом.

– По этой улице, – заговорил реб Берл, – немцы гнали колонны из гетто на расстрел в Понары. Ворота дворов запирались наглухо, а у дверей подъездов стояли дворники-литовцы. Матери подталкивали детей к дворнику и, протягивая часики или обручальное кольцо, умоляли спасти. Тот соглашался и прятал ребенка за спину. Но не успевала плачущая мать отойти на несколько метров, как дворник вталкивал мальчика или девочку обратно в колонну. Я был одним из таких детей, но мне повезло больше.

Реб Берл подвел меня к высокой двустворчатой двери подъезда.

– Я притаился здесь, за спиной у дворника, и вдруг увидел, как медленно открывается правая половина двери. В глубине парадного, так, что невозможно было увидеть с улицы, стоял старик и манил меня пальцем. Он был одет словно хасид в субботу. Штраймл* из лисьих хвостов, черный блестящий кафтан с гартлом**, белые чулки до колен.

Расхаживать в таком наряде за пределами гетто было сущим безумием.

Дворник изумленно уставился на старика, и я, воспользовавшись замешательством, скользнул в парадное. Старик притворил дверь, взял меня за руку, и мы побежали вверх по лестнице.

Я помню, что, несмотря на декабрьский мороз, рука его была сухой и горячей. Двигался он удивительно легко, и, когда мы оказались перед чердачной дверью, его дыхание осталось ровным.

– Дверь не заперта, – сказал старик. – Вылезай на крышу, через два дома увидишь глухую стену, а в ней железные скобы. Спускайся по ним и беги в гетто. Там тебя спасут.

Он еще на секунду задержал мою руку.

– Только не забудь: два раза в день говори «Шма, Исроэл». Утром и вечером, ложась и вставая, два раза в день. Смотри не забудь.

Реб Берл приоткрыл дверь парадного и осторожно заглянул внутрь. В парадном было темно, пусто и пахло котами.

– А куда девался старик? – спросил я, притрагиваясь к бронзовой ручке двери. – И почему дворник не погнался за вами?

– Он просто ничего не понял, – прошептал реб Берл. – Да и разве в силах человеческих угнаться за пророком Элияу!

Он еще раз смерил меня оценивающим взглядом.

– Сорок лет я прихожу сюда почти каждый день и сорок лет жду, когда он снова придет. Никто не знает об этом, даже мой сын.

Реб Берл горестно взмахнул рукой. Его сын, Хаим, женился на литовке, а дочка Хая вышла замуж за русского.

– Почему он выбрал меня? – продолжил реб Берл. – Почему из всех детей виленского гетто он выбрал именно меня? Так ли я прожил подаренную жизнь, оправдал ли выбор? Сорок лет я прихожу на эту улицу, стою возле этой двери и жду – вдруг он снова придет. Но он не приходит, ингелэ, ты понимаешь, он больше совсем не приходит!

Через проходной двор мы попадаем к синагоге, и ее стены, покрытые омертвевшей, коричнево-грязной краской, напрочь отделяют нас от городского шума. Здесь, внутри, по-прежнему живет Вильна, говорит, плачет и молится устами последних стариков. Они уже собрались, столпились вокруг «бимы», возвышения в центре зала, и, как всегда, что-то возбужденно обсуждают. Промежутков между словами, увы, нет – в финальную паузу, которую рассказчик, совсем, казалось, заинтриговавший слушателей, оставляет перед развязкой, немедленно вклинивается сосед. Через какое-то время беседа начинает напоминать разговор сумасшедших: все говорят одновременно. Каждый пытается досказать конец истории, которую не успел завершить, и разобраться в этом шквале способно только любящее сердце.

В синагоге все хорошо знали друг друга, и я с порога заметил его, сидящего на лавке возле печи. Незнакомец был неряшливо и грязно одет, рыжая щетина покрывала подбородок, щеки и шею вплоть до кадыка. Не составляло труда угадать, что он будет просить денег.

Синагога располагалась на улице, ведущей к вокзалу, и в нее частенько забредали нищие и пьяницы. Старики привычно выуживали пятаки, выслушивали очередной трагический рассказ и выпроваживали гостя. Иногда реб Берл, оценив по достоинству актерское дарование пришельца, обращался к старикам на идише:

– Давайте больше, – говорил он, продолжая приветливо улыбаться, – иначе этот разбойник взломает копилку с пожертвованиями.

Нынешний гость не внушал опасений. Я подошел поближе и прижался спиной к кафельному боку печи. Уже несколько дней у меня ныла правая почка: видимо, выходил песок или двигался камень. Таблетки почти не помогали, и, прижимаясь спиной к горячим плиткам, я искал облегчения от боли.

Незнакомец начал рассказывать свою историю. Он из Душанбе, сидел за махинации с «левым» текстилем, освободился, едет домой, в поезде украли кошелек. Просит помочь: общий вагон до Душанбе стоит шестнадцать рублей. Старики, как обычно, собрали деньги. Незнакомец пересчитал горстку медяков и обескуражено произнес:

– Я не пьяница. Если вы не верите мне, пусть кто-нибудь пойдет на вокзал и купит билет. Я тоже еврей, помогите.

Старики покивали головами, отводя глаза в сторону, и просьба, повиснув в воздухе, тихонько растворилась между печкой и бимой. Реб Берл облачился в талес, и принялся перелистывать молитвенник в поисках нужной страницы. Незнакомец ощутил себя лишним. Он поднялся со скамейки, еще раз обвел глазами присутствующих и, не встретив сочувствия, медленно вышел из комнаты.

Прошло несколько секунд, и вдруг странная мысль остановила меня у привычного входа в состояние молитвы: а вдруг это он? Ведь мы – единственный мишнян в Вильне. Да что там в Вильне, во всей Литве... Тени праведников качаются за нашими спинами, все бывшее величие литовского Иерусалима сосредоточилось в стенах его последней синагоги. Говорят, будто в такие часы пророк Элияу приходит для помощи и проверки. А как можно проверить, в чем по-настоящему испытать, если не в милосердии?

Я выскочил из комнаты и побежал за незнакомцем. Он уже спускался по лестнице. Я остановил его и пересыпал в подставленную ладонь все содержимое кошелька. Незнакомец спрятал деньги в карман и негромко произнес:

– Спасибо.

Он спустился на следующую ступеньку и перед тем, как навсегда исчезнуть из моей жизни, добавил:

– Правая рука Б-га – это милосердие. Будь здоров.

Несколько минут я стоял, ошеломленный его взглядом. Такого сострадания, такой любви мне никогда не доводилось видеть. Слово на секунду приоткрылась завеса и отблеск другой реальности скользнул по моему лицу.

Через несколько дней я получил долгожданное разрешение и навсегда уехал из Литвы. Накануне отъезда старики устроили прощальный «лехаим», а реб Берл подарил на память свой талес.

– Надевай его почаще там, на Святой земле, – сказал он, передавая мне потертый вельветовый мешочек.

О незнакомце я решил с реб Берлом не говорить. Кто знает, сколько раз посещал его пророк Элияу, проверял и уходил, сжимая в руке горстку медных монет? Наверное, каждый должен сам пробиваться через толщу, отделяющую его от истины, искать в ней лишь для него предназначенную нишу.

Боли в правой почке у меня больше не повторялись. Что послужило тому причиной: благословение пророка или перемена климата – кто знает? Вот если б вновь повстречаться... Я никому не рассказываю про свои поиски. В Тель-Авиве и без такого легко прослыть сумасшедшим. Потоки безумия и блуда захлестывают этот город, символ вселенского заговора сионистов. Глупцы! Спросите меня, хотят ли евреи мирового господства? Фалафель и пиво – вот к чему свелась вековая скорбь! Я проведу вас по улицам, напоенным ленью Леванта, я покажу вам заплывшие жиром бока дочери Сиона. С кошачьим бесстыдством покоряется она воле необрезанных чужаков, бесплодные груди ее, измятые руками неверных любовников. Не господства взыскует она, а милосердия. Приди, пророк, возьми за руку и укажи путь к спасению!

Только однажды, столкнувшись на улице со старым знакомым, я ввязался в довольно скользкий разговор.

– И что потерял здесь реб «ид»? – спросил Йозель, увлекая меня в тень, подальше от лучей жаркого январского солнца.

Я ответил ему, как настоящий еврей, вопросом на вопрос.

– А если я увидел пророка Элияу и пытаюсь его догнать?

Йозель хмыкнул и принялся наматывать на указательный палец кисточку ципес.

– Видишь ли, – сказал он, – проявление в материальном мире духовной субстанции, условно обозначаемой Элияу, – это все, что осталось у нас от пророчества.

Кисточка намоталась до конца, Йозель чуть потянул ее, словно испытывая на прочность, и принялся раскручивать обратно.

– Подобного контакта со Всевышним удостоиваются лишь самые большие праведники.

Он аккуратно заправил за уши небольшие «литовские» пейсы и добавил:

– В подавляющем большинстве случаев люди видят вокруг себя то, что хотят увидеть.

Крупные капли дождя застучали по черной шляпе Йозеля. Солнечный жар ослабел, но ни одна туча не заслоняла глубокого неба над Тель-Авивом. Капли превратились в струи, струи собрались в потоки. Вместе с полудюжиной бродячих котов нам пришлось укрыться под козырьком ближайшего магазинчика.

Прижавшись спиной к горячему стеклу витрины, я наблюдал, как беспричинно и щедро изливает Господь Вседержитель свое милосердие на забывший Его город.

*** Ĩ äëÿ:èé (èäèø).**

*** Ĩ äñäÿ øäí èà ó ääñèäñä (èäèø).**

**** Ĩ ĩÿñ (èäèø).**

выставляла воду и хлеб. Если явится вдруг Мессия и, теряя дыхание, взберется на горку, – пускай перво-наперво утолит жажду, отдохнет, поест...

Потом женщина умерла. И другой такой не нашлось. Только улочка получила имя: Симтат а-Мошиах – Подъем Мессии. Куда и желает переместиться бывшая наша родственница. Чтоб заменить ту старушку.

Квартирует, однако, не в Верхней Галилее, а в российской столице, на Нижней Масловке. И копирует в бесчисленных вариантах человека-льва из Синагоги Ари. Лев на иврите «арье», и мастер из Цфата нарисовал Мессию в львином обличье...

Там же, на львиной улице, расположен Центр еврейской мистики «Ascent». Слово в английском весьма многозначное: подъем, восхождение, крутизна, продвижение с повышением, прямой ряд ступеней, обращение к прошлому...

Организация создана в 1983 году и работает под эгидой двух министерств – образования и туризма. Человек (на ее плакате) по вертикальной лестнице – со ступеньки на ступеньку – лезет под облака...

Израильский вечер без сумерек. Ночь. Едем в Мицпе а-ямим, к доктору Ярославскому. Нас ждут еще Тверия, Хайфа, Мертвое море, Иерусалим и Вопросительный Знак.

יְהוָה אֱלֹהֵינוּ

моя мама, – ног не имеют. И вот начальник АХО (административно-хозяйственного отдела) нанимал студентов, и канцелярская утварь разносилась по местам... А платили им твердой валютой – водкой и табаком.

В Москве, до войны, на младших курсах, Фигантер подрабатывал в метро – таскал по ночам катушку с кабелем.

Гляньте на картину Перова «Тройка». Где ребятишки-подмастерья на себе воду везут. Ну, не совсем на себе – на салазках... Однако везут.

А тут вместо бочки – здоровенная колесница с толстыми шинами из цветного металла. И при соответствующем освещении они дали бы блеск, тяжелый и тусклый, как волосы женщины. И отразились бы в воде под ногами, как луна в речке.

Но света там не было. И воздуха тоже.

И маленький рыжий мальчик хватал его ртом, как на картине Перова. И медленно раскатывались за ним медно-свинцовые жгуты, которые висят теперь на туннельных боках, когда мы проносимся мимо по станциям второй очереди.

Его, наверное, растила бабушка, какая-нибудь древняя еврейская старуха, которая в слове «воспитание» опускала начальные буквы. «Все дело в питании», думала бабка. А родители были партийные работники. Дядька – секретарь обкома, член ЦК...

И с такой родословной отвергли его в МГУ на ядерной физике? Раскручивал кабель и грузил столы?.. Да иди ты! Вон соседка моя – Ирка Бубликова. Папаша ее – всё про всё – шофер. Два месяца кого-то возил. И то она в ИВЯ заскочила, в Институт восточных языков, на суахили вякает.

А Фигантер работал в Магнитогорске. Пом. мастера. Ремонтно-механический цех. Ремонт и механикой занимаются – РМЦ. И ни в Ре, простите, ни в Це наш Фигантер...

Пошел к начальнику. Так, мол, и так. Кончали ускоренно, практики никакой. Ни в Ре, ни в Це. Переведите слесарем.

Начальник посмотрел на него долгим взглядом.

– Ах ты, – говорит, – сука рыжая! – Многоточие. – Знаешь ведь, на фронт тебя по твоей биографии не пошлют. А только есть у нас места и для таких, как ты. Туда тебя! – многоточие. – Сюда тебя! – многоточие. – С инженерным дипломом слесарем работать? В военное время знания укрывать!

Начальник цеха прогнал Фигантера и порвал его заявление. Как вы догадались по обилию многоточий, это был добрый человек.

И в течение полугода работал Фигантер две смены подряд. Первую – пом. мастера, вторую – под. слесаря. Подручным он был. У слесаря.

Рисуйте в уме благостную картинку, как носятся инструменты за стариканом. «Ключ на двенадцать давай!» – изображают это в кино... А я вам скажу: очень бы ему пригодились та вокзальная водка и тот табак.

А был у него приятель – Прах Прахович Прахов, прах побери! Такой вполне местечковый увалень – напарник по разматыванию катушек и переноске тяжестей. И тоже, конечно, в ремонте ни бум-бум. Ни в Ре, ни в Це. Но – понимает механику. И куда Фигантер слесарное дело постигает, Прах в конторе сидит.

Сидит, сидит и сидит. И до конторки досиживает.

– Ты ему не завидуй, – говорит доброе Многоточие, – прах с ним! Тебя, по твоей биографии, в контору, конечно, не возьмут. Зато и жизнь будет спокойная.

– Я не завидую.

– В контору тебя не возьмут, – долбит Многоточие, – а слесарем всегда будешь...

Как молодые специалисты жили они в бараке. Но тут, по случаю кабинета, предоставили Праху самостоятельное жилье. Одна юная докторица, со второго (женского) этажа, спирту им припасла. Но сама, между прочим, на празднике не появилась.

Вот выпивают Фигантер с Прахом, беседуют:

– Я тебе не завидую! – кричит рыжий Фигантер, краснея всеми веснушками. – У тебя же профессии нет! всю жизнь за кресло держаться!

Чокается Прах с Фигантером, хохочет:

– Ой, – говорит, – держаться! Еще как, – говорит, – держаться! Хватит, – говорит, – другим в мягких креслах сидеть. Дайте и нам немножечко.

Веснушки у Фигантера запылали, налились, как болячки, и пошли гулять по лицу в «броуновом движении».

– Да ведь другие, – кричит, – по заслугам сидели! – А из веснушек прямо каша сделалась. Кипят веснушки, булькают пузырьками. – А ты ночей спать не будешь, как бы не скинули...

Закусил Прах. Спирт в себя принимает.

– Эх ты, – говорит, – Ичик! (Так Фигантера звали.) Да кто меня скинет? Из Москвы, – говорит, – дела наши проверить никак невозможно. А мыслимо – только бумаги... А уж бумаги, – говорит, – я напишу! Бумаги, – говорит, – предоставлю!

Тут спирт кончился. Прахов под стол спикировал.

– Давайте, – Фигантер говорит, – круг почета сделаем...

Взвалили Прахова на плечи да по бараку и понесли.

Песенка «Ицик женится» очень бы им пригодилась. Но никто ее не слышал, включая Фигантера. Он эту песенку от дочки перенял. Лет, округлим, через двадцать пять. Когда «семь сорок» плясали. «Одесская полька» называется...

– Стой! – Фигантер командует.

Остановились. В дверь № 5 тихохонько постучались...

– Вот, Фаина Зиновьевна, – нежно Фигантер пропел, – Прах Прахович нас покидают...

– Ах! – за спиной ее мама вскинулась. – Страх-то какой! Что водка с людьми делает, Фаня!

И на другой день, не опасаясь соперников, Фигантер сделал Фаине Зиновьевне предложение.

– А знаете ли вы, Ицик, – спросила она потупившись, – где находится мой папа?

– А знаете ли вы, Фаня, – спросил он, отводя взгляд, – где находится мой папа, и где моя мама, и мой дядя, и моя тетя, и мой двоюродный брат?

Тихо женщина стучится

В дверь соседскую чуть свет:

– Правда ль, что

решил жениться

Сын мой младшенький,

сын мой Ицик?

– Правда! – говорит сосед.

Мать не верит, мать стучится

И к другим соседям в дверь:

– Правда ль,

что решил жениться

Мой сынок, послушный Ицик?

– Правда, ты уж нам поверь!

Мать стучится, хоть боится,

К ребе старому в окно:

– Правда ль,

что решил жениться

Мой сынок, мой милый Ицик?

– Да женился он давно!

Добрый начальник Многоточие рекомендовал Фигантера в члены ВКП(б), как называлась тогда коммунистическая партия. Они держали в своих скобках «б» – неприличную букву – в память того дня, когда на каком-то съезде по какому-то вопросу одержали победу над противником. Большинством в один голос.

Большевики, значит. А те – меньшевики.

Как ликовало бы большинство народа, если бы вдруг доказали, что земля плоская. А никакой не шар!

Подумать только, какие-то шарлатаны морочат нам голову. Да за кого нас принимают? Надобно ослепнуть и оглохнуть, и встать на затылок, потому что их искривленным мозгам все представляется наоборот.

Меньшевики говорили:

– В России не может быть никакого социализма. Тут нужна школа политической борьбы – двести лет парламента. Чтоб научиться демократии и терпимости.

– А вот мы возьмем власть и научим народ демократии и терпимости. И гораздо быстрее, чем в двести лет.

На тридцатом году своей власти, на бюро райкома, большевики спросили Фигантера, почему не отрекся от родителей.

– Мне было шестнадцать лет, – сказал Фигантер растерянно, – я учился в школе...

– И что же?

– Остался один... Бабушка умерла... и в школе собрали собрание... Я должен был выступить.

– Но вы отказались.

– Нет, почему? Я сказал, что прошла неделя, как арестовали отца и маму. Еще идет следствие.

Понимаете? Ведь если человека арестовали – это еще не значит, что обязательно виноват. Надо обождать, что решит суд.

– И что решил суд?

– Отца расстреляли, – сказал Фигантер, – маму выслали... Но я уже не учился в школе.

– Где она сейчас? – спросили его.

– На поселении. Врач.

– Переписывается?

– Да.

– Помогаете материально?

– Да.

– Скажите, Фигантер, а если бы вам представилась возможность поехать к матери, вы бы поехали?

– Да.

– Но ведь она осуждена как «враг народа».

– Она была осуждена как «враг народа», – сказал Фигантер, напирая на прошедшее время. – И отбыла срок... По всем законам моя мама искупила свою вину.

И его не приняли в партию большевиков. Потому что не созрел. Зеленым оказался Ицик Фигантер.

Зато приняли, – нет, не Прахова П.П. (прах с ним!), – приняли специальное постановление, что первичные организации рекомендуют людей, не достигших должного идейного уровня. И втиснули Фигантера в скобочки. Для примера.

И кто втискивал, и вопросы задавал, и постановления подписывал – он и сейчас работает в каких-то там структурах...

*Á èðàþ, èóàà èð àíááçèè
áððòíí,
Ááá í è ñæà áíèèçè, í á òí ÷ òí
áðíáà,
Í á ñæáðà, ò á è áþ çàí áððòíí, -
Áññá ò àí áúèí: áèíáà è
òíèíáà
Í í íáí ðàí áí íí áñ'íí èí áèà
ì á òü
× óü ðá: ù çàèáàò í ðí áñ í ðí
òí, ÷ òí í èí óèí,
Èáè í á ðí ò á èí ñí ò àí á è
òí è ðá òü
Óæ áí èüí í áúèí è èááá è ù á
í àí è èí á*

Áèáèñáí áð Óáððáí áíèèè

1975

Í ðèí á: áí è á

«Èöèè æ áí è òíñ» - ááðáèñáý í áðíáí áý í áñí ý.

Í áðíáè ñ è è è ò à Í á òí Áðíáí áá

Рабу ли царствовать...

İ adēvā Eai ai

İ eii -ai ēā İ ā-āet ā ' 5-8

Глава двадцать первая

Раббан Гамлиел

Слушая рассказ Элиезера, Итамар изумлялся все больше и больше.

– Собственно говоря, – сказал вдруг старик, – все наши беды косвенным образом происходят от твоего отца. От необъяснимого завещания, по которому он оставил свое достоинство этому негодяю. Конечно, Эльяким не надеялся, что ты когда-нибудь вернешься домой, и тем не менее...

– Прошу тебя, Элиезер, – прервал собеседника Итамар, – не говори, пожалуйста, дурно о моем покойном отце, да будет ему земля пухом! Все, что он сделал, он, вне всякого сомнения, сделал по зрелом размышлении. Ты же сам говорил, что у них с раббаном Гамлиелом был продолжительный разговор. Уж наверное отец посоветовался о своих делах с величайшим мудрецом Израиля! Я знаю, как надо поступить. Я прямо отсюда отправлюсь к нему. Думаю, у него есть что сказать сыну Эльякима. А теперь ответь, пожалуйста, где Тирца?

– Ушла навещать больную подругу. Ты и вообразить не можешь, как все это ее сломило... Когда до нас дошло известие, что корабль твой утонул и ты погиб...

– Откуда эта ложь?

– От Орева.

– Опять Орев! – вскипел Итамар. Его трясло от гнева и возмущения. Он едва удерживался, чтобы не выкрикнуть просившиеся на язык ругательства.

– погоди, Итамар, не торопись, – попросил Элиезер. – Успокойся. Ты еще не рассказал мне, как тебе удалось выжить и оказаться на свободе.

Итамар поведал ему свою историю. Отец Тирцы слушал, затаив дыхание, а когда юноша умолк, торжественно произнес:

– Верно сказал царь Шломо: «Отпускай свой хлеб плыть по водам, ибо по прошествии многих дней вновь найдешь его». Если бы тогда, в Яффо, ты не спас этого римлянина от смерти, не видать бы тебе ни воли, ни Иерусалима.

– Да, я тоже процитировал Ореву слова царя Шломо насчет хлеба, когда он убеждал меня бросить римского офицера, почти бездыханного, на произвол судьбы..

– Хорошо, – сказал Элиезер. – Теперь следует решить, как нам действовать дальше. Орев ни за что на свете не пожелает отказаться от невесты, а у меня нет денег, чтобы вернуть ему долг.

– Прежде всего нужно повидать раббана Гамлиела, – проговорил Итамар. – Возможно, встреча с ним что-то изменит. А вообще-то особенно беспокоиться не о чем. У меня в Риме есть богатые друзья, да и нынешний наместник Иудеи, Понтий Пилат, ко мне благоволит. С Б-жьей помощью отыщем способ уберечь тебя от позора, а твою дочь – от этого презренного и подлого раба. Я думаю...

– Итамар, дорогой мой! – перебил гостя Элиезер. – Солнце склоняется к закату, скоро вечер. В этот час Орев обычно посещает наш дом. Лучше тебе пока с ним не встречаться.

– Ты прав, – согласился Итамар. – Сегодня не стоит. Я пойду, а завтра вернусь и увижусь наконец с Тирцей. Смотри же, не проговорись Ореву о моем возвращении, иначе эта хитрая, злобная лиса обязательно придумает что-нибудь такое, что еще больше осложнит нам жизнь.

– Не проговорюсь, – пообещал старик. – Ступай с миром, и да будет Г-сподь к тебе милостив!

С этим напутствием Итамар зашагал к дому раббана Гамлиела, но там узнал от привратника, что глава Израиля отправился к римскому наместнику и вряд ли скоро вернется. Он решил переночевать в той же таверне, где остановился утром. Велел принести ужин к себе в комнату, но от волнения ничего не мог есть. Помолится маарив, лег, закрыл глаза, однако уснуть тоже не смог. В голове роем кружились мысли. Отчего отец, который так его любил, сделал единственным наследником Орева? Отчего не поручил заниматься своей собственностью суду мудрецов, – с тем, чтобы суд стал ее опекуном и сберег на случай возвращения сына? Ведь надежда всегда умирает последней... А если возвращение Итамара казалось отцу и вовсе несбыточным, то отчего не отдал он все свои деньги на благотворительные цели? Странно получается: столько лет, несмотря на просьбы Орева, отец отказывался его освободить, а тут вдруг оставляет ему все, чем владеет. И тем самым дает возможность стать свободным... А может, завещание подделано? Может, Орев добился его хитростью? Или силой? Однако если так, то опять же почему суд не опротестовал документ?..

Восточный край неба уже слегка посветлел, когда Итамар наконец забылся тревожным сном. Во сне ему привиделся отец; он стоял перед ним и смотрел с любовью, и наставлял его:

– Иди, сын мой, к раббану Гамлиелу, только он разрешит все твои сомнения.

Итамар проснулся, когда солнце высоко стояло в небе. Вскочив, он торопливо умылся, схватил свои талес и тфилин и поспешил в синагогу при доме раббана Гамлиела. Он уже пропустил утреннюю молитву, но все равно хотел помолиться там, где это делают члены общины.

Кончив молиться, Итамар не без робости подошел к раббану Гамлиелу, сидевшему поодаль. Тот радушно приветствовал его:

– Мир тебе, Итамар, сын Эльякима!

– Мир и тебе, глава Израиля! Но разве почтенный наставник знаком со мной?

– Понтий Пилат известил меня вчера о твоём приезде. Благословен Освобождающий узников.

Пойдем ко мне в комнату, я должен сообщить тебе нечто важное.

Āēāāi āāāōōàoū āòîðäy Ñāēāāi ēā ñ Īðāāi

Примерно час спустя Итамар покинул жилище раббана Гамлиела; лицо его сияло. Раббан Гамлиел усадил гостя завтракать с собой и кое о чем ему поведал. Это и привело юношу в радостное настроение. Теперь он направлял стопы к отчему дому. Навстречу ему неспешно шел какой-то молодой человек. Приблизился, взгляделся и громко воскликнул:

– Благословен Возвращающий к жизни мертвых! Здравствуй, дорогой мой друг Итамар!

Итамар узнал этот голос. Он бросился к Эльазару с распростертыми объятиями:

– Товарищ мой незабвенный! Благословен оставивший тебя в живых! Как твой отец? Как наши друзья?

– Отец мой ушел путем всего живого. Ныне, я уверен, у престола Всевышнего он вместе с другими праведниками просит милости для всех нас. В час его похорон на кладбище явился некий старец, убеленный сединами и светлый ликом. Люди считают – это был сам пророк Иехезкел, который пришел воздать отцу последние почести за спасение своей книги. Все наши друзья здоровы и благополучны. Ох, Итамар, сколько горя ты нам принес! Как мы страдали из-за тебя! Если бы тогда, в пещере, ты рассказал нам, что открылся этому презренному рабу и он знал о наших планах, все могло повернуться по-другому...

– Как? – вскричал Итамар. – Тебе это известно? Откуда? Говори же!

– О, я давно раскусил вашего Орева! – невесело усмехнулся Эльазар. – Да и раббан Гамлиел видел его насквозь, оттого и уговорил твоего отца составить такое необычное завещание.

– И об этом ты знаешь?

– Честно говоря, не так уж и трудно было догадаться, где зарыта собака. Поверь мне. Весь город был в недоумении по поводу странного завещания реб Эльякима. Я слышал, как роптали люди, но никому не сказал ни слова. Держал свою догадку при себе. Зачем, согласишься, было мне вступать в это дело, коль скоро молчал сам раббан Гамлиел?.. Куда ты теперь?

– Хочу потребовать ответа у этого мерзавца, – нахмурился Итамар.

– В таком случае позволь мне, пожалуйста, сопровождать тебя, – заволновался Эльазар. – Если ты не против, Барак тоже к нам присоединится. Ты ведь помнишь Барака?

– Неужели тебе страшно за меня? – с улыбкой спросил Итамар. – Это же нелепо. Верные слуги отца не позволят и волосу упасть с моей головы.

Эльазар удивился:

– Разве тебе не сказали, что Орев удалил из дома еврейских слуг Эльякима, всех до единого, и продал его рабов? Нынче он окружен только новыми людьми.

Тут уже пришла очередь удивляться Итамару:

– Да как же люди не протестовали, видя такое безобразие?

– Напротив, – возразил Эльазар. – Все видели в этом не безобразие, а мудрый шаг. Орев превратился из раба в господина, стало быть, он должен был требовать соответствующего к себе отношения. Чего трудно было ожидать от слуг и рабов Эльякима – прежних его товарищей. Так или иначе – ясно одно. Если Орев замыслил против тебя худое, во всем доме не найдется человека, который встал бы на твою защиту.

Взяв Итамара за руку, Эльазар повел его к дому Барака. Тот жил на соседней улице, совсем неподалеку от места встречи друзей.

– Ты только погляди, кто со мной! – крикнул Эльазар хозяину, едва открыв дверь.

Несколько секунд Барак недоменно смотрел на Итамара, потом протянул ему руку.

– Мир тебе, дорогой гость! Верно, ты достойный человек, раз Эльазар привел тебя в мое жилище. Хоть и не припомню я, чтоб мы когда-нибудь виделись...

– Ты что, не узнаешь его? Это же Итамар, сын Эльякима! – рассмеялся Эльазар.

Всплеснув руками, Барак издал радостный вопль:

– Благословен Возвращающий к жизни мертвых! Итамар, дорогой! Ты ведь и вправду будто из гроба восстал! Ах, друзья мои, как я рад! Садитесь же и расскажите скорей, каким чудом удалось Итамару спастись от гибели и приехать на родину.

– Сейчас для этого у нас троих нет ни минуты, – сказал Эльазар. – Позже ты узнаешь все подробности. А теперь надо идти: первым делом мы должны помочь Итамару вернуть то, что принадлежит ему по праву.

– Ах, бедняга! – огорченно вздохнул Барак. – Ты же целиком лишился наследства! Как мне жаль, что отец твой столь несправедливо распорядился своим богатством!

– Прошу тебя, Барак, – Итамар предостерегающе поднял руку, – не суди поспешно деяния моего отца. Великая мудрость...

– Не будем терять время на споры, друзья, – прервал его Эльзар. – Поспешим, чтобы встретиться с Оревом прежде чем слух о возвращении Итамара распространится по городу. Услышав об этом, Орев непременно придумает, что можно предпринять, дабы воспрепятствовать нашим планам.

– Абсолютно не понимаю, о каких планах может идти речь, – пожал плечами Барак. – Когда все уже свершилось и отцовское наследство потеряно. Причем, на законных основаниях.

– Запасись терпением, Барак, – улыбнулся другу Эльзар. – Еще немного, и ты все поймешь, все узнаешь. А теперь сделай одолжение – пойдем вместе с нами в дом Эльякима. Когда Орев увидит, что Итамар пришел не один, а в сопровождении друзей, он не отважится прибегнуть к насилию.

Барак с готовностью откликнулся на эту просьбу, и трое молодых людей вышли на улицу. Ступив на родной порог, Итамар испытал такое неопишное волнение, что едва не разрыдался.

– Крепись, будь мужчиной! – строго одернул его Эльзар. – Настал час не горевать, а сражаться!

В дверях появился слуга и вежливо осведомился о цели их визита.

– Просто скажи своему господину, что его желают видеть Эльзар бен Ханания и двое его друзей.

Отвесив гостям легкий поклон, привратник отправился звать хозяина. Еще минута – и Орев вышел в прихожую.

– Какая великая честь для меня! – затараторил он, едва глянув на посетителей. – Сам уважаемый, сам благороднейший Эльзар почтил меня своим визитом! Да будет благословен приход твой! И вас я приветствую сердечно, господа! Вы же друзья Эльзара! С тобой, уважаемый Барак, я знаком давно, но кто сей муж, облаченный в римское платье? Несмотря на чуждые одежды я сказал бы, глядя на его тонкие черты, что по рождению он – сын Иудеи.

– А ну-ка, Орев, – холодно проговорил Итамар, – рассмотри меня получше!

При первых же звуках его голоса бывший раб застыл: ноги подкосились, лицо побелело, точно полотно.

– Итамар! – пробормотал он в ужасе. Но быстро овладел собой, выпрямился и, улыбаясь во весь рот, протянул юноше руку:

– Какой приятный сюрприз! С возвращением!

Итамар, в свою очередь, тоже старавшийся держаться спокойно, несмотря на великое омерзение, не оттолкнул руку подлого предателя.

– Сегодня лучший день моей жизни! – уже во всю разливался Орев, из последних сил стараясь выглядеть обрадованным. Даже счастливым. – Наш любезный Итамар наконец-то вернулся в свой город живым и невредимым. «Этот день сотворил Г-сподь, будем же радоваться и ликовать!» Я немедленно прикажу устроить знатный пир в честь сына моего господина. Какое счастье, что он здесь, среди нас! И вас прошу, уважаемые господа, присоединиться к нашему застолью. Эй, Фразиус! Беги скорее, позови достойного главу раббана Гамлиела и всех остальных мудрецов Израиля. Постучись к сыну главы, рабби Шимону! А еще не забудь про рабби Йоханана бен Закая и про моего будущего тестя Элиезера бен Звулуна из дома Азарии. Ты же, Анзикес, начинай накрывать на стол. Устроим достойное торжество, не пожалеем лучших наших запасов! Позвольте, господа, пригласить вас пока в мои покои, и пусть Итамар поведаст нам о тех чудесах, что сотворил с ним Г-сподь после того как мы расстались. Прощу!

Трое друзей последовали за Оревом в комнаты; их усадили за стол. Рабы подали вино и закуску.

– Угощайтесь, пожалуйста, – суетился хозяин. – А чуть позже очень хотелось бы услышать рассказ Итамара, как он сумел вырваться из неволи.

Глава двадцать третья

Раб без личины

– Видишь ли, – заговорил Эльзар, – прежде, чем вкусить от твоих яств...

– Поверь, Эльзар, у тебя нет никаких причин для беспокойства! – прервал его Орев. – Хозяйство ведется точно так же, как во времена моего дорогого господина Эльякима. Вся еда, все напитки приготовлены по тем правилам, что приняты у прущим.

– Раб хавера* – как сам хавер, – иронически улыбнулся Барак.

Орев слегка побледнел, но сделал вид, что не расслышал.

– Да, но ты же купил новых рабов, – возразил Эльзар, – не служивших у реб Эльякима.

– О, они с самого первого дня получили четкие указания; к тому же я, естественно, присматриваю за ними. – Орев приложил руку к сердцу. – Не сомневайтесь, пожалуйста! Все в доме строго подчинено закону. Да и как в противном случае посмел бы я приглашать к себе мудрецов Израиля?

Друзья отведали экзотические фрукты, после чего Итамар приступил к рассказу.

– Повествование мое будет недолгим. Ты ведь, должно быть, помнишь, Орев, римлянина по имени Сиранус, которого мы спасли от смерти на берегу моря в Яффо, когда буря разбила его корабль. Кесарь назначил Сирануса командовать тем самым флотом, что совсем недавно положил конец бесчинствам морских пиратов. По счастливому совпадению я был гребцом на его судне; он узнал меня, взял с собой в Рим и добился моего освобождения. Властительный Луций Илиус Сиранус, почти тезка моего благодетеля, дал мне рекомендательное письмо к наместнику Иудеи. Я вручил его еще вчера. Понтий Пилат милостиво принял меня и выказал явное расположение. Обещал свое покровительство, защиту и помощь во всем, что бы ни потребовалось.

Лицо Орева при этих словах исказилось, точно от боли. Он вздрогнул и опустил голову. Сколько дорогих подарков пришлось ему поднести наместнику, чтобы снискать его благосклонность и заручиться поддержкой – на случай, если Итамар вдруг вернется и начнет требовать назад отцовское наследство... А теперь, выходит, все впустую! С трудом взяв себя в руки и даже попытавшись изобразить улыбку, он спросил:

– А на какой предмет могла бы тебе потребоваться помощь наместника, дорогой Итамар?

– Ну, этого я пока и сам не знаю, – отвечив Итамар. – А теперь Расскажи мне, Орев, о последних днях моего отца и о распоряжениях, которые он оставил относительно своего имущества.

– Твой отец был сокрушен страшным горем, обрушившимся на его голову, – начал Орев. – Ты не представляешь себе... Он прожил всего несколько недель после того, как тебя схватили. Тебе, конечно, уже рассказали, что, не надеясь на твое возвращение, он завещал мне все свое имущество. Завещание было заверено и нашими, и римскими властями. Я покажу тебе копию, заверенную во время пира перед всеми мудрецами Израиля. Ты сам увидишь, что оно составлено в соответствии с Алохой и совершенно законно. Тебе нет никакого смысла его оспаривать.

– Да я и не помышлял об этом, – отозвался Итамар. – Последней воле умершего надлежит следовать в точности. Желания моего отца для меня святы, и я непременно позабочусь об их исполнении.

Глаза Орева сверкнули, он с трудом удержался от ликующего возгласа. Потом проговорил дружелюбно сочувствующим голосом:

– Ты достойный сын своего отца, ты благородный юноша, Итамар. Как жаль, что тебе ничего не досталось... Я был бы счастлив поделиться с тобой своим богатством. Однако не так давно я принял на себя определенные обязательства, и они, к глубокому сожалению, не позволяют мне поступить так, как хотелось бы. Тирца, дочь Элиезера бен Звулуна, пожелала стать моей супругой, и я обещал ее отцу, что она станет также обладательницей всего моего состояния.

– Значит, и тут ты ухитрился занять мое место. – Итамар покачал головой. – Послушай, Орев, откажись от Тирцы, которая давно была обещана мне в жены и любит меня так же сильно, как я ее.

– Сочувствую, Итамар, но и в этом случае я не могу пойти тебе навстречу, – с фальшивым смирением отвечал бывший раб. – Без Тирцы мне жизнь не в жизнь. А если ты и вправду думаешь о ее благе, то должен признать простую истину: то, что я могу ей дать, не идет ни в какое сравнение с тем, чем располагаешь ты.

– Пожалуй, ты прав, – согласился Итамар. – Я ведь всего-навсего нищий, у которого нет ничего, кроме тех денег, что были выданы мне по милости Сирануса. Вернее, тех, что еще остались. К твоим же услугам – огромные богатства, которые мои предки накопили за многие столетия.

– Мне, честное слово, жаль тебя, Итамар! – опечаленно промолвил Орев. – Но посуди сам – не вправе же ты требовать, чтобы ради тебя я поступился счастьем всей моей жизни. Ведь Тирца тоже нищая. Долги ее отца сильно превышают стоимость всего его имущества... Впрочем, может быть, я могу посодействовать тебе каким-нибудь иным способом?

– Ну да, – горько усмехнулся Итамар. – согласишься взять меня управляющим, а, может, и простым слугой в одном из наших имений?

– О Итамар, я думаю, ты говоришь не всерьез, – огорчился бывший раб. – Это будет выглядеть как-то некрасиво, если ты станешь моим слугой. И даже непристойно в глазах общества. Да и для тебя столь униженное положение станет вечным поводом к недовольству и обидам. Тебе стоит подумать о каком-нибудь ином способе зарабатывать на жизнь. Знаешь что? Возьми-ка ты в аренду небольшой участок земли где-нибудь в деревне и обрабатывай его. А в трудный час смело можешь рассчитывать на мою поддержку.

Тут Барак, не выдержав такой безудержной наглости, сжав кулаки, вскочил из-за стола. По лицу его было видно, что гостеприимному хозяину сейчас не поздоровится. Но Эльзар силой усадил товарища на место, прошептав ему на ухо:

– Барак, прошу тебя, держи себя в руках! Имей терпение дождаться, чем все это кончится!

– Не думаю, Орев, – хладнокровно возразил Итамар, – чтоб мне пришлось пойти на такую крайность. Благородный Сиранус, мой друг и покровитель, любезно предложил мне в дар одно из своих имений в Испании. Если уж не найду себе места на родине. В любой день я могу воспользоваться его щедростью, хотя и нелегко мне будет покинуть Святую землю и поселиться за морем. Да к тому же еще приняв подавание от нееврея. Впрочем, в тех краях существует большое еврейское поселение под названием Толадот, так что я не буду оторван от жизни общины.

– Я ужасно рад, Итамар, что есть такая блестящая возможность, – воодушевился Орев. – Тебе следует немедленно согласиться на предложение благородного римлянина.

– Ну, торопиться я не буду, – усмехнулся Итамар. – Поживу пока на родной земле в надежде, что Всевышний отыщет для меня какой-нибудь иной источник существования. Уж очень не хочется зависеть от благоденствия чужих людей.

– Ты по-прежнему тот же пылкий и гордый юноша, какого я знал с детства! – с пафосом воскликнул Орев. – Пусть ты и отверг мое предложение, – в случае нужды в любой момент все равно приходи ко мне за помощью!

– Твоя доброта, Орев, просто поразительна. – У Эльзара на губах заиграла издевательская улыбка. – Я всегда знал, что милосердие – это наследственное качество благородных иудеев, передающееся в Израиле

из поколения в поколение. Но, видит Б-г, никак не предполагал, что оно имеет касательство к потомственным рабам.

Кровь бросилась в лицо Ореву. Глаза сузились и налились яростью. Несколько мгновений он злобно смотрел на насмешника. Он почти дрожал от желания на месте придушить этого человека. Потом усилием воли смирил гнев и ответил почти обычным голосом:

– Я стараюсь идти по стопам своего господина и, насколько это в моих силах, усваивать его похвальные привычки и взгляды. Он всегда был добр к людям, всегда был щедрым благодетелем. Точно таким же стараюсь быть и я, о чем прекрасно известно всему Иерусалиму.

– О да, любезный Орев, – кивнул Эльзар и продолжал так же насмешливо: – Твое имя знакомо беднякам города, это уж точно. Весь Иерусалим поражен тем, как ты обходишься с нуждающимися. А теперь мы и сами воочию убедились, до чего ты любил и ценил своего покойного господина. Убедились, глядя, как принимаешь ты у себя его единственного сына. Вне сомнений, мы еще дождемся того часа, когда ты получишь справедливое воздаяние за свои добрые дела и безграничную щедрость.

**Àèäää äääöäòü ÷ àò ääðäÿ
Àèääü çèî ääÿ**

Пышное торжество происходило в огромном зале. Для приема небывало важных гостей и хозяин, и челядь потрудились на славу. Стол украшали роскошные приборы из золота и серебра, воистину бесценные. Уникальность их объяснялась, впрочем, не только драгоценными металлами, из которых сотворили их мастера, но, не в последнюю очередь, и изяществом формы, отделки, являвшими собой образцы истинного искусства. Особенно радовали взор греческие золотые кубки, создания известных художников, и серебряные сосуды для омовений; филигранная резьба восхищала даже весьма строгих и пристрастных ценителей. Слуги расставили повсюду высокие вазы с цветами изумительной красоты. Тонкий аромат роз и лилий разносился по всему залу. С потолка на цепях свисали огромные светильники, их абажуры из дорогого стекла переливались множеством оттенков.

Во главе пиршественного стола сидели самые видные, самые знатные мудрецы страны: раббан Гамлиел – князь Израиля, сын его рабби Шимон, рабби Йоханан бен Закай, младший ученик старца Гилела, считавшийся уже тогда одним из первых знатоков священных книг, Азария, потомок Эзры, отец рабби Эльазара бен Азарии, рабби Дуси бен Гуркинос, Нохум Иш Гам Зу и другие.

Слуги сновали вокруг с сосудами для омовения и полотенцами. Гости омыли руки, и раббан Гамлиел преломил хлеб, громко произнеся благословение. Все присутствующие откликнулись: «Омен». Затем по кубкам разлили вино отменнейшего сорта и редкого букета; аромат его был даже сильнее запаха цветов в вазах.

Гости слегка утопили голод, насладились первым бокалом вина, и тогда поднялся Орев и заговорил громко и прочувствованно:

– Мир вам, дорогие гости, господа мои, мудрецы Израиля! Благословен будь ваш приход под мой кров! Впервые в жизни я удостоился чести принимать в своем доме славнейших людей в народе Израиля. Я, разумеется, понимаю, что честь эта выпала на мою долю не благодаря мне и скромным моим заслугам, а благодаря дорогому нашему гостю, благородному Итамару бен Эльякиму, который вернулся к нам, когда мы уже и не чаяли видеть его живым. И в этот великий день я хотел бы пред всеми вами исполнить последнюю волю покойного Эльякима, да будет земля ему пухом, последнее его желание, которое записано в завещании – на случай, если сын его все-таки возвратится домой. Вот она у меня в руках, копия этого завещания, подписанная раббаном Гамлиелом, а также – да не стоять им рядом – римскими чиновниками. С позволения главы народа я зачитаю вам этот документ.

*Dääáái Àai èèàè èèáí çè, è Í ðää í ðèñðòíè è è ÷ ðáí èþ.
«À ðàèíè-òí àáí ü è á ðàèíè-òí äí í ðääáái èÿ èáñäÿ Òèááèÿ, ää ñèäàè òñÿ èí ÿ äáí, ÿ,
Í èæáí í áí èñäè èéíÿ, ñ Àæüáè ÿ ÿí ÿ üüþ çääñí, á äí ðíáí Èáðñáè èí á Ñáÿòí äñää, ÷ ðí Í á äñää
Èääðí ñèè, ó èñðí-í èèá Òèèíá, í äññáþ í áñò ÿÿü èí çääñáí èáí áññáí èí óññáñáí Í ðää, ÷ ðí Í á áíáá
Àñ, ÷ ðí ÿ èí áþ, í äññáèè è í áí ó á í í èí í á è çàèí í í á àèääí èá çà èñèèþ-áí èáí äèèñááí í í ðí á
Í áí í á, ÷ ðí á çñü áð ñääá ññí í í è È ð áí äð í í ññáí ó ææááí èþ è áñáí ðð- á ñèó-áá, áñè ääí á ðñÿ ñþää
ÿéÿéèí àáí Òèèèÿ»*

*Çääñí, í ðää æñçáí è í àèè è, í áí èñáí ü ÿ è ñèíáá ðèíè ÿéÿéèí à ááí Òèèèè, è áñèí áí ò ñèè -
ääçññíáí í í àèèí í ü è, í á í í àèææáü è è ññí í áí èþ.
Èññá ááí Òèè í í, ñèääò äññ
Dääái àáí Í áò ðàèè, ñèääò äññ*

*Í ü, ó ðí á ññáè, áññò óí äÿ á èá-áñó áí ññá, í í áò ááñæääái ññáñó ááí í í ðð-í ú á í í áí èñè ñèèääò ææé
Èññóá ááí Òèè í í è Dääái à ááí Í áò ðàèè, ññáèáí í ú á èí è á í æáí í ðèññòñáèè, è ó ááñæääái
í í áí èñáí í á èí è èáè çàèí í í á, í á äí í ðñèþü áí í è í í ðääí è, í è í í ðí áñæáí èÿ.
Àai èèàè ááí Òèè í í, ññáÿÿ
Í í òí Èò Àai Çü ññáÿÿ
Àñè ááí Áðèèí í ññáÿÿ».*

– Это завещание, – продолжал Орев, – было переведено также на латынь и – повторяю – заверено по закону в римских судебных органах. На основании его в мою собственность перешло все имущество реб Эльякима. Но я готов незамедлительно выполнить и то распоряжение покойного моего господина, что касается Итамара, так счастливо и неожиданно вернувшегося в родной Иерусалим. Итамар, дорогой, выбери себе, что душа твоя пожелает. Оглянись по сторонам! Погляди хотя бы на этот кубок! Он сделан из чистого золота, но не в том даже суть: как произведение искусства кубок, что называется, не имеет цены! Другими словами, он один стоит целое состояние. В качестве твоего верного и преданного друга я от души советую выбрать именно его. Но если тебе приглянулось что-то другое – только скажи. И возмешь, что захочешь. Гости мои – свидетели: я ни в чем не стану тебя ограничивать; ты располагаешь полной свободой выбора.

С этими словами Орев сел, а Итамар поднялся.

– Благодарю тебя, Орев, за добрую волю и дельный совет. Но на этом великолепном кубке мне не хотелось бы останавливать свой выбор. Здесь, в зале, многое ценнее его, – на мой, разумеется, взгляд, – и я хотел бы стать обладателем чего-нибудь более полезного и мне лично необходимого. Понимаешь, Орев, ты теперь большой человек. Тебе принадлежат несметные сокровища – те, что нажило мое родовитое семейство. Сегодня ты у нас жених Тирцы, девушки, давно предназначенной мне в жены. Ты важная и почитаемая обществом персона. Мой покойный отец, видимо, был о тебе очень высокого мнения, раз посчитал, что ты достоин унаследовать все его имущество. Элиезер и Тирца, в свою очередь, сочли тебя достойным стать мужем той, в чьих жилах течет кровь царей Израиля. Вот почему у меня нет ни малейших сомнений на тот счет, что самое ценное в доме – это ты! Ты – наиболее существенная часть достояния отца моего. Я выбираю тебя! Ты будешь мне рабом так же, как был рабом моему отцу!

– Ты что, рехнулся?! – завопил Орев не своим голосом, вскочив на ноги.

– Нет, Орев, – произнес раббан Гамлиел, – он в здравом уме. И рассуждает абсолютно разумно. Скажу тебе больше – именно так и было задумано с самого начала. Ты прекрасно знаешь, Орев, что Эльяким не давал тебе документа об освобождении. Знаешь, не правда ли? Вольной у тебя нет. Посему ты и сегодня являешься частью имущества покойного твоего господина. А поскольку Итамар выбрал именно тебя, то отныне ты снова принадлежишь ему и все, что у тебя есть, – тоже, ибо собственность раба есть собственность его владельца.

Лицо Орева потемнело, почти перекошилось от злости.

– Нет! Нет! – кричал он на весь дом. – Мы живем под властью Рима! Наместник – мой покровитель! Он не позволит сотворить надо мной такую подлость. Даже если на взятку уйдет половина всего наследства, это меня не остановит!

– Заблуждаешься, Орев! – спокойно проговорил раббан Гамлиел. – Вчера я посетил наместника; он мне сообщил, что Итамар уже был у него и предъявил рекомендательное письмо самого Луция Илиуса Сирануса, правящего от имени кесаря. Я подробно изложил наместнику дело о наследстве, и он во всем согласился со мной. И не просто согласился на словах, но дал собственноручное письменное тому подтверждение. Теперь уже более нет нужды скрывать, что именно я посоветовал Эльякиму составить завещание таким образом, как он это сделал. Римляне в результате не смогли после его кончины конфисковать наследство в свою пользу под тем предлогом, что теперь это, дескать, имущество человека, которого приговорили к пожизненной каторге. Посему Итамар и имел право, если вернется, унаследовать все состояние отца, как того, разумеется, хотел Эльяким. Смотри, Орев, у меня в руках документ, подписанный наместником. Тебе не стоит ждать помощи от римлян. Не надейся на них. Лучше смиришься с неизбежным. По существу-то ты ничего своего не потерял, ты просто снова стал тем, кем был раньше.

Орев рухнул в кресло, взгляд его выражал крайнее отчаяние.

– Орев! – заговорил Итамар. – Я простил бы тебе холодный прием, который ты мне оказал. Быть может, я даже нашел бы в себе силы простить тебе, что ты принудил мою невесту согласиться на брак с тобой несмотря на все ее к тебе отвращение. Но скажи сам – есть ли у меня право оставить безнаказанным твое низкое и подлое предательство? Ведь это ты три года назад выдал меня римлянам, да еще заплатил им за то, чтоб меня отправили на верную погибель. Заплатил деньгами, украденными у моего отца. Из-за тебя ведь он умер, не пережив горя! Смогу ли я забыть три этих страшных года, когда по твоей милости я был рабом на галерах и мне пришлось нарушать субботу?

– Да будь ты проклят! – завизжал в ярости Орев и бросился вон из зала. Эльзар бен Ханания хотел было его остановить, но Итамар сказал, чтобы раба не трогали.

Орев прибежал в свои покои и упал на кровать. Лютый страх и злоба владели им. И ощущение полной безысходности. Слишком стремительным, слишком внезапным было падение с высоты в глубокую пропасть. На короткий миг в голове его мелькнула мысль – не забрать ли все самое ценное в доме и не бежать ли сломя голову подалеже от Иерусалима? Но он быстро сообразил, что ничего из этого не выйдет. Его тут же схватят.

Гости и друзья Итамара тем временем столпились вокруг него, поздравляя юношу с победой, с возвращением отцовского богатства, с восстановлением в правах. Но Итамар, извинившись, покинул их, подошел к почетному месту, на котором сидел раббан Гамлиел, и, склонившись, поцеловал ему руку.

– Господин и учитель мой, глава Израиля! – начал он, с трудом сдерживая волнение. – Нет на свете слов, какими мог бы я сполна выразить тебе свою признательность, свою величайшую благодарность за все, что ты для меня сделал!

– Да меня не за что особенно и благодарить, – покачал головой раббан Гамлиел. – Поверь, то, что я сделал для тебя, я сделал бы для любого из народа Израилева. Ведь это мой долг. И уж, конечно же, я обязан был помочь тебе ради такого выдающегося представителя нашего народа, как Эльяким. Ради ученика отца моего отца, старого Гилела, да будет вечной его память!

Потом Итамар поискал глазами Элиезера бен Звулуна. Он хотел поздравить его с освобождением Тирцы от низкого и подлого раба, от зависимости, в которой тот цинично держал их обоих. Но Элиезера уже не было. Он торопливо шагнул к своему дому, чтобы сообщить дочери необычайную весть.

Неожиданно в залу ворвался раб. На лице его читалась растерянность, руки тряслись.

– Мой хозяин Орев... – забормотал он.

– Твой товарищ Орев, – сердито прервал его Итамар.

– Мой товарищ, Орев, ... – послушно повторил испуганный раб и умолк, не в силах продолжать.

– И что же с ним случилось? – сухо осведомился Итамар.

– Он повесился!

– Гибель злодея – в радость! – возгласили присутствующие.

Àéàà àààöàòúíyòäy

Эльазар бен Ханания поспешил оставить дом Итамара, и точно так же поступили те гости, что, как и он, были коэнами. Под крышей этого дома находилось теперь мертвое тело, и пребывание коэнов в нем запрещалось. Прочим полагалось пройти обряд очищения водой, смешанной с пеплом рыжей коровы. Только после этого они получали дозволение войти в Храм. Лишь Элиезер бен Звулун, покинувший дом раньше, остался чист.

Элиезер прожил достаточно долго, чтобы успеть порадоваться внукам, которых родила его обожаемая дочь. Он умер по прошествии нескольких лет, умер со спокойной душой, ибо знал, что Тирца вышла замуж за достойного человека, которому к тому же была предназначена издавна.

Казалось, для Израиля наступила пора покоя и благоденствия. С падением Луция Илиуса Сирануса, исполнявшего обязанности кесаря, наместником Сирии был назначен некий Виталиус. Доброжелательно настроенный по отношению к евреям, Виталиус сумел в какой-то мере обуздать разнузданность иудейского наместника. А когда количество жалоб на Понтия Пилата перешло все мыслимые границы, отставил его от должности и вернул в Рим.

Тем временем был убит император Тиберий, и на троне воцарился наследник престола Гай Калигула. Новый властитель назначил царем Иудеи своего приятеля Агриппу. Дело происходило так. Агриппа, внук царя Ирода, рос и воспитывался в Риме и был другом детства Друза; последний имел законное право стать наследником престола. После того как Сиранус при помощи яда убрал Друза с дороги, Агриппа был вынужден бежать из Рима и некоторое время вел скитальческую жизнь, полную опасностей и лишений. После падения Сирануса Агриппа вернулся в Рим и умудрился весьма быстро завязать тесные дружеские связи с Гаем Калигулой, наследником Тиберия. Однажды, потеряв осторожность, он раздраженно воскликнул в присутствии посторонних: «Скорей бы уж умер этот император, чтобы достойный Калигула мог занять его место!» Оплотность обошла ему дорого. Противоправные слова достигли ушей Тиберия, и кесарь заточил Агриппу в тюрьму. Там закованный в цепи он провел шесть долгих месяцев. Взойдя на трон, Калигула поспешил освободить друга из заточения и одарил его золотой цепью. Это была как бы награда за преданность, воздаяние за позор, за муки, которые тот испытал, нося на себе цепи из железа. Кроме того, новый император возложил на голову Агриппы корону царей Иудеи.

Царь Агриппа старался, как мог, заботиться о нуждах своего народа. Однако царем он, в сущности, был только формально; на деле все по-прежнему решалось так, как желал Рим.

Император Калигула, с которым люди некогда связывали большие надежды, полагая, что он станет справедливым и милосердным властителем, надежд не оправдал. И вообще слегка повредился в рассудке: им овладела неудержимая, явно болезненная мания величия. Он счел себя одним из римских богов и возненавидел евреев за то, что те отказывались воздавать ему божественные почести. Калигула издал указ, повелевавший установить в иерусалимском Храме свою статую и заставить жителей поклоняться ей. Петронию, тогдашнему сирийскому наместнику, было приказано обеспечить исполнение воли кесаря с помощью военной силы. Когда известие об этом достигло Иудеи, народ был потрясен до глубины души. Жители Иерусалима решили умереть, но не позволить свершиться гнусному надругательству.

Эльазар бен Ханания созвал товарищей, чтобы обсудить, как им действовать в этих трудных обстоятельствах. Как противопоставить силу силе. Итамара тоже пригласили на их собрание, но он не явился, и тогда Эльазар сам пришел к нему в дом, рассчитывая в разговоре с глазу на глаз склонить давнего друга к участию в восстании.

– Поверь, мне обидно и горько, – сказал Итамар, – но я связан клятвой и не могу воевать против римлян.

– Когда ты давал свою клятву, – запротестовал Эльзар, – речь не шла о том, что Рим замыслил установить в Храме идола. И потом – разве клятва народа нашего на горе Синай не предшествовала твоей? Разве она не связывает тебя?

– Это трудная тема, – вздохнул Итамар. – В чем-то ты, быть может, и прав... Дай мне еще немного времени, я хочу посмотреть, каким образом будут развиваться события. Посмотреть и подумать...

Тут Итамару вспомнилось, как перед самым арестом он раскаивался в том, что позволил увлечь себя незрелым юношеским мечтанием и как решил тогда не совершать больше необдуманных поступков, не участвовать в предприятиях, которые не одобрили мудрецы Израиля.

– А вдруг Агриппа или кто-нибудь еще из влиятельных людей, наших заступников, – спросил он вслух, – сможет уладить дело миром и предотвратит исполнение этого чудовищного указа?

– Если даже один раз это у нас и получится, – ответил Эльзар, – то этот же указ или подобный ему рано или поздно все равно будет издан кесарем. Возможно, его преемником. Сейчас самый подходящий момент, чтобы поднять восстание против нечестивого владычества!

– Но моя клятва! Пойми – я не могу нарушить ее, – с горечью проговорил Итамар.

– Годы рабства сломили твое мужество, ослабили способность мыслить здраво, – произнес Эльзар запальчиво.

– Что ты говоришь? – возмутился Итамар. Он хотел объясниться, снова попытаться убедить друга. Но тот уже повернулся к дверям и сердито зашагал прочь, оставив Итамара с великой тяжестью на сердце.

– Мне этого не вынести! – говорил Итамар жене, которая несколько минут спустя появилась в комнате. – Я кажусь своим товарищам слабым и малодушным. Но дело не в слабости...

– Ты говорил мне, – напомнила Тирца, – что тот римлянин, Сиранус, предложил тебе поместье в Испании. Давай уедем туда насовсем, это избавит тебя от тяжелых душевных страданий...

– Но как могу я бросить свой народ в час испытания? Как покину Святую землю?

* * *

В тот раз, как и надеялся Итамар, опасность миновала. Агриппе удалось уговорить кесаря отменить указ. Он устроил роскошный пир в честь Калигулы и его приближенных; разомлев от вина и яств, император пришел в превосходное расположение духа и сам предложил Агриппе попросить его о какой-нибудь особой царской милости. Агриппа попросил об отмене указа. Казалось бы, все кончилось благополучно. Однако миновало время, и сбылось то, что предрекал Эльзар. От кесаря пришел новый приказ установить в Храме его статую. И уже ни Агриппа, ни другие люди не смогли поколебать Калигулу. Решение его оставалось неизменным. Даже вмешательство Филона Александрийского, знаменитого философа, имевшего изрядное влияние на современников, не принесло результатов. Но Всевышний услышал молитвы народа Своего и сотворил чудо. Кесарь был убит заговорщиками. Царь Агриппа приложил огромные усилия, чтобы новым кесарем избрали Клавдия. И когда усилия эти увенчались успехом и сенат подтвердил избрание Клавдия, тот не забыл преданности Агриппы и оказывал ему всяческую помощь. На землю Израиля вновь снизошли мир и покой. Увы, это, как всегда, продолжалось не вечно. Годы шли, царь Агриппа заболел и умер. Иудея в который раз оказалась отданной во владение корыстным и тщеславным наместникам Рима.

Еще в эпоху царствования Агриппы Итамар согласился на уговоры жены и решил покинуть родину. Грядущее разрушение Храма становилось неизбежным, и каждый, кто обладал знаниями и мудростью, понимал, что пророчество Даниэля вот-вот исполнится. Итамар с семьей переехал в Испанию, распродав предварительно все свое имущество. Так он избежал мучительной участи быть свидетелем тех ужасов и бед, какие выпали на долю еврейского народа в год разрушения Храма. Очень многие не пережили это страшное время, а те, кто остался в живых, завидовали погибшим.

Вдали от родины долго горевал Итамар о гибели красоты и гордости Израиля. Он потратил бо́льшую часть своего состояния на выкуп пленников, сосланных в Испанию злодеем Титом. И не только выкупил их, но сделал все возможное для облегчения их дальнейшей судьбы, для того, чтобы они смогли обрести человеческое пристанище на далеком западе, пока не смилуется вновь Г-сподь над народом Своим и не наступит день прихода избавителя Мошиаха. Да свершится это чудо вскорости!

* * *

«Рассказывают об одном человеке, отправившемся за море, у которого был единственный сын, оставшийся в земле Израиля и занимавшийся изучением Торы. Перед кончиной отписал этот человек все свое достояние рабу своему, а сыну завещал лишь одно – то, что сам захочет он выбрать из всего, в дар рабу отданного. После его смерти раб отвез имущество вместе с дарственной в землю Израиля. Сыну господина своего сказал он так: “Умер отец твой и велел мне взять все его добро – за исключением чего-нибудь одного, что ты себе выберешь”. Что же сделал сын? Пошел к своему учителю и все ему поведал. Ответил учитель: “Отец твой был великим мудрецом, сведущим в законе, понимающим природу людей. Он знал, что если поручить рабу заботу о наследстве, тот его растратит и разворует. Но если передать ему все имущество в дар, тогда он его сбережет. А сын выберет из него лишь одно. И вот теперь, когда пойдешь ты с рабом в суд и представит он завещание твоего отца, скажи пред судом следующие слова: “Заповедал отец мой, чтобы из всего имущества выбрал я себе лишь одно. Так вот, ничего мне не надо, кроме этого самого раба”. И когда отдадут тебе его, вместе с ним обретешь ты все его имущество”.

Так и поступил сын покойного, и передал суд в его владение и раба, и все имущество, ибо раб, у которого есть имущество, – все равно раб, и имущество его принадлежит господину. И сказал царь Шломо:

“Человеку, который хорош в глазах Его, дал мудрость и знание”. Это об отце. “А грешнику, – сказал, – дал желание собирать и стяжать”. Это о рабе. И заключил: “Чтобы досталось тому, кто будет прям пред Г-сподом”. Это про сына. Вот так сохраняет Всевышний богатства: с помощью нечестивцев – для праведных»*.

** Ὁ ἀπὸ τοῦ ὀφθαλμοῦ τοῦ κυρίου ἐστὶν ἡ σοφία καὶ τὸ ἐπιγινώσκον (ἐσθλὸν).*

** Ἰ ἐὰν δὲ οὐκ ἴδω ἑστέ, 8*

Аадиэ аае і ааіа

Ааеаіа і ааа Аіаіаі

ДІ ННЄВ оіі і еа 1903 ааа

«Восход» № 8

Постоянные читатели «Восхода» не забыли, вероятно, нашей прошлогодней полемики с «Новым временем» по поводу «секретного землевладения в Бессарабии. Испуганная призраком нового закона, предполагающего будто бы разрешить евреям покупку мелких земельных участков, стоящая на страже газета подняла крик: еврейские латифундии, мол, губят Россию. Ей поспешили откликнуться бессарабские гуси. Гусь вообще-то – птица рассудительная, но бессарабские гуси обнаружили совершенную бестолковость даже в столь немудреных делах, как патриотическое гогование и писание ложных доносов. Те данные, например, с которыми выступил г-н Щербань в своем докладе о тайной еврейской аренде (этот доклад, представленный бессарабским помещиком г-ном Щербанем кишиневскому губернатору был встречен в штыки даже членами губернского комитета), были до такой степени нелепы, что, казалось, ни один человек, находясь в здравом уме, даже на миг не примет их всерьез. За тридцать с лишним лет земля была в еврейской аренде только шесть – с 1882 по 1888 гг. И без всякого обхода законов. До издания правил 3 мая 1882 г. аренда была евреям дозволена. Еврей платил 1 р. 84 коп. за десятину. Его предшественник грек платил 1 р. 24 коп, его преемник г-н Малай (национальность неизвестна, но, разумеется, не еврей и не грек) – 1 р. 90 к. В настоящее время, когда арендные цены на землю везде поднялись чуть ли не вдвое, крестьяне платят 4 р. 72 к. за десятину, и эту цену г-н Бессарабский Помещик находит нормальной. А вот г-н Щербань «достоверно» засвидетельствовал, что евреям крестьяне платят 35-40 р. за десятину – в десять раз больше существующих цен. И «Новое время» сие «достоверное» жесвидетельство сделало отправной идеей своих замечательных «по силе и правдивости» статей об этом вопросе. Г-н Бессарабский Помещик выдает «Новому времени» аттестат «правдивости». Лишь бы газета позволила ему свести на ее страницах какие-то личные счета...

«Новое время»,

11 (24 января)

Еврейские земельные планы

В привисленских еврейских газетах идет усиленная агитация в пользу покупки еврейскими богачами крупных помещичьих имений в Привисленском крае и продажи их путем парцелляции бедным евреям. Проектируется даже учредить особый банк по образцу Крестьянского поземельного. Хорошо, замечает «Варшавский дневник», что крестьянские земли охраняются законом от таких «палестинских поползновений». В самом деле, это уже будет «привисленский сионизм».

«Восход» № 11:

В Дубоссарах (Бессарабская губерния) на днях была сделана попытка создать дело о ритуальном убийстве*. Еще две недели тому назад было совершено убийство крестьянского мальчика по фамилии Рыбаленко, и некоторые обстоятельства этого преступления, а главное – невозможность разыскать преступников дали повод к возникновению различных фантастических слухов. «Бессарабский Помещик» огласил эти слухи и, разумеется, извратил истину: вместо сомнительного рассказа, переходившего из уст в уста среди взволнованного населения, в корреспонденции, появившейся в газете, сообщаются факты, якобы точно установленные. При этом о действиях представителей следствия, прибывших в Дубоссары, умалчивается. И читатели намеренно вводятся в заблуждение.

Корреспонденция «Бессарабца». Две недели назад несколько крестьянских мальчиков лет 10 – 12 после обедни отправились к Днестру. Двое из них, отделившись от остальных, вскоре пошли обратно домой, в Дубоссары. Проходя мимо какой-то еврейской лавки, один из мальчиков по фамилии Рыбаленко зашел внутрь купить табаку. Второй остался ждать на улице, но, прождав почти час и не видя товарища, начал беспокоиться. Тут из лавки вышел еврей и спросил, кого он ждет. Мальчик объяснил, а еврей сказал: «Отправляйся домой. Товарищ тебя догонит». Прождав еще некоторое время, мальчик ушел. Все это, как передают, он показывал на допросе следователю. Родственники мальчика по фамилии Рыбаленко, встревоженные его отсутствием, начали розыски и только на другой день утром в саду нашли совершенно изуродованный его труп, еще теплый, очевидно, недавно подброшенный.

Местные власти разрешили похоронить ребенка. Спустя две недели последовал донос, по которому в Дубоссары прибыли товарищ прокурора одесского окружного суда г-н Захаревич и врач из Тирасполя. 2 марта произведено вторичное вскрытие трупа мальчика. Вскрытием установлено, что смерть последовала от нанесения острым орудием 18 ран в области живота, шеи, и головы. Левый глаз совершенно вытек, одежда изрезана. Убийцы не обнаружены. Среди населения Дубоссар бродят самые невероятные слухи. Фантазия некоторых простирается до ритуального убийства. В «Новом времени» вслед за этой корреспонденцией появилась телеграмма из Дубоссар:

«Получены достоверные свидетельства о том, что еврейское население города Дубоссар на Днестре осаждено крестьянами. Причина – загадочное исчезновение крестьянского мальчика по фамилии

Рыбаленко, зашедшего в лавку к еврею купить табаку, откуда мальчик больше не вышел, а на другой день его труп нашли в саду с 18 ранами в живот, шею и голову, нанесенными острым орудием. Левый глаз вытек, одежда изрезана. Многие подозревают ритуальное убийство. Убийцы не обнаружены. Следствие производится».

Телеграмма передает содержание сообщения «Бессарабца» и при этом умышленно подчеркивает идею ритуального убийства: «Фантазия некоторых», о которой говорится в корреспонденции, превращается «Новым временем» в «подозрения многих». Еще более гнусное впечатление оставляет сообщение об этой истории в газете «Свет»; она заявляет, будто «...при осмотре трупа оказалось, что тело несчастного имеет 36 наколов, нанесенных каким-то острым орудием по всем жилам. Кровь спущена до одной капли, один глаз вынут из орбит, на руках следы веревок. Предполагается, что мальчик был распят евреями, что кровь приготавлилась к предстоящему их празднику для каких-то обрядов. Дело передано судебному следователю. Один еврей стал называть участников этого ужасного преступления, но был признан сумасшедшим и помещен в больницу». Неудивительно, что в подробностях газеты совершенно расходятся: эти подробности наверняка вымышлены. Одна газета говорит, что установлены 18 ран, другая утверждает, что оказалось... 36 наколов, т.е. вдвое больше! Прочие органы печати, конечно, отнеслись к этому делу как к обыкновенному преступлению и ожидают результатов следствия. Мы обратились с запросом к проживающему в Кишиневе д-ру Л.М. Бурнштейну-Когану, и он сообщил нам следующее.

1. Убитый мальчик является одним из наследников довольно крупного имущества, подлежащего разделу меж многими наследниками. Раздела этого ждут давно. Но не могут произвести из-за несовершеннолетия младшего (убитого теперь). И вот у многих дубоссарцев является мысль, не убит ли мальчик одним из сонаследников для ускорения раздела. Врачебное следствие (в присутствии полиции по обыкновению) обнаружило убийство, произведенное острым орудием (вроде железных вил для сена).

2. Обыватели г. Дубоссар донесли прокурорскому надзору губернии (в Одессе), будто мальчик похоронен полицией без вскрытия благодаря подкупу врачей и самой полиции.

3. Прибывшие на место власти вырыли труп и обнаружили ложность доноса. Труп мальчика был в свое время вскрыт, и вторичное освидетельствование подтвердило правоту первого.

4. Врачи предъявили доносчикам иск за клевету. Дело пойдет в законном порядке.

5. В городе, однако распространился слух, что мальчика убили евреи в ритуальных целях. Следствием этого уже был погром, не принявший больших размеров лишь вследствие энергичной самозащиты евреев (дубоссарские евреи славятся своей силой).

*** В начале 1903 г. возник новый «кровавый» навет: в местечке Дубоссары Херсонской губернии нашли исколотый труп христианского мальчика. В правых газетах сразу же написали, что «мальчик был распят евреями, кровь спущена до одной капли, и эта кровь приготавлилась для каких-то обрядов». На следствии выяснилось, что мальчика убил его родственник совместно с напарником – для получения наследства убитого, а труп исколот «под жидов», чтобы отвести от себя подозрение. Результаты расследования сообщили в Министерство юстиции, и начальник департамента пометил на докладе: признания обвиняемого «не соответствуют обстоятельствам дела», «вероятно, его подкупили жиды». Узнав мнение начальства, прокурор и следователь стали убеждать обвиняемого, что его признание вымышленное; тот упорно сознавался в преступлении; его уговаривали, даже производили психиатрические освидетельствования, – и наконец обвиняемый взял свое признание обратно. (Ф. Кандель. Книга времен и событий. Т. 2. С. 674, 675.)**

«Восход» № 15

В «Правительственном вестнике» от 10 апреля напечатано следующее сообщение.

6 и 7 апреля в Кишиневе местное еврейское население подверглось нападению толпы рабочих. Беспорядки начались с разграбления еврейских лавок и квартир и весьма быстро приняли характер сплошных бесчинств. Несмотря на усилия полиции, а затем призванных в помощь воинских частей, рассыпавшиеся по городу буяны били стекла в окнах еврейских домов (причем случайно были разбиты стекла в нескольких квартирах христиан), уничтожали и расхищали имущество. Возобновившиеся на второй день беспорядки против евреев приняли, несмотря на призыв войск, угрожающий характер: произошло несколько побоищ, были пущены в ход не только палки и камни, но даже железные ломы и револьверы; 25 человек при этом было убито, до 75 ранено серьезно и 200 человек получило незначительные ранения. По распоряжению министра внутренних дел г. Кишинев и его уезд объявлены в положении усиленной охраны.

«Новости и биржевая газета». 14 апреля

К кишиневскому погрому

В «Бессарабских губернских ведомостях» напечатано следующее воззвание.

«Прочтите добрые люди! 6 и 7 апреля в городе Кишиневе произошли уличные беспорядки против евреев. Масса пострадавших осталась без всяких средств. Лишены крова и пищи. Необходима быстрая и всесторонняя помощь. Дамский комитет с разрешения местного управления открывает сбор пожертвований не только деньгами, но всякого рода припасами: овощами, сахаром, чаем, хлебом и т.п. Будет немедленно открыта

еврейская столовая (Илинский переулок). Организован временный приют (зал “Сан-Суси”), приняты меры к возможному исправлению жилищ бедняков и особенно к призрению осиротелых семейств и т.п. Придите на помощь этому доброму делу. Помогите пострадавшим от толпы буянов, действовавших под влиянием пьяного разгула или диких, нелепых инстинктов национальной вражды. Пособите все. Кто чем может. Это наш прямой долг. Наша святая обязанность.

Пожертвования деньгами и вещами просят направлять в квартиру председательницы дамского комитета Е.А. Уструковой: угол Гостиной и Жуковской. От 10 до 18 часов ежедневно».

Нами получены полные ужаса и скорби сообщения очевидцев этого народного бедствия. Приводим отрывки из них.

Нет красок для изображения всего того, что творилось в нашем городе 6, 7 и 8 апреля. Погром начался шестого разбитием стекол в еврейских домах и отчасти (по неведению) в христианских. Впереди шли два-три коновода, а за ними чинно, бесшумно два-три десятка подростков, имевших при себе в карманах камни, которые они швыряли в окна. Городовые ловили, было, этих подростков, но благодаря заступничеству старших тотчас же отпускали их. Таких сцен мы видели немало.

Многие из евреев спаслись тем, что выставили в окнах иконы.

В течение 2 дней празднования Пасхи разъяренная христианская толпа из подростков и взрослых мещан, рабочих и даже лиц в чиновничьих формах разграбила и уничтожила все еврейские дома, лавки и магазины и убила и искалечила множество народу. Среди них насчитывают много женщин и детей. Последних разбойники выбрасывали из второго и третьего этажа на мостовую ...Разграблено много синагог, свитки Торы разорваны и осквернены. В некоторых синагогах сторожа попытались противиться грабителям, но были убиты. Все улицы города покрыты толстым слоем пуха и перьев из разорванных перин. А вся мебель из разорванных домов разбита на мельчайшие щепки. Даже полы, печи и трубы на крышах не пощажены и разбиты. Я был свидетелем Киевского погрома в 1882 году. Но то, что я видел там, ничто в сравнении с тем, что я наблюдал здесь эти два дня. То, что грабители не смогли унести, они обливали керосином и сжигали. Число раненых евреев, кроме убитых, доходит до 300 человек.

Необходимо отметить, что беспорядки были прекращены без единого выстрела, как только объявили город на положении усиленной охраны. Убытки оцениваются в несколько миллионов рублей, тысячи людей остались без крова, одежды и пищи. Необходима немедленная помощь, которую просим адресовать на имя доктора

Мучника.

Все убеждены, что этот небывалый погром является следствием гнусной пропаганды г-на Крушевана* в «Бессарабце». Так как до нее у нас евреи очень хорошо уживались с местным населением.

*** П.А. Крушеван – постоянный сотрудник и с 1897 по 1902 год главный редактор ежедневной кишиневской литературно-публицистической газеты ультра-правого толка «Бессарабце».**

«Новости и биржевая газета»,

16 (29) апреля

В «Бессарабце» напечатано следующее характерное письмо:

«Милостивый государь главный редактор!

На второй день Пасхи злонамеренные люди, чтобы взволновать христианское население и привлечь его к участию в беспорядках, чинимых, к крайнему прискорбию, в городе Кишиневе, распространили по городу ложный слух, будто старый Михаил-Архангельский собор осквернен евреями и окна в нем побиты. Теперь тот же вымысел эти люди стали распространять по селам и деревням Бессарабии с прибавлением еще и той выдумки, будто при этом нападении евреями на православный храм убито два православных священника. По поручению преосвященного о. Нагова, епископа Кишиневского, объявляется, что ничего подобного в городе Кишиневе не было, что все это измышления людей злонамеренных, повторяемые за ними и другими лицами по легковерию.

Секретарь при преосвященном Е. Козакевич».

«Восход» № 16

Зверства в Кишиневе

Десятки убитых, сотни раненых. Разоренный дотла, опустошенный город – комментарии излишни. О чем тут, собственно, писать? О дикости и невежестве массы и необходимости просвещения? Но, Б-г мой, об этом писалось, кажется, достаточно, – а главное, как бледны, как ничтожны эти речи перед лицом вопиющих фактов, совершившихся среди бела дня на виду у всех. Мы, евреи, конечно, знаем погромы. О! Мы не забыли погромов 1880-х лет...

Но такого погрома, такого количества жертв еще не было. 50-тысячное население, их жизнь и имущество отдано на поругание черни. «Ни одно еврейское помещение не осталось целым, – пишет корреспондент. – Город словно завоеван чернью, и в наше цивилизованное время с военнопленными обращаются куда милостивее...»

Корреспондент «Санкт-Петербургских ведомостей» сообщает, между прочим, следующее. «Полиция очень строго кричала на громил. Патрульные с ружьями на плечах не менее строго призывали

рассвирепевших разбойников к порядку... Но те плохо слушались и с остервенением продолжали свое опустошительное дело. В полдень стало известно, что в разных частях города убито немало евреев. Несчастные в паническом страхе бросали свое имущество и прятались с женами и детьми куда попало: в погреба, на чердаки. В этот день разгрому подверглись все улицы, где только можно было найти еврейское жилище. Не пощажены были и синагоги: на Гостиной улице синагога разгромлена, свитки Торы разорваны и выброшены на улицу. Разгромлена большая синагога на Сенной площади и уничтожены все свитки заповедей. Интеллигентная публика – христиане – вела себя ужасно: пальцем о палец не ударила для прекращения разбоев. Страшно за нее... Она спокойно гуляла и наблюдала за ужасной “работой”».

«Восход» № 17

Об организации кишиневского погрома* «Русские ведомости» сообщают следующее. Погром, очевидно, был подготовлен заранее и строго организован; он начался одновременно во многих местах, каждая банда «работала» на своем участке. Для предварительного соглашения, несомненно, требовалось время. Все это время, однако, Аргусово око дремало. Оказывается, ни для кого не было тайной, что бесчинства готовятся на первый день Пасхи. Прислуга рассказывала об этом своим хозяевам за несколько дней до праздника. Евреи также знали об этом и опять-таки еще до праздника посылали депутации к властям с указанием на грозящую им опасность. Депутаты были успокоены. В первый день Пасхи все и началось. Началось с того, что мальчишки разбивали стекла в окнах. Аргус продолжал дремать. На второй день толпа произвела страшный погром. Тогда, по одним сведениям, в три часа пополудни, а по другим – гораздо позже, призвана была военная сила...

Новый губернатор Кишинева князь С. Урусов, назначенный после погрома, писал по окончании расследования, что в первые часы побоища «одна рота в руках дельного человека могла остановить и потушить огромный пожар... Вместо этого... весь кишиневский гарнизон два дня подтверждал своим бездействием справедливость легенды о разрешенном Царем трехдневном грабеже». К концу второго дня из Петербурга пришло распоряжение навести порядок; войска начали разгонять толпу и не понадобилось ни единого выстрела, чтобы убийства и грабежи немедленно прекратились.

*** С первых часов погрома солдаты местного гарнизона были выведены на улицы Кишинева, но они бездействовали и «равнодушно глядели на зрелище грабежа и разбоя». Погром набирал силу, обходя стороной дома, в окнах которых были выставлены иконы, а высшее городское начальство отмечало пока что пасхальный день, разъезжало по городу с праздничными визитами и ожидало распоряжений из Петербурга. Затем начались убийства, и толпа, почуявшая запах крови и не встретившая противодействия, дошла до невероятной степени озверения.**

«Санкт-Петербургские ведомости»

Пущены были в ход топоры, ломы и пр. После разграбления одного магазина еврея, убитого злодеями, избиваемые евреи бросились за помощью к стоявшим на улице чинам полиции и патрулю. Но те равнодушно глядели на зрелище грабежа и разбоев. Евреев убивали в домах, погребах и на улице, срывали с конок и тут же на глазах публики топтали ногами и умерщвляли. Иных евреев убивали и вешали на бойне. Д-ра Штерна, подавшего помощь раненому еврею, толпа чуть не убила.

В «Русских ведомостях» корреспондент сообщает: «Я видел на кладбище 19 трупов. Они лежали в два ряда, покрытые еврейскими покрывалами – по белому черные волосы; перед некоторыми горели свечи, сторож сбросил с них покрывала... тут была женщина, был и ребенок 1 – 2 лет, юноша 17 – 18 лет, старик, другие... Люди всяких возрастов, все бедняки. У одного трупа лицо залито кровью. У старика вместо лба и носа зияющие проломы. Удары, нанесенные им, были зверские. Рассчитанные не на человеческий организм, а на крепость каменной стены. Передают, что евреев бросали с третьего этажа на мостовую. Судя по характеру повреждений, это вполне возможно. Были, говорят, и случаи изнасилования»*.

*** В отчете городского прокурора сказано: «Всех трупов... обнаружено сорок два, из них тридцать восемь евреев... У всех убитых были найдены повреждения, причиненные тяжелыми тупыми орудиями: дубинами, камнями, лопатами, у некоторых же острым топором». Еврейские источники того времени называли около пятидесяти убитых евреев и более пятисот раненых... По окончании погрома евреи Кишинева собрали изорванные свитки Торы. Уложили их в глиняные сосуды, в отдельный сосуд положили пергаментный свиток с описанием тех трагических событий и понесли хоронить. Впереди шли раввины; следом за ними несли пять пар черных носилок, на которых лежали черные глиняные сосуды; десятитысячная процессия следовала за носилками, а многие стояли вдоль улиц и плакали. Сосуды со свитками Торы принесли на еврейское кладбище и замуровали в особом склепе, посреди могил с жертвами этого погрома. (Ф. Кандель. Книга времен и событий. Т. 2. С. 676-678.)**

«Новое время», 19 апреля (2 мая)

Уже шестой день как прекратились беспорядки, однако положение нельзя назвать спокойным. Каждый день находят если не в центре города, то на окраинах трупы убитых христиан. На базаре страшно поднялись цены на жизненные продукты: мясо, хлеб и проч. Городская управа вынуждена была выписать на 800 руб. хлеба, который раздавался по 5 коп. за фунт. Эта мера заставила продавцов удешевить хлеб до установленной таксы, то же самое хотят сделать и с другими продуктами. Еврейское благотворительное

общество собрало в пользу разоренных 150 тысяч руб., а дамское общество местного отдела Красного креста – 800 руб. Кроме того, в городе открыли бесплатную столовую. 10 апреля состоялось экстренное заседание думы. Городской голова К.А. Шмидт предложил дать из городских средств в пользу пострадавших евреев хоть 100 руб., но не нашел сочувствия у гласных, которые заявили, что для этого дела имеются громадные суммы «коробочного сбора». В том же заседании постановлено ходатайствовать, чтобы войска оставались на все лето в Кишиневе (обыкновенно они стоят лагерем в Бендерах). Гласный Дубина разразился обвинением против газеты «Бессарабец», но гласный Лазо возразил, что газеты ни при чем, виноваты во всем сами евреи. Гласный Георгиу обвинил администрацию в бездействии. В заключение дума решила, что все гласные должны составить записки о виденном. Вчера и сегодня евреи, раненые и здоровые, осаждали квартиру директора департамента полиции А.А. Лопухина. Ему подано множество жалоб. В основном все хотят, чтобы казна возместила убытки, правительство наложило на христианское население контрибуции в пользу евреев. Кроме того, министру внутренних дел подано большое количество коллективных жалоб, в которых наивно просят запретить русским газетам «Новому времени», «Свету» и другим писать о евреях. А газету «Бессарабец» уговаривают закрыть совсем. Все кишиневские присяжные поверенные вместе с помощниками выступают в защиту своих соплеменников. Во главе их стоит присяжный поверенный Кенигнац, который уже представлялся по этому делу господину Лопухину. Как на участников и подстрекателей евреи указывают на трех гласных думы, лиц весьма состоятельных и уважаемых: нотариуса П., землевладельца Б. и доктора С. Эти лица, если и были на улице во время погрома, то только с целью успокоить толпу, но евреям они нужны как участники, чтобы было с кого взыскивать убытки.

Ожидали возобновления беспорядков 14 апреля, но день прошел спокойно. Никаких инцидентов не было.

Арестованных до сего дня было 800 человек. Убитых – 48. В том числе два христианина. Около 80 человек евреев ранено тяжело, у многих – легкие раны. Но это цифры еще не окончательные, потому что мертвых находят каждый день. И можно с уверенностью сказать, что убитых христиан не два человека, а гораздо больше.

В некоторых поселениях Кишиневского и Орчевского уездов слышны отголоски кишиневских беспорядков. В селах Чеплены, Мерены и Бачей убиты несколько евреев. В Крымове, в Вадулуй-водах, в Оргееве, в Сороках, куда из Кишинева посланы войска, приняты меры к прекращению насилия. 12 апреля в Оргеево выехал вице-губернатор В.Г. Устругов для успокоения населения. Положение семей арестованных очень тяжелое.

«Восход» № 19

Причины, сделавшие возможной кишиневскую катастрофу, в основном уже выяснены на страницах периодической печати. Именно на эти причины и обращает внимание составитель отдела общественной хроники в майской книжке «Вестника Европы». Он тоже указывает на частое совпадение еврейских погромов с периодами ужесточения режима по отношению к инородцам. Взгляд на евреев как на неполноправных жителей государства весьма характерен не только для властей, но и для толпы, – как то было и в средние века, в эпоху наибольшего угнетения иудейского населения. Такие же бесчинства, что происходят на наших глазах в южной и западной России, происходили в XI веке на Рейне, в XII – в Лондоне. С той только разницей, что тогда религиозная антипатия к евреям играла гораздо большую роль, чем ныне. Сходство довершается тем, что значительная часть населения стоит у нас на той же ступени умственного развития, на какой семь или восемь веков назад стояли лондонские горожане...

...Отец Иоанн Кронштадский* не мог промолчать зная о кишиневских событиях. Ведь к его голосу прислушиваются миллионы русских людей. Он сказал свое веское слово, – и мы должны благодарить его за то, что он выразил общественное мнение столь безбоязненно, что он сказал именно то, что думают и чувствуют те русские, которые не утратили своего христианского самосознания.

В той же газете (в «Новостях») напечатано следующее письмо Н. Неплюева*. «От имени трудового братства и своего лично прошу вас принять эту лепту для пострадавших в Кишиневе евреев как слабое выражение братской жалости к пострадавшим и одновременно жгучего стыда за зверства, учиненные в святые дни Пасхи нашими единоплеменниками и единоверцами».

Нам сообщают, что граф Л.Н. Толстой пожертвовал в пользу евреев, пострадавших от погрома в Кишиневе, 1500 руб.

Дирекция московского литературно-художественного кружка отозвалась на бедствия кишиневских еврейских семейств, пострадавших от погрома, и послала деньги в местный комитет.

***Иоанн Кронштадский, он же Иван Ильич Сергеев (1829 – 1908), протоиерей, проповедник, духовный писатель. Автор многих трудов в том числе и «Катехизические беседы». Создатель благотворительных учреждений в Кронштадте и, что особенно примечательно, являлся членом «Союза русского народа».**

**** Николай Николаевич Неплюев (1851 – 1908) – писатель и общественный деятель.**

«Восход» № 22

Из Белостока пишет «Северо-западный край» о сокращении заказов местным фабрикантам под влиянием кишиневских событий. С приближением лета город не ожидает больше того оживления в делах, какое наблюдалось в прежние годы, когда множество торговцев приезжало сюда и делало закупки сезонных товаров. Кишинев как торговый центр Бессарабии приносил и соседним торгово-промышленным городам, таким как Лодзь, огромную пользу, стимулируя местную торговлю и местное производство своими крупными заказами.

Теперь же заказов почти нет, и покупатели из Бессарабии практически не появляются.

«Новости и биржевая газета», 25 апреля (18 мая)

Внутренняя почта

К кишиневскому погрому

16 апреля состоялось заседание нашей думы, на котором должны были рассматриваться ходатайства арендаторов городских лавок и будок, разоренных во время погрома, о сложении с них платы за аренду и рассрочке ее на льготных условиях. К стыду нашей думы, большинство гласных провалило этот вопрос, постановив снять его с повестки дня. В особенности усердствовал в данном случае гласный Лато, старавшийся уверить думцев, что «большинство пострадавших евреев наверняка поправится»... И дума, вняв призывам г-на Лато, не пожелала обсудить столь важный вопрос, как сложение нескольких сот рублей арендных денег с несчастных и обездоленных бедняков. Так поступает дума крупного губернского центра, где большинство плательщиков городских сборов составляют евреи!

Наша дума не расщедрилась ни на одну копейку в пользу своих несчастных граждан, адептов Моисеева закона!

«Русскому слову» сообщают из Одессы, что в последние дни чины одесской полиции по предписанию высших административных властей и судебной власти города Кишинева заняты розыском и арестами виновников колоссального преступления, совершенного в Кишиневе. По полученным сведениям в Одессе скрывается множество преступников, принимавших деятельное участие в грабежах и насилиях. Чины одесской сыскной полиции устраивают усиленные облавы и производят обыски в трактирах, на постоянных дворах и в притонах. Ими задержано свыше 200 подозрительных лиц. У многих найдены драгоценности. Из Одессы в Кишинев выехала многочисленная группа родственников пострадавших жителей Кишинева; они нашли своих родных на койках земской и еврейской общественной больницы. Многие женщины, старики и малолетние дети, лежащие в больницах Кишинева, находятся в беспомощности.

«Восход» № 24

Новый закон о еврейском землевладении

10 мая с.г. наряду с легализацией жительства евреев в 101 поселке черты оседлости издан и общий ограничительный для евреев закон, воспреещающий им приобретение недвижимого имущества вне городских поселений в губерниях, не входящих в черту общей еврейской оседлости. Мотивом этого ограничения послужил факт расширения еврейского землевладения в трех внутренних губерниях: Смоленской, Псковской и Новгородской. В первой из них во владении евреев насчитывается 304 с лишним тысячи десятин. Во второй – около 190 тысяч десятин, а в Новгородской всего 43 тысячи десятин. Владельцами имений являются почти исключительно крупные лесоторговцы, купцы 1-й гильдии, и из указанных владений до 80% составляют лесные пространства. Стесненные в приобретении лесов в черте оседлости ввиду закона от 3 мая 1882 года, купцы стали покупать лесные имения в Смоленской и Псковской губерниях. Никаких жалоб на экономическую деятельность лесоторговцев не появилось даже в антисемитских корреспонденциях «Нового времени». Наоборот, оживление лесопромышленности предоставляло крестьянскому населению лишний заработок, а еврейские лесные имения, в конце концов, запродавались тем же крестьянам по мере вырубки. Наконец, звание помещика не дает евреям в России никаких особых сословных привилегий. Не сулит никакого влияния на местную общественную жизнь в силу действующего земского положения 1890 г. и законов о дворянстве. Предполагалось принять меры против крупного купеческого землевладения, а в результате запретили евреям и приобретение мелких участков для сельского хозяйства, и покупку дач для временного проживания, и устройство промышленных заведений вне городов. Даже «Новое время», обсуждая закон от 10 мая, не хотело верить, что он распространяется на лиц с высшим образованием, и разразилось воплями по поводу еврейских преувеличений. Однако текст закона, к сожалению, не допускает двойного толкования. Нужно намеренно закрывать глаза на истину или отличаться редким легкомыслием и невежеством, чтобы трактовать закон так, как предлагали сотрудники «Нового времени». Запрещено приобретать недвижимость вне городов всем евреям без исключения и во всех губерниях, не входящих в черту общей еврейской оседлости. При этом не сделано исключений для кавказских и среднеазиатских евреев, тысячелетиями живущих в этих странах. Кавказские евреи в Дагестане, Терской области и Грузии большей частью занимаются хлебопашеством и садоводством. И теперь они, подобно своим северным единоверцам, будут окончательно отрезаны от сельского хозяйства. «Новое время», несмотря на постоянное выдвигание религиозных обвинений против евреев, несмотря на свое подстрекательство в кишиневском деле, любит выставить какие-то свои симпатии к еврейским беднякам. Отчего же сердобольные сотрудники этой газеты не подумают, что из-за небольшого числа лесоторговцев Смоленской губернии лишены прав состояния 60000 бедных кавказских евреев, 150000 среднеазиатских и множество сибирских евреев-земледельцев?

«Новое время», 24 мая (6 июня)

...Появившееся в «Правительственном вестнике» официальное сообщение по поводу новых узаконений о евреях объясняет весьма определенно, чем эти узаконения вызваны. В особенности обращает на себя внимание факт самовольного расширения евреями черты оседлости посредством приобретения весьма значительного количества земли в губерниях, не входящих в черту оседлости. Так, например, по собранным министерством внутренних дел сведениям выяснилось, что в Новгородской губернии евреями скуплено более 43 тысяч десятин, в Псковской – около 190 тысяч десятин и в Смоленской – свыше 304 тысяч десятин. Повидимому, однако, этими тремя губерниями не ограничивается распространение еврейского землевладения за пределы черты оседлости, так как в упомянутом правительственном сообщении сказано, что вообще за последние четыре года размеры земельной собственности евреев вне черты оседлости значительно увеличены. Как могло возникнуть это противозаконное еврейское землевладение за чертой оседлости, о том можно лишь догадываться. Впрочем, обход законов издавна составлял особый талант евреев. Гораздо большее недоумение вызывает тот факт, что судебные инстанции тоже оказались обойденными еврейскими приобретателями земельной собственности вне черты оседлости, ибо не подлежит сомнению, что крепостные акты на землю, перешедшую к евреям, могут получить силу не иначе как через судебные установления. Намек на способы перехода к евреям земли вне черты оседлости можно видеть в опубликованном нынче законе от 10 мая, воспрещающем в не входящих в черту еврейской оседлости губерниях, «совершать от имени и в пользу евреев всякого рода крепостные акты, служащие к укреплению за ними прав собственности, владения и пользования недвижимым имуществом, вне городских поселений расположенным, и предоставляющие им возможность выдавать под обеспечение сих имуществ денежные ссуды». Из этого можно заключить, что еврейское землевладение за чертой оседлости возникало, между прочим, косвенными путями – выдачей ссуд под земли в свое владение и заключением обязательств, в силу которых евреи фактически приобретали земли в свое владение и пользование, хотя юридически и не считались собственниками земли. Подобного рода приемы фактического завладения землею как будто не затрагивают вопроса о праве евреев приобретать землю в собственность. И евреи широко пользовались этими приемами там, где закон запрещает им покупать землю. В самой черте оседлости, где евреям разрешено приобретать недвижимость только в городах и местечках, они владеют большим количеством земли вне городов и местечек, числясь официально управляющими, администраторами имений, уполномоченными номинальной собственности и т.д.

«Новое время», 8 июня

Закон от 10 мая

Закон от 10 мая, расширивший район расселения евреев в черте еврейской оседлости и ограничивший права на покупку земельной собственности вне этой черты, вызвал целый ряд статей и заметок, авторы которых и на этот раз стараются сохранить жалобный тон, усвоенный ими во всех случаях, когда вопрос касается «угнетенного народа». Обычная манера переводить речь с проделок сытых и плутоватых гешефтмахеров на еврейскую бедноту, действительно заслуживающую жалости, сохранилась в статьях по поводу закона от 10 мая.

Еврейская беднота, скучившаяся в местечках и городах черты оседлости, может только радоваться закону, так как он даст возможность уменьшить эту скученность, а тем самым и все неудобства, с ней связанные. Что же касается ограничения покупки земли по купчим крепостям или приобретения ее на правах залогодержателей вне черты оседлости, то это касается первогильдийцев, а также лиц, имеющих ученую степень и получивших этим путем право жительства в городах империи, а они едва ли могут быть причислены к бедноте.

Итак, теперь с запрещением покупать землю вне черты еврейской оседлости евреи должны будут перейти к торговле и ремеслам. Но чем же они занимались до сих пор?

Мы исколесили всю Россию и в черте еврейской оседлости, и вне этой черты; нам приходилось видеть много евреев, имеющих то или иное отношение к сельскому хозяйству; евреев-землевладельцев, лесопромышленников, скупщиков хлеба и маклеров по купле-продаже земли, и множество таких еврейчиков, которым названия-то не придумаешь, – но никогда не приходилось видеть еврея-земледельца. Между тем, в Новороссии существуют целые еврейские колонии, где евреи не лишены права заниматься сельским хозяйством. Таких колоний, например, в Елизаветградском уезде Херсонской губернии – 3 (5000 десятин земли), в Херсонском – 18 (45000 десятин), а попробуйте найти еврея с плугом и бороной.

Как редкое исключение – найдете. Как общее правило – нет.

«Восход» № 2

Заседание историко-этнографической комиссии

В среду 25 декабря на заседании историко-этнографической комиссии Л.М. Брамсон* сделал сообщение о современном образовании евреев в России. Исследование проблемы началось в 1894 г. подробным осмотром еврейских школ министерством народного просвещения. В России существуют два типа еврейских школ, резко отличающихся друг от друга: 1) хедеры и ешивы – школы неорганизованные; 2) талмуд-торы новейшего типа – школы организованные. Число действующих хедеров установить очень трудно. Несмотря на легкость получения права на открытие хедера (три рубля за свидетельство) существует множество неофициальных хедеров, что объясняется безысходной бедностью меламадов.

Приблизительные статистические данные свидетельствуют, что на 199 евреев приходится один хедер; среднее число учащихся в нем – 28 человек. В Северо-западном крае один хедер приходится на 20, а на юге – на 40 детей.

В черте оседлости хедеров около 26 тысяч. Общее число учащихся там детей – 363 тысячи.

Хедер по своему устройству не отвечает современным требованиям санитарии и гигиены. Почти полное отсутствие воздуха, неподходящим образом сделанная мебель для учеников уже достаточно дурно характеризуют хедер даже с внешней стороны.

Меламед в среднем получает 25 рублей в год. Все обучение обходится еврейству в сумму от 6 до 8 млн. рублей в год.

***Брамсон Леон – еврейский общественный деятель и публицист. Работал юристом в Петербурге. Принимал деятельное участие в работе Общества для распространения просвещения между евреями в России (Краткая еврейская энциклопедия. Т.1. С. 327).**

«Восход» № 28

В газетах появились объявления нескольких высших учебных заведений о приеме студентов. В каждом упоминается о различных ограничениях для евреев. Во многие академии, институты, инженерные училища, военные, юридические заведения евреи не принимаются вовсе. В других число их ограничено определенным процентом. Большинство евреев, окончивших средние учебные заведения, прошедших многолетний нелегкий путь, оказывается, таким образом, перед новым трудным порогом, перед почти неодолимым препятствием, часто перед гибелью надежд. В результате молодые души наполняются обидой и злобой; эти чувства не проходят с годами. На сие поистине печальное явление недавно обратил внимание г-н министр народного просвещения в особом циркуляре.

Категорическое требование министерства, чтобы преподаватели и руководители учебных заведений не позволяли себе в обращении с учащимися грубых и язвительных замечаний, можно надеяться, облегчит теперь положение еврейских детей и юношей, смягчит отвратительные нравы, установившиеся за последние 20 лет в некоторых институтах и школах западного края. Многие евреи старшего поколения, закончившие русские школы в 60-х и 70-х гг., с восторгом вспоминают своих учителей, с которыми на всю жизнь сохранили самые тесные связи. Но появилась новая поросль преподавателей, новые веяния; гуманное отношение к ученикам уступило место недоброжелательству. И возникла та рознь между педагогами и молодым поколением, которая служит почвой для многих дурных и вредных явлений.

Роль учителя ответственна и трудна. Это отмечается в циркуляре. Но особенно трудна роль педагога, преподающего еврейским детям. Для облегчения этой драматической ситуации необходимо, кроме общих принципов, изложенных в циркуляре министра, и коренное изменение условий и правил, связанных с образованием евреев. Тогда только устранятся из русской жизни те печальные явления, о которых идет речь.

*** «Если русская хлебная торговля, имеющая основное значение для всего хозяйства страны ...вошла составной частью в мировой торговый оборот, то этим страна обязана главным образом евреям, выполнившим это сложное и важное дело вопреки всем препятствиям, которые ставились на пути их деятельности». (И.М. Биккерман. Роль евреев в хлебной торговле. СПб., 1912. «Книга о русском еврействе от 1860-х годов до революции 1917г.» М.: Гешарим – Мосты культуры, 2002.)**

ЎАЎ ВЎЎ ЎА ЎАЎЎ ЎАЎЎ ЎАЎЎ

ЎАЎЎЎ

90 лет со дня рождения математика, академика РАН, члена Академии искусств и наук в Бостоне, Национальной АН США, Ирландской АН, профессора МГУ, создателя теории коммутативных нормированных колец, которая послужила затем отправным пунктом в созданных им (совм. с М.А. Наймарком и др.) теории колец с инволюцией и теории бесконечномерных представлений групп, автора трудов по теории обобщенных функций, теории топологических линейных пространственных динамических систем, автоморфных функций, обратным задачам спектрального анализа, вычислительным методам, цитологии и нейрофизиологии мозжечка, лауреата трех Государственных премий СССР и Государственной премии РФ **Израиля Моисеевича Гельфанда** (р. 1913, Окны Херсонской губ.).

3 СЕНТЯБРЯ

85 лет со дня гибели участницы революционного движения, анархистки, обвиненной в покушении на

В.И. Ленина, **Фанни Ефимовны Каплан** (наст. имя и фамилия Фейга Хаимовна Ройтблат; 1887, Екатеринославская губ. – 1918, расстреляна в Москве).

5 СЕНТЯБРЯ

10 лет со дня смерти прозаика, президента Международной ассоциации детективного и политического романа (МАДПР), главного редактора издания «Детектив и политика», организатора и первого главного редактора газеты «Совершенно секретно», автора повестей и романов приключенческого содержания: «Петровка, 38», «Майор Вихрь», «Семнадцать мгновений весны», «Бриллианты для диктатуры пролетариата», «ТАСС уполномочен заявить...», «Приказано выжить» и др., лауреата Государственной премии СССР **Юлиана Семеновича Семенова** (наст. фамилия Ляндрес; 1931 – 1993, Москва).

55 лет со дня рождения государственного деятеля, театроведа, министра культуры России, профессора Российской академии театрального искусства, руководителя телевизионного канала «Культура»

Михаила Ефимовича Швыдкого (р. 1948, Кант, КиргССР).

6 СЕНТЯБРЯ

95 лет со дня рождения пианистки, педагога, профессора Музыкально-педагогического института им. Гнесиных

Марии (Рахили) Израилевны Гринберг (1908, Одесса – 1978, Таллин).

7 СЕНТЯБРЯ

70 лет со дня смерти издателя, основавшего (совм. с братом Игнатием) в Москве издательское товарищество, Русский библиотечный институт (в 1939 г. вошел в Государственный институт «Советская энциклопедия»), главным изданием которого стал Энциклопедический словарь, **Александра Наумовича Граната** (1861, Одесса – 1933, Москва).

85 лет со дня рождения физика-теоретика, академика Национальной АН Украины, профессора Харьковского университета, автора трудов по физике плазмы, заложившего основы плазменной электроники, одного из авторов коллективного метода ускорения **Якова Борисовича Файнберга** (р. 1918, Золотоноша Полтавской губ.).

8 СЕНТЯБРЯ

125 лет со дня рождения химика-органика, автора трудов по алифатическим нитросоединениям (открыл в 1872 г. носящую его имя реакцию), оксимама и др., разработавшего метод определения молекулярных масс по плотности паров, введшего в науку термин «стереохимия», **Виктора Мейера** (Meyer; 1848, Берлин – 1897, Гейдельберг).

10 СЕНТЯБРЯ

30 лет со дня смерти физиолога, академика АН УССР, профессора Московского педагогического института им. Ленина, автора работ по образованию и функциональному значению химических агентов в центральной нервной системе, периферических нервах и в мышцах, обнаружившего некоторые энзимо-химические изменения при электрогоне нервов и развившего теорию химического механизма тетанического сокращения скелетной мышцы, разработавшего и усовершенствовавшего ряд методов исследования сердечной деятельности, желудочно-кишечного тракта и др., **Евгения Борисовича Бабского** (1902, Герюсы Эриванской губ. – 1973, Москва).

11 СЕНТЯБРЯ

60 лет со дня рождения художника, основоположника (совм. с А.Д. Меламидом) соц-арта, направления отечественного «нонконформистского» искусства, иронически смешивающего приемы поп-арта и гиперреализма (фотографическое жизнеподобие образов и предметов, коллажи и т.п.) с расхожими штампами живописи «соцреализма», **Виталия Анатольевича Комара** (р. 1943, Москва).

180 лет со дня смерти экономиста, одного из родоначальников классической политэкономии, сторонника трудовой теории стоимости, согласно которой стоимость товаров, единственным источником которой является труд рабочего, лежит в основе доходов различных классов общества, сформулировавшего закон обратно пропорциональной зависимости между заработной платой рабочего и прибылью капиталистов, автора теории распределения, теории воспроизводства общественного капитала, теории денег **Давида Рикардо** (Ricardo; 1772, Лондон – 1823, графство Глостершир, Англия).

12 СЕНТЯБРЯ

30 лет со дня смерти скрипача и педагога, профессора Московской консерватории, основателя скрипичной школы, среди учеников которого были В.В.Третьяков, В.Т.Спиваков, Т.Т. Гринденко, И.В.Бочкова, Г.Е.Жислин, П.Л.Коган, Л.И.Маркиз и др., **Юрия Исаевича Янкелевича** (1909, Базель – 1973, Москва).

17 СЕНТЯБРЯ

60 лет со дня гибели гимнастки, обладательницы золотой олимпийской медали 1928 года **Эстеллы Блиц-Агстриб** (Blits-Agsteribbe; 1909 – 1943, убиита в концлагере Освенцим, Польша).

100 лет со дня рождения военного летчика, генерал-лейтенанта авиации, начальника НИИ ВВС **Зелика Ароновича Иоффе** (1903, Дашковка Могилевской губ. – 1980, Москва).

95 лет со дня рождения экономикогеографа, профессора МГУ, разработавшего концепцию промышленных районов зарубежных стран, автора исследований по методологии экономической географии, по географии городов, экономической картографии, экономической географии стран Европы **Исаака Моисеевича Маергойза** (1908, Янов Подольской губ. – 1975, Москва).

18 СЕНТЯБРЯ

80 лет со дня рождения Героя Советского Союза старшего лейтенанта **Рафаила Семеновича Павловского** (1923, Борисполь Киевской губ. – 1990, Харьков).

85 лет со дня рождения борца, обладателя золотой (1948) и серебряной (1952) олимпийских медалей **Генри Уиттенберга** (Wittenberg; 1918, Джерси, США).

20 СЕНТЯБРЯ

75 лет со дня рождения экономикогеографа, одного из авторов научного направления в географии – проблемного страноведения, автора трудов в области экономикогеографических и социальных проблем стран Латинской Америки, одного из составителей национального атласа Кубы, лауреата

Государственной премии СССР **Якова Григорьевича Машбица** (1928, Мирополь Винницкого окр. – 1997, Москва).

21 СЕНТЯБРЯ

70 лет со дня смерти (24 элула) общественного деятеля, одного из ведущих алохических авторитетов своего времени, основателя ешивы в Радуне, одного из основателей партии «Агудас Исроэл» в Польше, автора труда «Хофец Хаим» **рабби Исроэла-Меира Пупко** (Хофец Хаим; 1838, Дятлово Гродненской губ. – 1933, Радун, Польша).

50 лет со дня смерти (24 элула) общественного деятеля, главного раввина

Израиля **рабби Бенциона-Меира-Хая Узиэля** (1880 – 1953, Иерусалим).

25 СЕНТЯБРЯ

70 лет со дня смерти физика-теоретика, иностранного члена-корреспондента АН СССР, профессора Лейденского университета, одного из основоположников теоретической физики в России, автора трудов по термодинамике, статистической механике, теории относительности, квантовой теории, введшего понятие фазовых переходов 2го рода, создателя научной школы **Пауля Эренфеста** (Ehrenfest; 1880, Вена – 1933, Амстердам).

26 СЕНТЯБРЯ

60 лет со дня гибели Героя Советского Союза капитана **Залмана Давидовича Вихнина** (1909, Щедрин – 1943, Чернигов).

28 СЕНТЯБРЯ

70 лет со дня рождения государственного деятеля, первой женщины и первой еврейки на посту губернатора штата Вермонт (США), **Мэдлин Кунин** (Kunin; р. 1933, Цюрих).

90 лет со дня рождения металловеда, академика РАН, автора трудов по легким сплавам, композиционным материалам, лауреата двух Государственных премий СССР **Иосифа Наумовича Фридляндера** (р. 1913, Андижан).